

Государственное учреждение
«Научно-практический центр
Государственного комитета судебных
экспертиз Республики Беларусь»

2/36

ВОПРОСЫ

криминологии, криминалистики и судебной экспертизы

сборник научных трудов

ВОПРОСЫ

криминологии, криминалистики и судебной экспертизы

Сборник научных трудов
№ 2 (36), 2014

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета

Швед А.И. – Председатель Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, генерал-майор юстиции, кандидат юридических наук, доцент

Воронин М.В. (заместитель председателя редакционного совета)

Мороз И.А. (секретарь редакционного совета), кандидат юридических наук;
Авсянников В.И.; Врублевский П.В.; Гулидин Д.А.; Евмененко С.А.; Клинчук А.В.;
Козловский А.С.; Крицкая С.В.; Овсюк Ю.А.; Остянко Ю.И., кандидат медицинских наук;
Сасункевич Н.И.; Сорокин А.А.

Редакционная коллегия:

Председатель редакционной коллегии, главный редактор Дулов А.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь

Пономаренко Ю.В. (заместитель председателя редакционной коллегии, заместитель главного редактора), кандидат юридических наук

Басецкий И.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь; Ермолович В.Ф., доктор юридических наук, член-корреспондент Академии военных наук РФ; Зорин Г.А., доктор юридических наук, профессор; Мухин Г.Н., доктор юридических наук, профессор; Хомич В.М., доктор юридических наук, профессор; Шабанов В.Б., доктор юридических наук, профессор; Ревинский В.В., доктор технических наук, доцент, лауреат Государственной премии СССР; Рылова Т.Б., доктор геолого-минералогических наук; Цыбовский И.С., кандидат биологических наук; Михайленко Г.В., кандидат юридических наук; Кривицкий А.М., кандидат технических наук; Дода И.Г., кандидат филологических наук; Бочарова О.С., кандидат юридических наук; Шумак Г.А., кандидат юридических наук; Куприянова А.А., кандидат юридических наук.

Ответственный за выпуск *Силивончик И.А.*

Приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 2 февраля 2011 г. № 26 на основании пункта 18 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь сборник научных трудов «Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим специальностям: 12.00.08 (уголовное право, криминология и уголовно-исполнительное право); 12.00.09 (уголовный процесс); 12.00.12 (криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность).

5

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

13

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

39

КРИМИНАЛИСТИКА

73

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

137

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

АВТОМАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

161

ЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯДЕРНОЙ И РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Чуркин А.А.

адъюнкт

научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

Аннотация

Исследуется эволюция отечественного уголовного законодательства в области ядерной и радиационной безопасности. На основе анализа уголовно-правовых норм в исторической ретроспективе выделены периоды и этапы развития уголовного законодательства в данной области, закономерности их возникновения и становления.

В современном мире атомная энергетика прочно заняла свою нишу в энергетическом комплексе многих государств и позволяет замещать сокращающиеся углеродные источники энергии на Земле, запасы которых ограничены. Однако, несмотря на ряд положительных эффектов, прежде всего экономического, использования человечеством в процессе своей деятельности атомной энергии, следует учитывать элемент безопасности. Речь идет о возможных негативных последствиях нарушения правил эксплуатации объектов, использующих энергию атома, в результате противоправных действий на объектах атомной энергетике. Об этом можно судить по размерам последствий аварий, имевших место в СССР. Так, 29 сентября 1957 г. произошла «Кыштымская авария» – первая в СССР радиационная чрезвычайная ситуация техногенного характера, возникшая на химкомбинате «Маяк». В конце 1970-х гг. в Каранском карьере Донецкой области была потеряна ампула с радиоактивным веществом, использовавшаяся в измерительном приборе предприятия. 10 августа 1985 г. на атомной подводной лодке К-431, находившейся у пирса № 2 судоремонтного завода ВМФ в бухте Чажма (поселок Шкотово-22), произошел тепловой взрыв реактора, а 26 апреля 1986 г. произошел взрыв на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции (далее – Чернобыльская АЭС). Последняя авария расценивается как крупнейшая в своем роде за всю историю атомной энергетике, как по предполагаемому количеству погибших и пострадавших от ее последствий людей, так и по экономическому ущербу. За непродолжительную историю существования атомной энергетике произошло около 400 катастроф, аварий и радиационных (ядерных) происшествий. Данные инциденты оказали значительное воздействие на реформирование и совершенствование законодательства, в том числе уголовного, в данной области.

Развитие уголовного законодательства в области ядерной и радиационной безопасности можно условно разделить на два периода: советский период и период после обретения Республикой Беларусь суверенитета. В свою очередь, в советском периоде можно выделить два этапа: до катастрофы на Чернобыльской АЭС и после нее.

Использование метода исторического анализа в законотворческой деятельности позволяет определить закономерности развития уголовного законодательства, регулирующего ядерную и радиационную безопасность,

а также проанализировать условия его формирования, тенденции и перспективы развития.

Уголовный кодекс Белорусской ССР от 29 декабря 1960 г. [1] (далее – УК БССР) явился первым нормативным правовым актом уголовно-правового характера, который установил ответственность за совершение преступления против радиационной безопасности и изначально содержал лишь один состав данной категории. В соответствии со ст. 212 УК БССР, размещенной в гл. 15 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения», уголовно наказуемым признавалось деяние, предусматривающее ответственность за нарушение правил хранения, использования, учета или перевозки взрывчатых и радиационных веществ. В части 1 данной статьи предусматривалась ответственность за нарушение правил хранения, использования, учета или перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ, а также незаконную пересылку этих веществ по почте или багажом, если эти действия могли повлечь тяжкие последствия. Санкция статьи предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до одного года или исправительных работ на тот же срок. В части 2 предусматривалась ответственность за те же действия, если они повлекли тяжкие последствия, в виде лишения свободы на срок до семи лет.

Анализ данной нормы УК позволяет сделать вывод о том, что указанный состав преступления по конструкции объективной стороны является формально-материальным. Разным будет момент окончания преступления: в ч. 1 ст. 212 УК БССР – достаточно совершения одного из действий, указанных в диспозиции нормы; в ч. 2 ст. 212 УК БССР требуется наступление общественно опасных последствий в результате действий, перечисленных в ч. 1 названной статьи. Субъектом данного преступления может быть должностное лицо (рабочий или служащий учреждения организации или предприятия, использовавший радиоактивные вещества), которому радиоактивные вещества были вверены по службе. В случае незаконной пересылки этих веществ по почте или багажом, субъектом преступления может быть и частное лицо. Уголовная ответственность предусматривалась лишь за нарушение порядка обращения с радиоактивными материалами.

Активное изменение советского уголовного законодательства, выразившееся в криминализации ряда деяний, началось в 80-е гг. XX в. Данный факт объясняется осознанием общественной опасности деяний, предметом которых выступали радиоактивные вещества повышенной опасности. Эти вещества обладают

опасными свойствами, способными причинить вред жизни и здоровью граждан, материальным ценностям.

В указанный период атомная энергетика была уже достаточно развита и требовала своевременного законодательного реагирования на противоправные посяательства в этой сфере. В процессе дальнейшего развития и совершенствования законодательства в данной области в УК БССР были внесены изменения и дополнения. Так, 19 января 1984 г. была введена в действие ст. 240¹ УК БССР «Нарушение правил обращения с оружием, а также с веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих», которая была помещена в гл. 16 «Воинские преступления». Предметом преступления являлись, в том числе, радиоактивные вещества [2].

Указом Президиума Верховного Совета БССР от 23 марта 1988 г. (Собрание законов БССР, Указов Президиума Верховного Совета БССР, Постановлений Совета Министров БССР, 1988 г., № 9, ст. 143) в ст. 212 УК БССР были внесены изменения, исключившие из предмета преступления данного состава радиоактивные вещества, тем самым выведя данную статью из правового регулирования отношений в области ядерной и радиационной безопасности. Этим же Указом была установлена уголовная ответственность за следующие действия, совершенные в отношении радиоактивных материалов: ст. 211¹ УК БССР «Незаконное приобретение, хранение, использование, передача или разрушение радиоактивных материалов»; ст. 211² УК БССР «Хищение радиоактивных материалов»; ст. 211³ УК БССР «Угроза совершить хищение радиоактивных материалов или использовать их»; ст. 211⁴ УК БССР «Нарушение правил хранения, использования, учета, перевозки радиоактивных материалов и других правил обращения с ними». Указанные статьи были размещены в гл. 15 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Кроме того в гл. 13 «Преступления против правосудия» была предусмотрена ответственность за укрывательство (ч. 2 ст. 185 УК БССР) и недонесение (ч. 2 ст. 186 УК БССР) о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 211¹, 211² УК БССР [3]. По мнению А.А. Примачёнка, принятие указанных изменений являлось реакцией на аварию на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г. и было направлено на усиление уголовно-правовой защиты общественных и государственных интересов в данной сфере. Как следует из приведенных фактов, законодательство было дополнено почти два года спустя после названной аварии, что указывает на факт не вполне своевремен-

ной разработки и принятия нормативных актов, предусматривающих правовые меры поддержания законности. На данное обстоятельство следует обратить внимание, ибо вместо упреждения негативных проявлений при использовании ядерной энергии законодательство со значительным опозданием следовало за такого рода явлениями [4, с. 72]. Авария на Чернобыльской АЭС явилась поводом для дальнейшего совершенствования уголовного закона. Виновными в данном деянии, по причинам нарушений ряда правил и регламентов эксплуатационным персоналом ядерной установки, было признано 6 должностных лиц Чернобыльской АЭС: директор, главный инженер, заместитель главного инженера по эксплуатации 2-й очереди, начальник реакторного цеха, начальник аварийной смены станции, государственный инспектор Госатомэнергонадзора СССР, которые были привлечены к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 220 УК Украинской Советской Социалистической Республики (далее – УК УССР). Перечисленным лицам вменялось нарушение правил техники безопасности на взрывоопасных предприятиях, повлекшее человеческие жертвы и иные тяжкие последствия. Необходимо отметить, что согласно законодательству СССР, АЭС не относились к взрывоопасным предприятиям, однако ответственность за указанные действия на ядерно-опасных объектах в действовавшем законодательстве отсутствовала.

Можно также утверждать, что норма, ранее содержащаяся в ст. 212 УК БССР, была частично изложена в ст. 211⁴ УК БССР. Ответственность предусматривалась за нарушение правил хранения, использования, учета, перевозки радиоактивных материалов и других правил обращения с ними, если эти действия могли повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия, а также те же действия, если они повлекли гибель людей или иные тяжкие последствия. Остальные статьи являлись новеллами в законодательстве.

УК БССР за преступления против ядерной и радиационной безопасности предусматривал следующие виды основных наказаний (указан максимальный размер наказания): лишение свободы (до 15 лет), исправительные работы (до 2 лет), штраф (до 1000 рублей, с 1 марта 1994 г. – от 5 до 10 минимальных заработных плат). Также предусматривались дополнительные виды наказаний – конфискация имущества и увольнение от должности.

Как ранее было отмечено, действовавшее на момент Чернобыльской катастрофы уголовное законодательство не соответствовало требованиям времени. Действия законодателя по

внесению изменений и дополнений в УК БССР были вызваны самой аварией, ее последствиями. Следует отметить, что в то время на территории БССР не было АЭС, однако с 1962 г. в пос. Сосны (впоследствии «Объединенный институт энергетических и ядерных исследований – Сосны») эксплуатировался исследовательский ядерный реактор.

В феврале 1990 г. была установлена уголовная ответственность за реализацию продукции, загрязненной радионуклидами сверх допустимых уровней, которая была закреплена в ст. 149² УК БССР [5]. Данная норма содержалась в гл. 11 «Преступления в сфере предпринимательства и иной хозяйственной деятельности». Значительная часть радионуклидов может поступать в организм человека вместе с загрязненными продуктами питания. Радиоактивными веществами были загрязнены территории сопредельных с АЭС государств, в том числе значительная часть территории БССР. Территория, которая имела высокую степень загрязнения радиоактивными веществами, получила название зоны отчуждения, была выведена из использования. Из зоны отселения, где по медицинским показаниям невозможно проживание, население было выселено в более благополучные районы. Необходимость введения данной нормы была обусловлена серьезной опасностью для населения, исходившей от продукции, загрязненной радионуклидами, и была направлена на защиту потребителя. Для реализации этой нормы была установлена административная преюдиция за реализацию (продажа, а также иная передача) продукции, загрязненной радионуклидами сверх допустимых уровней. Деяние наказывалось исправительными работами на срок до 1 года или штрафом до 500 руб. с конфискацией этой продукции. Субъектом преступления в ч. 2 данной статьи являлось должностное лицо, совершившее те же действия после применения мер административного взыскания за такое же нарушение. Была предусмотрена ответственность в виде лишения свободы на срок до 2 лет, исправительных работ на тот же срок, или штраф от 500 до 1000 рублей либо увольнение.

В связи с распадом СССР и образованием нового государства – Республики Беларусь, 19 сентября 1991 г. был принят Закон Республики Беларусь № 1085-ХП «О названии Белорусской Советской Социалистической Республики и внесении изменений в Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и Конституцию (Основной Закон) Белорусской

ССР», который утвердил Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) и ввел его в действие с 1 апреля 1961 г. [6, с. 5]. Таким образом, уголовное законодательство БССР продолжило свое действие на территории Республики Беларусь.

Законом Республики Беларусь от 09 декабря 1992 г. (Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь, 1993 г., № 7, ст. 39) гл. 15 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» пополнилась новым составом преступления против радиационной безопасности – ст. 211⁵ УК «Нарушение правил радиационного контроля». Обязательный признак – время совершения преступления: в течение года после наложения административного взыскания за деяние в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях Республики Беларусь, т. е. за такое же правонарушение [7].

09 июля 1999 г. Законом Республики Беларусь (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 1999 г., № 57, 2/65) в ч. 2 ст. 75 УК «Контрабанда» были внесены изменения, криминализирующие такое деяние, как перемещение через границу Республики Беларусь ядерного оружия, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманом использованием документов или средств идентификации, либо сопряженное с недекларированием или заведомо недостоверным декларированием [8]. Предметом данного преступления выступают радиоактивные вещества и ядерное оружие, помимо товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных перемещением через таможенную границу Республики Беларусь.

Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) [9], сменивший УК БССР 1960 г. и вступивший в действие с 1 января 2001 г., содержал ряд составов преступлений, объектом которых выступала ядерная и радиационная безопасность. Уголовная ответственность предусматривалась за следующие преступления: ч. 2-4 ст. 228 «Контрабанда» радиоактивных веществ, ядерного оружия (содержится в гл. 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности»); ст. 268 «Сокрытие либо умышленное искажение сведений о загрязнении окружающей среды» о радиационном загрязнении окружающей среды, ст. 269 «Порча земель» – загрязнение земель радиоактивными веществами, ст. 278 «Нарушение правил безопасности при обращении с экологически опасными веществами и отходами», в том числе и с радиоактивными материалами (гл. 26 «Пре-

ступления против экологической безопасности и природной среды»); ст. 294 «Хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ», включая ядерное оружие, ст. 301 «Нарушение правил производственно-технической дисциплины или правил безопасности на объектах, связанных с использованием ядерной энергии» (гл. 27 «Преступления против общественной безопасности»); ст. 322 «Незаконное приобретение, хранение, использование, сбыт либо разрушение радиоактивных материалов», ст. 323 «Хищение радиоактивных материалов», ст. 324 «Угроза опасным использованием радиоактивных материалов», ст. 325 «Нарушение правил обращения с радиоактивными материалами», ст. 326 «Нарушение правил радиационного контроля» (гл. 29 «Преступления против здоровья населения»); ст. 463 «Нарушение правил обращения с оружием, материалами, веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих», к которым относятся радиоактивные материалы (гл. 37 «Воинские преступления»).

В процессе дальнейшего совершенствования законодательства конкретизировалась редакция ст. 301 УК. Законом Республики Беларусь от 27.12.2010 № 223-3 [10] в нее были внесены изменения в той части, что преступление совершалось на объектах использования атомной, а не ядерной энергии, что существенно расширило толкование нормы. Также изменения и дополнения вносились в другие статьи УК: ч. 2 ст. 228, 269, 278, 324, 326, которые не затронули общественных отношений в области ядерной и радиационной безопасности.

Законодателем в последующем было принято решение о включении в предмет преступного посягательства объектов производства и использования атомной энергии. Также расширено содержание объективной стороны путем включения в действия субъекта преступления использования радиоактивных веществ или ядерных материалов в составы преступлений террористической направленности: ст. 126 «Акт международного терроризма» (содержится в гл. 17 «Преступления против мира и безопасности человечества» и ст. 289 «Акт терроризма» с применением объектов использования атомной энергии, либо с использованием радиоактивных веществ или ядерных материалов (гл. 26 «Преступления против экологической безопасности и природной среды»)) [11].

УК предусматривал 3 состава преступлений, ответственность по которым наступала за совершение в течение года после наложения административного взыскания аналогичных нарушений:

– ст. 269 «Порча земель», выразившаяся в загрязнении земель радиоактивными веществами;

– ст. 278 «Нарушение правил безопасности при обращении с генно-инженерными организмами, экологически опасными веществами и отходами», а в частности с радиоактивными веществами или отходами;

– ст. 326 «Нарушение правил радиационного контроля».

УК сохранил основные виды наказаний за предусмотренные преступления: лишение свободы (до 15 лет), исправительные работы (до 2 лет), штраф и санкции, которые предусматривались УК БССР (указан максимальный размер наказания). Дополнительно были введены новые виды основных наказаний: ограничение свободы (до 5 лет), арест (до 6 месяцев), общественные работы. В действующем УК 1999 г. сохранились дополнительные виды наказания в виде конфискации имущества и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Уголовное законодательство Республики Беларусь в сфере обеспечения ядерной и радиационной безопасности было сформировано преимущественно «по следам» чрезвычайных ситуаций и катастроф, связанных с использованием радиоактивных материалов, и не в полной мере отражает современное состояние общественных отношений в сфере примене-

ния источников ионизирующего излучения. В связи с этим требуется его переосмысление в соответствии с современными реалиями, внесение соответствующих изменений и дополнений, направленных на наиболее эффективное регулирование рассматриваемых отношений. В частности, необходимо разработать пакет нормативных правовых актов, регламентирующих на всех этапах безопасную эксплуатацию АЭС: выбор площадки, проектирование, строительство, закупка оборудования, подбор и подготовка персонала и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что становление и развитие советского уголовного права, а в последующем уголовного права Республики Беларусь, обеспечивающего защиту общественных интересов в области ядерной и радиационной безопасности, шло вслед за развитием ядерной энергетики. Эволюция норм УК продолжалась постоянно на протяжении рассматриваемых периодов, чему способствовали произошедшие аварии и инциденты радиационного характера. Действия законодателя по совершенствованию нормативной базы в области ядерной и радиационной безопасности нашли свое отражение в увеличении количества деяний, охраняемых уголовным законом. В УК БССР 1960 г. впервые появились правовые нормы, которые обеспечивали охрану ядерной и радиационной безопасности, впоследствии были восприняты и развиты в действующем УК.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: утв. Законом Респ. Беларусь 29 дек. 1960 г.: В ред. Закона Респ. Беларусь от 09. 10. 2000 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

2. О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь: Указ Президиума Верхов. Совета БССР, 19 янв. 1984 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

3. О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь: Указ Президиума Верхов. Совета БССР, 23 марта 1988 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

4. Примачёнок, А.А. Организационно-правовое обеспечение безопасности на объектах, связанных с использованием ядерной энергии, на стадии строительства / А.А. Примачёнок // Актуальные проблемы применения уголовного закона в современных условиях: Материалы респ. науч.-практ. семинара (Минск, 30 нояб. 2012 г.), – Минск : Гос. учреждение образования «Институт национальной безопасности Республики Беларусь», 2013. – 99 с.

5. Об усилении ответственности за нарушение требований режима радиационной безопасности в местностях, подвергшихся радиоактивному загрязнению : Указ Президиума Верхов. Совета БССР, 22 февр. 1990 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

6. О названии Белорусской Советской Социалистической Республики и внесении изменений в Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и Конституцию (Основной Закон) Белорусской ССР : Закон Респ. Беларусь, 24 сент. 1991 г. № 1085-XII // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1991. – № 30. – Ст. 490.

7. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь в связи с принятием Закона Республики Беларусь «О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС»: Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
8. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 57. – 2/65.
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г.: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: В ред. Закона Респ. Беларусь от 12.07.2013 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
10. О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 27 дек. 2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
11. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам борьбы с терроризмом и противодействия экстремизму: Закон Респ. Беларусь, 26 окт. 2012 г. № 435-3 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

Дата поступления: 09.06.2014

Annotation

This is explored the evolution of domestic criminal legislation in the field of nuclear and radiation safety. Based on the analysis of criminal law in retrospective review, there are defined some periods and stages of development of the criminal law in this area, the regularity of their occurrence and formation.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

**АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СТАДИИ
ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА****Швед А.И.**

канд. юрид. наук, доцент
Государственный комитет
судебных экспертиз
Республики Беларусь

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы стадии возбуждения уголовного дела. Аргументируется значение данной стадии в аспекте защиты прав и свобод граждан, достижения иных целей уголовного судопроизводства. Представлен исторический и сравнительно-правовой анализ развития института возбуждения уголовного дела на примере Республики Беларусь и иных государств.

Тенденции развития правового регулирования процессуальной деятельности органов уголовного преследования во многих постсоветских странах обусловлены, в основном, поиском оптимальной модели досудебного производства в целях повышения эффективности борьбы с преступностью и усиления защиты прав личности. В той или иной мере такая деятельность неизбежно затрагивает и институт возбуждения уголовного дела. Последние годы не стали исключением. Активизировалась тенденция изменения подходов к оценке роли и места многих институтов уголовного процесса, включая и стадию возбуждения уголовного дела. В частности, в нашей республике и в России созданы новые государственные органы, ведущие уголовный процесс – следственные комитеты [1; 2]. В этой связи изменены (уточнены) процессуальный статус следователя и начальника следственного подразделения, подследственность, процессуальный порядок разрешения заявлений и сообщений о преступлениях, ограничены либо дополнены полномочия прокурора по осуществлению надзора на досудебных этапах.

В прошлом году в Российской Федерации получила свое дальнейшее кардинальное развитие стадия возбуждения уголовного дела: введены дополнительные поводы к возбуждению уголовного дела; значительно расширен перечень следственных и иных процессуальных действий, которые можно проводить до возбуждения уголовного дела; участники уголовного процесса на данной стадии наделены правами и обязанностями, при необходимости им может быть обеспечена безопасность; полученные в ходе доследственной проверки сведения стало возможным использовать в качестве доказательств [3]. Хотя уголовно-процессуальный закон Российской Федерации (далее – УПК РФ) до недавнего времени в этом смысле несколько отличался от УПК Беларуси. В частности, в нем наряду с иными была обнажена проблема самостоятельности стадии возбуждения уголовного дела. Многие известные российские процессуалисты при анализе ст.ст. 140 – 151, 318 – 318, 447 – 448 УПК РФ обращали на это внимание [4]. Однако и в настоящее время в ряде публикаций делается акцент на то, что указанные кардинальные изменения не смогли до конца решить проблемы стадии возбуждения уголовного дела. Отмечается несовершенство отдельных норм УПК РФ в части требований допу-

стимости некоторых доказательств, отсутствие возможности заявлять ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, порядка разъяснения лицам, участвующим в производстве процессуальных действий, их прав и обязанностей, обосновывается необходимость участия на доследственном этапе переводчика [5].

Казалось бы, указанные и другие новеллы должны поставить точку в многолетних спорах о роли стадии возбуждения уголовного дела и дальнейшем пути ее развития. Однако наблюдается обратный эффект. Почти одновременно появились десятки публикаций, придавших новый импульс указанным дискуссиям. Сложившееся положение дел наводит на мысль о том, что многие проблемные вопросы доследственного этапа все же не решены.

Что характерно, особой новизной в решении проблем стадии возбуждения уголовного дела публикации последних лет, в основном, не отличаются. Исходя из содержания, их условно можно разделить на несколько групп: часть авторов ставят под сомнение наличие в уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела, предлагая различные доводы о необходимости ее упразднения (в том числе на примере развития уголовно-процессуального законодательства других государств); иные ученые и практики, не отрицая необходимость наличия стадии возбуждения уголовного дела, предлагают различные подходы к совершенствованию процессуальной деятельности и прокурорского надзора [6 – 14].

Например, вряд ли отличаются новизной мнения некоторых современных белорусских процессуалистов, предлагающих либо устранить из уголовного процесса стадию возбуждения уголовного дела, предусмотрев необходимость принятия органами уголовного преследования решения о начале предварительного расследования, либо возратить изначальное назначение стадии возбуждения уголовного дела с ограниченными и не подлежащими продлению сроками принятия решения по заявлению (сообщению) о преступлении [15].

В других публикациях отмечается вполне аргументированное, но в то же время известное мнение о том, что к реформе стадии возбуждения уголовного дела нужно подходить взвешенно, принимая во внимание «...требования смежных уголовно-процессуальных институтов и опыт иных государств по оптимизации законодательства, регулирующего рассматриваемые правоотношения» [16].

Есть и иные, достаточно радикальные предложения, затрагивающие сущность не только стадии возбуждения уголовного дела, но и все-

го уголовного процесса. Например, в контексте изучения ситуации, связанной со сменой парадигм досудебного производства в России, один из ученых оценил ее как «институциональный хаос», корни которого он усмотрел в несоответствии российской модели «архетипу» предварительного расследования. В зависимости от процессуальных полномочий прокурора автор выделил три архетипа («первообраза») предварительного расследования, «между которыми и вынуждено делать выбор любое современное государство»: первый – «французский». Функции предварительного следствия возложены на следственного судью, деятельность которого ввиду принадлежности его к судебной власти прокурорским надзором не охватывается; второй – «немецкий». Прокурор осуществляет процессуальное руководство полицейским расследованием и руководит на досудебной стадии всем процессом расследования преступлений; третий – «американский». Расследование полиция ведет самостоятельно, прокурор не имеет процессуальных полномочий по контролю за ее деятельностью и вступает в уголовный процесс только на стадии предания суду. При этом автор определил как неизбежную необходимость выбора одного из изложенных им архетипов в качестве базовой модели предварительного расследования в России. Таким образом, навязывается точка зрения о том, что уголовный процесс России настолько несовершенен и подвержен хаосу, что требует в обязательном порядке замены на одну из заявленных моделей [17]. Подобный подход, по нашему убеждению, к формированию современной модели досудебного производства, основанный на «архетипе», является крайне сомнительным, а при отсутствии обоснованных прогнозов возможных последствий может повлечь не только серьезные системные сбои в работе органов, ведущих уголовный процесс, но и существенно ущемит права граждан. Возникает также вопрос, в соответствии с какими общепризнанными и научно обоснованными критериями та или иная модель уголовного процесса стала «архетипом», эталоном, образцом? Ссылки на научные исследования, которые могут дать ответ на данные вопросы, в указанной публикации отсутствуют. Однако в современной истории есть подобные примеры внедрения иной модели уголовного процесса в классическую систему «советских» правоотношений.

К примеру, некоторые украинские и российские авторы, в целом положительно оценивая нормы нового УПК Украины 2012 г., отмечают, что «стала историей привычная для постсоветского пространства стадия воз-

буждения уголовного дела; ...исключив из уголовного производства стадию возбуждения уголовного дела и расширив средства доказывания, включая оперативно-розыскную деятельность (ОРД), УПК Украины снял многие дискуссионные проблемы, касающиеся использования в уголовном производстве специальных знаний и, соответственно, научных методов и средств» [18; 19]. Однако согласно данным этих же исследователей, в Украине только в органы внутренних дел в 2011 г. поступало более 2,5 миллиона заявлений и сообщений о преступлениях, из которых лишь в 15% случаев возбуждались уголовные дела. Очевидно, что нагрузка на органы, ведущие уголовный процесс в Украине, возросла более чем в шесть раз. Фактически, для применения модели уголовного процесса, в которой отсутствует стадия возбуждения уголовного дела, необходимо значительно увеличить штаты органов, ведущих уголовный процесс, а также понести иные существенные расходы бюджета, в том числе в связи с появлением новых участников уголовного процесса (например, следственных судей). Ради чего необходимы такие жертвы? Есть ли обоснованные научные данные о том, что смена «советской» модели уголовного процесса на иной «архетип» повысила эффективность борьбы с преступностью, усилила правовые гарантии защиты прав личности в уголовном процессе? Представляется, что вопрос остается открытым.

Отказ от стадии возбуждения уголовного дела не может быть компенсирован какой-либо иной процессуальной формой разрешения заявлений и сообщений о преступлении, так как ежегодно в правоохранительные и иные государственные органы, например, нашей республики поступает более четырехсот тысяч заявлений с требованием о возбуждении уголовного дела. В России количество таких заявлений исчисляется миллионами. Решение же о возбуждении уголовного дела, по известным статистическим данным, принимается в среднем по 30% подобных обращений [20].

Таким образом, установленная УПК Беларуси и УПК РФ процессуальная форма разрешения заявлений и сообщений о преступлении позволяет органу уголовного преследования ежегодно принимать решения о возбуждении уголовного дела только при наличии законных поводов и оснований, избегая в дальнейшем напрасной траты сил и средств в связи с расследованием незаконно возбужденных уголовных дел, подлежащих, как правило, прекращению. Отказ в возбуждении уголовного дела как одна из форм реагирования на информацию о преступлении в настоящее время не может быть

исключен из УПК, так как почти две трети заявлений или сообщений о преступлении, о чем свидетельствует статистика, не имеют отношения к сфере уголовно-правовых отношений, являются надуманными, ложными и т.д.

Именно проверка заявлений и сообщений о преступлении обеспечивает их правильное и законное разрешение. Поэтому совершенствование проверки заявлений и сообщений о преступлении является одной из гарантий повышения возможностей физических и юридических лиц защищать свои права и законные интересы. Задача же обеспечения этих прав и интересов, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела, установленная ст. 2 УПК Беларуси, возложена на все органы уголовного преследования.

К слову сказать, стадия возбуждения уголовного дела всегда привлекала к себе повышенное внимание со стороны процессуалистов и практиков. Только за последние тридцать лет опубликовано более трехсот известных нам монографий, учебников, учебных пособий и статей, затрагивающих различные ее аспекты. В большинстве работ авторы обоснованно воспринимают как аксиому самостоятельность и необходимость в уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела [21 – 36]. По такому же пути долгие годы во многих странах шел и законодатель. За период с 1960 г. по настоящее время стадия возбуждения уголовного дела получила серьезное правовое закрепление и развитие как в Республике Беларусь, так и за рубежом. Во многом это было обусловлено и тем, что практика настоятельно требовала развития стадии возбуждения уголовного дела путем расширения процессуальных средств по осуществлению проверки информации о преступлении, принятию правильного процессуального решения.

Например, с момента принятия в 1960 г. УПК БССР было запрещено производство до возбуждения уголовного дела каких-либо следственных действий, допускалось истребование необходимых материалов и получение объяснений (ст. 108). Однако в дальнейшем практические проблемы деятельности органа уголовного преследования заставили законодателя снять некоторые из этих ограничений, разрешив в 1963 г. в порядке исключения осмотр места происшествия в случаях, не терпящих отлагательства (ст. 177), а в 1997 г. – производство экспертизы (ст. 188). Если в УПК БССР стадии возбуждения уголовного дела была посвящена только гл. 9, содержащая в себе 10 статей (ст.ст. 105 – 114 УПК БССР), то в действующем УПК Беларуси возбуждение уголовного дела регламентировано двумя главами: гл. 20 «По-

воды и основания к возбуждению уголовного дела», гл. 21 «Порядок возбуждения уголовного дела», состоящими из 14 статей (ст.ст. 166 – 179), а также ст. 468-2.

Очевидно, что первоначальный этап уголовного процесса, прошедший достаточно долгий путь до признания его самостоятельности, получивший этот статус в уголовно-процессуальном законодательстве и на практике подтвердивший свою эффективность, продолжает свое развитие и совершенствование. История этого развития указывает на приобретение первоначальным этапом ряда черт стадии предварительного расследования. Главный признак указанного явления – расширение перечня следственных действий до возбуждения уголовного дела. Этот процесс объективно вытекает из необходимости получения достаточных и доброкачественных доказательств в целях законного и обоснованного разрешения заявления или сообщения о преступлении, с одной стороны, а с другой, что далеко не маловажно, – позволяет закрепить полученные доказательства убедительным в процессуальном смысле способом, чтобы в судебном разбирательстве они не потеряли доказательственного значения и выглядели в глазах сторон как доброкачественные, допустимые, полноценные и неопровержимые фактические данные.

18

Однако именно это направление развития стадии возбуждения уголовного дела и породило некоторые сомнения в ее целесообразности. В частности, некоторые процессуалисты пишут о том, что не исчерпан вопрос о возможности производства следственных действий в ходе установления оснований к возбуждению уголовного дела. Законодатель, по их мнению, предпринял попытку расширить перечень следственных действий, допускаемых до возбуждения уголовного дела, однако не указал четко цель и момент их производства, что не дает единства правоприменительной практики. Отсутствие должного внимания к этому вопросу, как далее пишут авторы, чревато уничтожением идеи, без которой само существование стадии возбуждения уголовного дела станет бессмысленным [4].

По этому поводу интересно мнение одного из ученых, который полагает, что в проблеме допустимости следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела «истина где-то посередине», понимая под этим возможность решения данного вопроса исходя из потребностей практики, но принимая во внимание возможность расширения следственных действий до возбуждения уголовного дела [37].

В этой связи представляется допустимым дополнить ст. 173 УПК Беларуси нормой о

возможности производства следственного эксперимента. Заслуживают внимания и многие новеллы УПК РФ, особенно регламентирующие права и обязанности участников уголовного процесса на стадии возбуждения уголовного дела и возможности использования в качестве доказательств всего объема полученных сведений. Однако в этой части требуется придание процессуальной формы источникам закрепления таких сведений, например, объяснению. Есть и иные предложения. В частности, заявление о безвестном исчезновении лица, как и любая иная информация о преступлении, является поводом к возбуждению уголовного дела. Однако само заявление не может быть основанием к возбуждению уголовного дела, как это предусмотрено п. 2 ст. 167 УПК Беларуси, только потому, что в течение десяти суток не представилось возможным найти исчезнувшее лицо. Если розыск безвестно исчезнувших лиц ранее традиционно относился к компетенции органа дознания, то УПК Беларуси данную деятельность вменил в обязанность и органу, осуществляющему предварительное следствие, наделив его несвойственной процессуальной функцией. Таким образом, на уровне закона констатирована, с одной стороны, ранее имевшая место недостаточная эффективность органов дознания по розыску безвестно исчезнувших лиц, а с другой стороны, такое положение явно не способствует тому, чтобы органы дознания усиливали работу в этом направлении, понимая, что через десять суток все равно будет возбуждено уголовное дело. Об этом говорит анализ статистических данных за последние десять лет о количестве безвестно исчезнувших лиц и результатах их розыска, который показал отсутствие положительной динамики. Несмотря на предпринятые организационные, в том числе и уголовно-процессуальные меры, ежегодно, как и ранее, устанавливаются не более 85% безвестно исчезнувших лиц. К тому же решение о возбуждении уголовного дела предшествует предварительному расследованию и для его принятия необходимо и достаточно установления наличия данных, указывающих на признаки конкретного преступления. В то же время согласно ч. 3 ст. 175 УПК Беларуси орган уголовного преследования принимает решение о возбуждении уголовного дела по факту безвестного исчезновения лица без ссылки на статью Уголовного кодекса Республики Беларусь, что противоречит общим правилам процессуального порядка принятия решения о возбуждении уголовного дела. Кроме того, норма, предусмотренная ч. 3 ст. 174 УПК Беларуси о том, что уголовное дело по заявле-

нию об исчезновении лица обязательно, если имеются данные о том, что данное лицо могло стать жертвой преступления, содержит указание на наличие фактических данных, хотя и предположительного характера, о признаках конкретного преступления, например, убийства. Фактически такая же норма содержится в п. 1 ст. 167 УПК Беларуси.

Несомненно, стадия возбуждения уголовного дела с позиции сегодняшнего дня должна оставаться самостоятельной стадией уголовного процесса. Ранее нами обосновывалось, что она будет развиваться по пути разрешения на ней следственных и иных процессуальных действий, адекватных потребностям практики

и обеспечения прав и законных интересов личности. Границей этого развития должен быть принципиальный момент или барьер, делающий невозможным применение мер процессуального принуждения без процессуально оформленного решения о возбуждении уголовного дела [38]. В этой связи необходимо в конечном итоге создать процессуальную форму, содержащую в себе решение о возбуждении уголовного дела, которая бы гарантировала выполнение задач, стоящих перед органом уголовного преследования при разрешении им заявлений и сообщений о преступлении и наряду с этим охрану прав и законных интересов личности и иных участников уголовного процесса.

Список использованных источников

1. Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 12 сент. 2011 г., №409 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
2. О Следственном комитете Российской Федерации: Федер. закон от 28.12.2010 №403-ФЗ (в ред. от 04.06.2014) // Консультант Плюс: Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014.
3. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 04.03.2013 №23-ФЗ (в ред. от 28.12.2012) // Консультант Плюс: Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014.
4. Яшин, В.Н. Возбуждение уголовного дела в уголовном процессе России / В.Н. Яшин, А.В. Победкин, Б.В. Аксенов. – Тула: Гриф и К°, 2001. – С. 4 – 6.
5. Гришина, Е.П. Возбуждение уголовного дела – модель обновленная, проблемы прежние / Е.П. Гришина // Рос. юстиция. – 2014. – №10. – С. 37 – 40.
6. Ряполова, Я.П. Процессуальные действия прокурора по надзору за законностью и обоснованностью действий и решений на стадии возбуждения уголовного дела / Я.П. Ряполова // Рос. следователь. – 2012. – №14. – С. 9 – 11.
7. Абдул-Кадыров, Ш. Функции и полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела / Ш. Абдул-Кадыров // Законность. – 2012. – №9. – С. 12 – 15.
8. Быков, В. Права прокурора на стадии возбуждения уголовного дела / В. Быков // Законность. – 2013. – №4. – С. 49 – 53.
9. Мытник, П. Поводы к возбуждению уголовного дела / П. Мытник // Юстиция Беларуси. – 2012. – №4. – С. 17 – 22.
10. Печерский, В. Стадия возбуждения уголовного дела: содержание основных пробелов и противоречий / В. Печерский // Юстиция Беларуси. – 2013. – №1. – С. 35 – 39.
11. Данько, И. Требование о производстве ревизий и проверок как способ собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела / И. Данько, О. Колесникова // Юстиция Беларуси. – 2013. – №10. – С. 25 – 28.
12. Петров, А. Признаки преступления как элемент основания для возбуждения уголовного дела / А. Петров // Законность. – 2012. – №8. – С. 51 – 55.
13. Мешков, М. Новые нормы института возбуждения уголовного дела / М. Мешков, В. Гончар // Законность. – 2012. – №5. – С. 45 – 48.
14. Аширбекова, М. Поводы к возбуждению уголовного дела / М. Аширбекова // Законность. – 2012. – №10. – С. 16 – 19.
15. Данилевич, А. Место стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса Республики Беларусь / А. Данилевич, В. Самарин // Законность и правопорядок. – 2013. – №3(27). – С. 24 – 29.
16. Рыбак, С. Реформирование стадии возбуждения уголовного дела: теоретические рассуждения или назревшая необходимость / С. Рыбак, О. Каразей // Законность и правопорядок. – 2013. – №4(28). – С. 35 – 40.
17. Головки, Л.В. Развитие российского предварительного следствия и сравнительно-правовые архетипы досудебного производства / Л.В. Головки // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр. / под ред. А.И.Бастрыкина. – М.: Акад. СК России, 2014. – Вып. 3. – С. 191 – 195.
18. Грошевой, Ю.М. Новый этап развития уголовно-процессуального законодательства Украины / Ю.М. Грошевой, О.В. Каплина // Уголовное судопроизводство. – 2013. – №1. – С. 2 – 6.
19. Волынский, А.Ф. Новый УПК Украины – ответ на вызовы современной преступности или...? / А.Ф. Волынский, В.В. Волынский // Рос. следователь. – 2013. – №5. – С. 39 – 42.

20. *Ильухов, А.А.* Доследственная проверка и вопросы, возникающие в ходе ее проведения на стадии возбуждения уголовного дела, в рамках дел, рассмотренных судом с участием присяжных / А.А. Ильухов // Рос. следователь. – 2014. – №19. – С. 13 – 15.
21. *Альперт, С.А.* Возбуждение уголовного дела органами милиции / С.А. Альперт, В.А. Стрёмовский. – Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1957. – 30 с.
22. *Малышева, О.В.* Возбуждение уголовного дела: теория и практика: моногр. / О.В. Малышева. – М.: Юрист, 2008. – С. 14 – 19.
23. *Белозеров, Ю.Н.* Возбуждение уголовного дела / Ю.Н. Белозеров // Советский уголовный процесс / Под ред. С.В. Бородин. – М.: Акад. МВД СССР, 1982. – С. 194 – 225.
24. *Бородин, С.В.* Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела: учеб. пособие / С.В. Бородин. – М.: Юрид. лит., 1970. – 117 с.
25. *Голунский, С.А.* Возбуждение уголовного дела / С.А. Голунский. – М, 1939. – 122 с.
26. *Гапанович, Н.Н.* Отказ в возбуждении уголовного дела / Н.Н. Гапанович. – Минск: Вышэйш. шк., 1967. – 124 с.
27. *Жогин, Н.В.* Возбуждение уголовного дела / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – М.: Юрид. лит., 1961. – 206 с.
28. *Карнеева, Л.М.* Нужна стадия возбуждения уголовного дела / Л.М. Карнеева // Соц. законность. – 1990. – № 5. – С. 49 – 50.
29. *Кузнецов, Н.П.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела: учеб. пособие / Н.П. Кузнецов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. – 63 с.
30. *Коридзе, Т.М.* Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и пути их решения / Т.М. Коридзе // Новый юридический журнал. – 2013. – №2. – С. 162 – 164.
31. *Мартинович, И.И.* Некоторые вопросы возбуждения уголовного дела / И.И. Мартинович // Ученые записки Белорусского университета. – Сер. юридическая. – Минск, 1957. – Вып. 34. – С. 65 – 83.
32. *Николюк, В.В.* Стадия возбуждения уголовного дела (В вопросах и ответах): учеб. пособие / В.В. Николюк, В.В. Кальницкий, П.Г. Марфицин. – Омск: ОВШМ МВД России, 1995. – 83 с.
33. *Рахунов, А.Р.* Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А.Р. Рахунов. – М.: Госюриздат, 1954. – 88 с.
34. *Рооп, Х.А.* Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / Х.А. Рооп. – Тарту, 1967. – 126 с.
35. *Рыжаков, А.П.* Возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела / А.П. Рыжаков. – М., 1997. – 124 с.
36. *Тетерин, Б.С.* Возбуждение и расследование уголовных дел / Б.С. Тетерин, Е.З. Трошкин. – М., 1997. – 224 с.
37. *Орлов, Ю.* Возможно ли производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела / Ю. Орлов // Законность. – 2003. – № 9. – С. 20 – 21.
38. *Швед, А.И.* Актуальные вопросы возбуждения уголовного дела в Республике Беларусь / А.И. Швед. – Минск: Харвест, 2007. – 432 с.

Дата поступления: 20.11.2014

Annotation

Problematic issues of the stage of criminal proceedings initiation are discussed in the article. The importance of this stage in the aspect of citizens rights and freedoms protection and achievement of other objectives of criminal justice is argued. Historical, as well as comparative legal analysis of the institute of criminal proceedings initiation by the example of the Republic of Belarus and other countries is presented.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**ГЕНЕЗИС НАУЧНО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ИНСТИТУТ ЧАСТНОГО
ОБВИНЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ****Рыбак С.В.**

канд. юрид. наук, доцент

Академия МВД Республики Беларусь

Самко А.В.

адъюнкт

научно-педагогического факультета

Академии МВД Республики Беларусь

Соотношение публичных и частных интересов выражается в категориях публичности и диспозитивности. Принцип публичности превалирует в уголовно-процессуальной деятельности. Это закономерно и обоснованно, ведь именно государство берет на себя обязанность защиты граждан от преступных посягательств, восстановления нарушенных преступлением прав. Кроме того, соблюдение общественных интересов призвано обеспечить незыблемость конституционного строя, общественную безопасность, обороноспособность страны, устойчивое функционирование всех институтов власти. Указанные обстоятельства обязывают компетентные государственные органы принимать меры по обнаружению преступлений и выявлению лиц, их совершивших, возбуждению уголовного дела, привлечению виновных к предусмотренной законом ответственности и созданию условий для постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора (ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, далее – УПК).

В то же время конституционное установление о том, что высшей ценностью общества и государства является человек, его права, свободы и гарантии их реализации (ст. 2 Конституции), детерминирует тенденции к расширению диспозитивных (частных) начал и интересов в уголовно-процессуальных правоотношениях. В этой связи присутствующий в уголовном процессе частный интерес также должен быть в полной мере защищен.

Наиболее ярким примером исключения из принципа публичности, проявления диспозитивных начал в уголовном процессе является институт производства по уголовным делам частного обвинения. Это особая форма уголовного процесса, которая имеет место лишь при наличии выраженного в установленном в уголовно-процессуальном законе порядке требования лица, пострадавшего от преступления (его законного представителя, представителя юридического лица), о привлечении виновного к уголовной ответственности.

Детальное изучение института частного обвинения в уголовно-процессуальной науке началось примерно с конца XIX в., однако и в настоящее время в ученой среде отсутствует единообразное понимание основных характеристик и содержания данного вида производства. Среди ученых, как российских, так и

Аннотация

Авторами исследуются вопросы правовой регламентации института частного обвинения в отечественном уголовном процессе в различные исторические периоды. Анализируется развитие научных взглядов на указанный вид производства среди отечественных и зарубежных процессуалистов. Обосновывается актуальность его комплексного изучения на монографическом уровне с целью определения дальнейшего вектора развития.

отечественных, не утихает дискуссия: не является ли данный вид производства неким анахронизмом, не изжил ли он себя? Одни отечественные процессуалисты указывают лишь на определенное несовершенство института частного обвинения и предлагают определенные пути модернизации, не ставя под сомнение целесообразность его сохранения [1, с. 34 – 36; 2, с. 49 – 52]. Другие – вовсе не видят необходимости его существования в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве [3, с. 253 – 268; 4, с. 31 – 34]. В этой связи представляется, что правильное уяснение сущности и определение дальнейшего вектора развития производства по уголовным делам частного обвинения невозможны без сравнительно-исторического исследования становления данного правового явления. Следует согласиться с Ю.С. Климовичем, в том, что «часто только с помощью ретроспективного анализа можно найти ответ на вопрос о природе исследуемого объекта, понять его тенденции и направления дальнейшего развития» [5, с. 12]. Кроме того, с целью лучшего уяснения вектора дальнейшего развития указанного правового института, видится необходимым также фрагментарно рассмотреть развитие представлений о целесообразности сохранения в УПК указанного вида преследования среди отечественных и зарубежных ученых.

Исторический генезис института производства по уголовным делам частного обвинения в российском уголовно-процессуальном законодательстве достаточно подробно описан в работах российских процессуалистов [6 – 8]. Вместе с тем, геополитическое развитие белорусских земель свидетельствует о том, что результаты указанных выше исследований не в полной мере применимы к отечественному аналогу рассматриваемого института. Данное обстоятельство обуславливает необходимость конкретизации отдельных периодов становления и развития института частного обвинения в отечественном уголовном процессе.

Институт частного обвинения представляет собой старейшую форму обвинительной деятельности. Как верно отмечено О.С. Головачук, сама история развития уголовного процесса свидетельствует о том, что в нем первоначально преобладало именно частное начало, «... современный уголовный процесс вырос именно из частного обвинения, являющегося его первоосновой, на которой он зародился и сформировался» [6, с. 10]. Не исключением являлись и древне-белорусские земли. В белорусских памятниках права прослеживается частный характер преследования, который ограничивался только в том случае, если преступное

деяние затрагивало государственные интересы. Начало процесса зависело от инициативы пострадавшего лица: «А коли нашъ человекъ *вину даль* князьскому или паньскому или боярьскому человеку...» (артикул 9 Судебника Казимира 1468 года) [15]. Допускалась также выдача преступника пострадавшему лицу для расправы или выкупа: «А коли злодея выдадутъ ісь права, а чімъ его вызвелять, казниті по его деломъ» (ст. 12 Судебника) [9].

На территории современной Беларуси, начиная с периода образования Великого Княжества Литовского, несмотря на принятие в XVI в. трех Статутов (1529, 1566 и 1588 годов), судопроизводство по гражданским и уголовным делам не имело существенных отличий. Начало процесса полностью зависело от волеизъявления пострадавшей стороны, сам процесс носил исковой характер. «Соответственно в значении обвинения употреблялись такие термины, как «иск», «скарга», «объява», «позва». В указанных документах должны были содержаться конкретные требования, факты, аргументация позиции, сведения о доказательствах, а также время явки сторон в суд» [5, с. 12]. На истце лежала обязанность «собирать доказательства, представлять их суду и поддерживать обвинение, в любой стадии процесса, он мог отказаться от обвинения, заключить мировое соглашение или помиловать преступника» [10, с. 255]. Причем по гражданским делам истцом доказывались факты причинения вреда, а по уголовным – наличие вины [5, с. 12]. В случае, когда обвинение не находило своего подтверждения, обвинитель мог сам быть подвергнут наказанию судом. На любой стадии процесса он имел право отказаться от обвинения, заключить мировое соглашение или помиловать обвиняемого. Следует оговориться, что ни один из Статутов ВКЛ не устанавливал момента, начиная с которого лицо приобретало статус обвиняемого, «не давал процессуального определения данного участника, равно как не закреплял специальной нормой его правовой статус» [10, с. 256].

Наибольшего развития институт частного обвинения достиг в процессе судебной реформы 1864 г. в Российской империи, в состав которой в соответствующий исторический период входила и территория современной Беларуси. В.П. Ширков указывал, что Государственный Совет, обсуждая основные положения судебной реформы, посчитал, что «власть обвинительную, т.е. обнаружение преступлений и преследование виновных необходимо предоставить прокурорам, с тем, однако, ограничением, что возбуждение уголовных дел не должно зависеть исключительно от одного

прокурора» [11, с. 11 – 12]. По мнению разработчиков Устава уголовного судопроизводства 1864 года (далее – Устав), необходимо предоставить пострадавшим от преступного деяния лицам возможность участия в уголовном преследовании, так как они «едва ли не лучше и надежнее содействуют успеху дела, нежели обвинители официальные» [11, с. 12].

Высоко оценивали институт частного обвинения и известные русские ученые-процессуалисты. Так, И.Я. Фойницкий выделял следующие основные положения, которые допускали, по его мнению, участие частных лиц в возбуждении уголовного преследования: «1) вследствие слабой организации должностного обвинения, не могущего действовать повсюду в государстве; 2) вследствие желания привлечь к деятельному участию в уголовном преследовании заинтересованных в том лиц, чтобы обеспечить большую энергичность преследования; 3) ввиду того, что хотя уголовное обвинение есть всегда публичное, но частные лица как граждане суть в то же время представители публичного класса, а иногда, по *delicta privata*, за ними сохраняется еще исключительное право частного обвинения; 4) для того, чтобы предупредить отягчение участи потерпевших неуместным оглашением происшедшего» [12, с. 20]. По мнению Н.Н. Розина, пострадавшие от преступных деяний обладают наибольшим объемом прав именно по делам частного обвинения. Ученый указывал: «По этим делам органы должностного обвинения совершенно устраняются от вмешательства в уголовное преследование и последнее во всех ее стадиях, как в области возбуждения преследования, так и в области обличения перед судом, переходит в руки частного обвинителя» [13, с. 292].

Таким образом, по сути, Судебные Уставы 1864 г. стали своего рода «золотым веком» производства по уголовным делам частного обвинения, так как именно в них впервые на законодательном уровне нашел свое отражение «законодательный механизм производства по делам частного обвинения, основанный на разграничении публичного и частного интересов и недопустимости вмешательства государства в дела, возбуждаемые по жалобам потерпевших» [8, с. 31].

Революция 1917 г. повлекла за собой значительные перемены в правовом устройстве государства, прервав «развитие института частного обвинения в уголовно-процессуальном праве, что было связано, прежде всего, с усилением начала публичности» [7, с. 36 – 37]. По причине того, что попытки создания независимого белорусского государства не имели успеха, уголовно-процессуальное зако-

нодательство РСФСР того периода в полной мере применялось и на территории современной Беларуси [5, с. 16]. В 1923 г. был принят УПК БССР [14]. В нем круг преступных деяний, преследуемых в частном порядке, был сужен по сравнению с дореволюционным законодательством [15, с. 150 – 151]. В частности, согласно ст. 10 УПК БССР, производство в указанном порядке осуществлялось по следующим категориям составов преступлений: ст. 153 УК (умышленное легкое телесное повреждение), ч. 1 ст. 157 УК (побои), ч. 1 ст. 169 УК (изнасилование), ст. 172 УК (оскорбление), ст. 173 УК (оскорбление, нанесенное в распространенных или публично выставленных произведениях печати или изображениях), ст. 174 (клевета), ст. 175 (клевета в печатном или иным образом размноженном произведении), ст. 198 (самовольное пользование в корыстных целях чужим изобретением или привилегией, зарегистрированными в установленном порядке), ст. 199 УК (самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием) [14]¹. Стоит отметить, что УПК БССР относил к категории частного обвинения большее количество преступлений, по сравнению с УПК РСФСР.

Между тем среди представителей науки уголовного процесса того времени все чаще стали раздаваться голоса в поддержку как расширения полномочий прокуратуры по делам частного обвинения, так и вовсе отказа от рассматриваемого правового института.

С. Хитровым было предложено расширить право прокурора на возбуждение дел частного обвинения вне зависимости от воли пострадавшего, если того требовала охрана публичного интереса [16]. По мнению В. Мокеева «... пролетарское государство должно преследовать независимо от усмотрения потерпевшего некоторые из явлений дел частного обвинения». В этой связи, по его мнению, прокуратуре должно быть предоставлено право самостоятельно возбуждать уголовное дело и вступать в процесс даже в отсутствие жалобы пострадавшего от преступления лица [17]. С.П. Мокринский призывал вовсе отказаться от института частного обвинения, обосновывая это тем, что

¹ В указанный период на территории БССР действовал Уголовный кодекс РСФСР 1922 года, первый Уголовный кодекс БССР был принят в 1928 году. Режим доступа: http://ebooks.grsu.by/yg_pravo_konspekt/tema-21-istoriya-ugolovnogo-prava-respubliki-belarus.htm. Дата доступа: 22.09.2014.

он «противоречит основам уголовного права – началам плановости и целесообразности» [15]. Его поддерживал М.А. Чельцов-Бebutov, в учебнике уголовного процесса под редакцией которого говорилось, что частное обвинение «институт вымирающий в нашем процессе, проникнутом в высшей степени началом публичности» [18, с. 64]. Нецелесообразность существования института частного обвинения и его необходимости исключения из УПК поддерживали и иные советские ученые-процессуалисты [19; 20].

Принятый в 1960 г. УПК БССР не изменил существовавшего положения [21]. В порядке частного обвинения в соответствии со ст. 106 УПК БССР 1960 г. преследовались уже меньшее (по сравнению с УПК БССР 1923 г.) количество преступных деяний: ст. 110 (умышленное легкое телесное повреждение или побои), ч. 1 ст. 128 УК (клевета), ст. 129 УК (оскорбление). Дискуссия о необходимости его сохранения в законодательстве продолжалась [22; 23].

В целом, проанализировав доводы сторонников исключения дел частного обвинения из уголовно-процессуального законодательства советского периода, можно отметить, в основном, ярко выраженный «классовый» подход к указанному вопросу, что было обусловлено господствовавшей в те годы идеологией. Превалирование публичных интересов общества и государства над интересами индивида детерминировало взгляд на институт частного обвинения как на некий буржуазный «пережиток», чуждый социалистической законности. Вместе с тем, приводились и доводы процессуального характера. Так, в частности В.Г. Ангилопова и Л.Д. Кокорев, рассматривая возможность возбуждения уголовных дел частного обвинения прокурором, писали: «... прокурор может и без жалобы потерпевшего возбуждать подобные дела, если они имеют особое общественное значение ... такое исключение из правила сводит на нет смысл правила, т.е. особенности возбуждения и рассмотрения дел частного обвинения, так как практически можно почти любое дело частного обвинения признать имеющим особое общественное значение» [22, с. 81]. Кроме того, ученые отмечают, что по степени общественной опасности некоторые из дел частного обвинения не уступают преследуемым в публичном порядке (исходя из санкций статей) и предлагают шире использовать товарищеские суды в рассмотрении указанных дел до полного отказа от них [22]. С.П. Мокринский, проанализировав в своей работе практику рассмотрения указанной категории дел, приходит к выводу, что порядок производства по делам частного обвине-

ния «выгоден тому, кто сильнее и богаче» [15, с. 152]. Он пишет: «... правонарушитель давит на потерпевшего, вынуждая или отказаться от подачи жалобы, или поданную жалобу взять обратно. Как потерпевший, в положении хозяина уголовного иска, поступает так, как ему выгоднее. Иногда сохранить добрые отношения с соседом удобнее, чем «покачать» его, – тогда он простит, в надежде на компенсацию по другой линии» [15, с. 152].

Таким образом, в советский период институт частного обвинения понимался лишь как определенный процессуальный порядок возбуждения и рассмотрения определенной категории дел, а не самостоятельная процессуальная деятельность пострадавшего от преступления лица. Следует согласиться с О.С. Головачук, которая отмечает: «за период существования Советского государства частное обвинение из самостоятельной процессуальной деятельности потерпевшего, направленной на привлечение обвиняемого к уголовной ответственности, было превращено в некий условный термин. ... Весь ход процесса в той или иной мере зависел от государственных органов...» [6, с. 18]. Однако, несмотря на то, что частное обвинение в указанный период времени считалось вовсе не характерным для социалистического права явлением, нельзя не отметить факт его сохранения в советском уголовном процессе. Был сокращен до минимума перечень составов, по которым было возможно преследование в частном порядке, значительно расширены полномочия прокурора по указанной категории дел, господствовал принцип публичности, однако частное обвинение сохранилось даже в уголовно-процессуальном законодательстве советского периода (глубоко пронизанного классовой идеологией) на протяжении всего его существования. Этот факт, на наш взгляд, свидетельствует о жизнеспособности указанного вида производства, его востребованности в уголовном процессе.

С.А. Шейфер и Н.Е. Петрова указывали, что «...представление о частном обвинении нуждается в коренном преобразовании. Новое понимание этого термина должно создать теоретическую базу для построения максимально эффективного механизма защиты частного интереса в уголовном процессе» [24, с. 51].

Таким образом, направление вектора развития института частного обвинения в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве можно охарактеризовать как не имеющее четко выраженной тенденции. Неоднократно изменяющееся геополитическое положение белорусских земель обуславливало

расцвет или упадок значимости частного обвинения в правовом поле. В настоящее время белорусские ученые активно возвращаются к осмыслению роли и места частного обвинения, как одного из наиболее ярких отклонений от господствующего в уголовном процессе прин-

ципа публичности. Это обстоятельство объясняется сменой законодательной парадигмы с «право-человек» на «человек-право» и подчеркивает необходимость изучения обозначенного института на более глубоком исследовательском уровне.

Список использованных источников

1. *Кукреш, Л.И.* Производство по делам частного обвинения / Л.И. Кукреш // Юстыцыя Беларусі. – 2001. – №1. – С. 34 – 36.
2. *Рыбак, С.В.* Проблемные аспекты проведения проверки органом дознания по делам частного обвинения / С.В. Рыбак // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2010. – № 2. – С. 49 – 52.
3. *Зайцева, Л.Л.* Примирение как основание прекращения производства по делу в уголовном процессе Республики Беларусь / Л.Л. Зайцева // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сб. науч. тр. – Минск, 2010. – С. 253 – 268.
4. *Солтанович, А.В.* Частный интерес и публичные начала в уголовном процессе: необходимость максимальной сбалансированности / А.В. Солтанович // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «НИИКИСЭ Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2008. – Вып. 2/24. – С. 31 – 34.
5. *Климович, Ю.С.* Государственное обвинение: содержание, отказ и изменение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.С. Климович. – Минск, 2011. – 176 л.
6. *Головачук, О.С.* Частное обвинение в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.С. Головачук. – Екатеринбург, 2001. – 177 л.
7. *Ухова, Е.В.* Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.В. Ухова. – М, 2004. – 208 л.
8. *Мухтасипова, Т.Н.* Механизм реализации функции частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.Н. Мухтасипова. – Оренбург, 2004. – 143 л.
9. Судебник короля Казимира Ягелловича, данный Литве, 1468 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/monograf/33/7.pdf>. – Дата доступа: 22.09.2014.
10. *Гринкевич, И.Е.* Обвинение по Статутам Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг. / И.Е. Гринкевич // Теоретические и прикладные проблемы уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности: сб. материалов науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2006 г. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – С. 251 – 256.
11. *Ширков, В.П.* Участие потерпевшего от преступного деяния в возбуждении уголовного преследования и обличении обвиняемого перед судом / В.П. Ширков // Вестник права. – 1990. – № 6. – С. 120 – 121. Цит. по: Головачук, О.С. Частное обвинение в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.С. Головачук. – Екатеринбург, 2001. – 177 л.
12. *Фойницкий, И.Я.* Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий, орд. проф. С.-Петерб. ун-та. – СПб.: Сенатск. тип., 1902 – 1910. – 2 т. – С. 20.
13. *Розин, Н.Н.* Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям / Н.Н. Розин. – Петроград: Юрид. кн. склад «Право», 1916. – 597 с.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики 1923 г. – Минск: Изд-во НКЮ БССР, 1927. – 102 с.
15. *Мокринский, С.П.* Дела частного обвинения / С.П. Мокринский // Основы и задачи советской уголовной политики. – М-Л.: Гос. Изд-во, 1929. – С. 128 – 155.
16. *Хитров, С.* Покровительство преступнику или статья 11 УПК / С. Хитров // Еженедельник сов. юстиции. – 1924. – № 31. – С. 728.
17. *Мокаев, В.* Дела частного обвинения в народном суде деревни / В. Мокаев // Еженедельник сов. юстиции. – 1927. – № 31. – С. 1012 – 1015.
18. *Чельцов, М.А.* Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов. – Харьков: Юрид. издат, 1929. – Вып. второй. – 337 с.
19. *Цинеман, С.* Вопросы частного обвинения / С. Цинеман // Вестник сов. юстиции. – 1927. – №16. – С. 583.
20. *Сухаржевский, Б.* Постановление о товарищеских судах и проект УПК о делах частного обвинения / Б. Сухаржевский // Еженедельник сов. юстиции. – 1929. – № 6. – С. 132.
21. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Верхов. Советом БССР 29 дек. 1960 г.: текст Кодекса по состоянию на 10 янв. 1998 г. – Минск: Амалфея, 1998. – 272 с.

22. *Ангилloва, В.Г.* К вопросу о частном обвинении // В.Г. Ангилloва, Л.Д. Кокорев // Соц. законность и охрана прав граждан: Тезисы. – Воронеж, 1963. – С. 80 – 81.
23. *Катъкало, С.И.* Особенности судопроизводства по делам частного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.И. Катъкало. – Л., 1970. –18 с.
24. *Шейфер, С.А.* Проблемы реформирования производства по делам частного обвинения в духе расширения частных начал в уголовном процессе РФ / С.А. Шейфер, Н.Е. Петрова // Государство и право. – 1999. – № 6. – С. 51 – 54.

Дата поступления: 13.10.2014

Annotation

The authors investigate the issues of legal regulation of the Institute of private prosecution in domestic criminal proceedings in different historical periods. Examines the development of scientific views on this kind of production among domestic and foreign scientists. The urgency of his comprehensive study on the monographic level to determine the future direction of development.

**АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ НА СООТНОШЕНИЕ «РЕЗУЛЬТАТОВ»
И «МАТЕРИАЛОВ» ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ДОКАЗЫВАНИИ****Тукало А.Н.**

канд. юрид. наук, доцент

Толочко А.Н.

канд. юрид. наук

Академия МВД Республики Беларусь

Защита личности, общества и государства от преступных проявлений без активного использования в работе оперативных подразделений органов внутренних дел результатов ОРД весьма затруднительна, а в отдельных случаях и невозможна. В то же время действующий механизм использования результатов ОРД при подготовке и проведении следственных и иных процессуальных действий, оперативно-розыском сопровождении уголовного дела в процессе предварительного следствия, а также в качестве источников доказательств по уголовному делу нуждается в реформировании. Наряду с существующими в деятельности практических подразделений органов внутренних дел и Следственного комитета Республики Беларусь объективными и субъективными факторами, не позволяющими вовлекать в сферу уголовного процесса значительный массив оперативно-розыскной информации, на наш взгляд,

не способствует ее активному использованию также отсутствие единообразного толкования терминов, используемых в оперативно-розыском и уголовно-процессуальном законодательстве.

Согласно ст. 12 действующего Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] к информации относятся сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, независимо от формы их представления.

Здесь речь идет о сведениях, которые стали известны органам, осуществляющим ОРД, и дают основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Возникает вопрос, что это за сведения и каким образом о них стало известно? Представляется, что эти сведения могут быть получены не обязательно в ходе проведения ОРМ или от конфиденциальных источников, а от кого угодно и каким угодно образом, даже случайно. В данном аспекте эти сведения могут быть обозначены первичной оперативной информацией.

Следует отметить, что ценность первичной информации в ОРД зависит от того, насколько полно в ней отражены сведения, используемые для реше-

Аннотация

В статье анализируются существующие в теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) взгляды на определение понятий «результаты оперативно-розыскной деятельности» и «материалы оперативно-розыскной деятельности». Приводятся и обосновываются авторские определения рассматриваемых понятий. На основании изучения точек зрения ученых, а также практических сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел и следователей Следственного комитета Республики Беларусь анализируются направления использования оперативно-розыскной информации в доказывании по уголовным делам.

ния задач указанной деятельности. Например, в ходе опроса граждан получены сведения, представленные свидетелем преступления. Отображения такого рода являются теми сведениями, которые информируют нас о конкретных фактах, имевших место, чего не скажешь о сведениях, которые получены от конфиденциальных источников, как правило, поступившие от третьих лиц (когда конфиденгент сам не наблюдал описываемого события, а узнал о нем от кого-либо). В связи с этим важным представляется определить, мог ли источник реально наблюдать интересующее нас событие, а также полноту и точность его воспроизведения. Данный подход имеет принципиальное значение, так как показания источника, непосредственным образом получившего информацию, являются тем исходным материалом, который в перспективе можно использовать в доказывании по уголовному делу.

С гносеологической точки зрения зафиксировать доказательство – значит дать максимально полное представление о нем, адекватно передать те его свойства и признаки, которые, собственно, и делают его доказательством [2, с. 62 – 64]. В информационном аспекте речь идет о переносе информации с одного объекта (доказательства) на другой – материальное средство фиксации. Следовательно, придание соответствующей формы результатам ОРД также будет являться частью уголовно-процессуальной фиксации доказательств. Однако следует отметить, что процессуальная форма требует указания на субъектов фиксации.

На наш взгляд, сведения, обнаруженные непосредственным образом, могут использоваться в доказывании по уголовному делу (непосредственная информация). Опосредованная информация – это сведения, которые расширяют возможности оперативных подразделений. Такая информация приобретает прежде всего тактическое значение, позволяет познать явления, анализ которых обеспечивает рациональное построение тактики предупреждения, выявления (раскрытия) преступлений.

Полученная оперативная информация всегда подлежит проверке путем проведения ОРМ. Мы согласны с позицией Д.И. Беднякова, что результат – это конечный элемент деятельности, ее итог или продукт, направленный на достижение сознательно поставленных целей, а информация есть результат (следствие) отражения, причем отражения только на уровне сознания, связанного с формированием сведений об отражаемом объективном мире [3, с. 21 – 33]. Логично сделать вывод о том, что эти понятия не могут быть тождественными, так как результат – это итог деятельности, а информа-

ция – следствие восприятия на уровне сознания окружающего мира.

Однако используемый в тексте действующего Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] (ст.ст. 15, 16, 17 и др.) термин «результаты оперативно-розыскной деятельности» не удостоился даже минимального законодательного объяснения, поэтому исчерпывающих указаний на то, что же следует понимать под результатами, о которых идет речь, данный нормативный правовой акт не содержит. Кроме того, нет единообразия в наименовании результатов ОРД и в уголовно-процессуальном законодательстве. В одних случаях их называют «материалы» (ч. 7 ст. 36, ст. 101 УПК Республики Беларусь), в других – «предметы и документы» (ст. 103), поэтому смысловая расшифровка терминов «результаты» и «материалы» переводится в теоретическую область, где до сих пор еще не сложилось единого научного подхода к вопросам использования результатов ОРД в уголовном процессе.

Анализ юридической литературы показывает, что понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности» можно рассматривать в узком и широком смысле слова. В узком смысле слова под результатами ОРД следует считать данные (сведения, информацию), полученные при осуществлении ОРМ [4, с. 36]. Развернутое определение результатов ОРД дано В.И. Зажицким. По его мнению, это «различные сведения об обстоятельствах совершения преступления и лицах, причастных к нему, полученные оперативно-розыскным путем в рамках конкретного дела оперативного учета и зафиксированные в оперативно-служебных материалах: в справках (рапортах) оперативного сотрудника, проводившего оперативно-розыскные мероприятия; в информации, полученной от конфиденциальных источников; в заключениях различных предприятий, учреждений, организаций, а также от должностных лиц; в материалах фото-, кино-, аудио- и видеозаписях, произведенных в процессе оперативно-розыскных мероприятий; в различных материальных предметах, изъятых при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, и т. п.» [5, с. 20].

В.К. Зникин трактует результаты ОРД исходя из ее задач, то есть это оперативная информация, добываемая в сфере и инфраструктуре преступности, которую условно можно разделить на стратегическую и тактическую [6, с. 7]. Стратегическая оперативная информация представляет собой собираемые в течение значительного периода сведения о видах правонарушений на обслуживаемой территории и в

регионе, на объектах и по линиям оперативно-обеспечения на данный момент и вероятных изменениях в этой области на перспективу. Ее анализ позволяет определять тенденции в криминальной среде и противозаконной деятельности и т. п. Тактическая оперативная информация определяется данными тактического порядка, которые указывают на конкретных лиц, преступные сообщества, факты, требующие дополнительного изучения и проверки и т. п. [7, с. 40 – 41].

Рассмотрев приведенные определения, можно констатировать, что они, будучи едиными в гносеологическом ключе, расходятся в части содержания и характера указанной информации. Так, В.И. Зажицкий в своем определении явно не подразумевает никакой стратегической информации, а ведет речь исключительно о добывании сведений, характеризующих состоявшееся преступное событие. В.К. Зинкин, напротив, основной упор делает на аналитическую (прогностическую) информацию.

Весьма информативным является определение результатов ОРД, предложенное В.И. Михайловым: это фактические данные, полученные оперативными подразделениями при проведении ОРМ в установленном законодательством порядке, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления; лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от органов уголовного наказания и без вести пропавших; событиях или действиях, создающих угрозу национальной безопасности, зафиксированные на материальном носителе и имеющие значение для разрешения задач уголовного судопроизводства [8, с. 134]. Вместе с тем в указанном определении не освещена деятельность оперативных подразделений, имеющая непроцессуальное значение и также представляемая в виде конкретных результатов ОРМ (ч. 2 ст. 9 действующего Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [1]). Следует отметить, что автор акцентирует внимание на необходимости отражения фактических данных на материальном носителе.

Возможно, на понимание сущности результатов ОРД определяющее влияние оказывает сама этимология слова «результат». Согласно словарю русского языка С.И. Ожегова результат – конечный итог соответствующей деятельности [9, с. 587]. Однако нужно подчеркнуть, что «итоговый» подход к понятию результатов ОРД характеризует последние с точки зрения именно ОРД. О решении таких задач, как вы-

явление (раскрытие) преступления, избличение совершившего его лица (лиц), на момент завершения ОРМ говорить еще рано. Их результаты могут и не привести к решению этих задач в силу ряда факторов, в числе которых неумелые действия следователя, нарушение правил уголовно-процессуального доказывания, лишаящие суд возможности согласиться с доказательственным значением результатов ОРД. Еще одним немаловажным фактором использования результатов ОРД является установление их достоверности, однако в силу закрытости деятельности оперативных сотрудников затрудняется их прямое использование в уголовном процессе и имеются возможности использования только для задач ОРД.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что результаты ОРД – фактические данные, полученные гласно и негласно при проведении ОРМ, зафиксированные в установленном порядке в материалах, полученных в ходе ОРД (протоколах ОРМ, иных документах и на материальных носителях), имеющих значение для решения задач ОРД. Данное определение целесообразно, на наш взгляд, закрепить в ст. 2 проекта закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [10], что будет способствовать уяснению сущности и содержания ОРД, а также ее отдельных элементов и направлений. Представленное же в настоящее время в данном проекте определение (результаты ОРД – фактические данные, полученные в порядке, установленном законодательством об оперативно-розыскной деятельности, при осуществлении такой деятельности [10]) не в полной мере отражает содержание данной категории.

Однако как расценивать и понимать содержащийся в ст. 36 и ст. 101 УПК Республики Беларусь термин «материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности»? В п. 14 ст. 6 УПК Республики Беларусь имеется определение термина «материалы» – это документы и предметы, являющиеся составной частью досудебного или судебного производства либо представленные для приобщения к ним. По нашему мнению, белорусский законодатель преднамеренно не счел необходимым дать самостоятельное определение материалов ОРД в УПК и ограничился лишь общей расшифровкой термина «материалы», включив в указанное понятие и материалы, полученные в ходе ОРД. Таким образом, у участников уголовного процесса есть возможность представления гораздо большего массива информации, способствующей более быстрому и объективному выявлению (раскрытию) и расследованию преступления. Однако материалам ОРД

законодатель отводит особую роль в процессе расследования преступления. Неслучайно они выделены в отдельной статье УПК Республики Беларусь как возможные источники доказательств по уголовному делу (ст. 101). Это обусловлено, на наш взгляд, следующими причинами. Во-первых, ОРД осуществляется гласно и негласно (ст. 1 действующего Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности») и полученные в ходе ее осуществления материалы будут отличаться, например, от материалов, которые представляются другими участниками уголовного процесса (собранные только гласными методами). Во-вторых, в силу обозначенной специфики ОРД предусмотрена система норм и гарантий, направленных на защиту прав и законных интересов граждан при ее осуществлении (например, получение санкции прокурора для проведения отдельных ОРМ). В-третьих, для поиска, обнаружения, фиксации и изъятия данных материалов государством созданы специальные органы (оперативные подразделения), для которых их получение является основной задачей, в то время как представление материалов другими участниками уголовного процесса, как правило, носят разовый характер (наиболее часто другие участники процесса представляют информацию лишь на стадии возбуждения уголовного дела, исключение составляет защитник (стороной защиты), который предоставляет информацию, как правило, уже на стадии судебного разбирательства).

Словарь С.И. Ожегова дает следующее толкование термина «материалы»: «Предметы, вещества, собрание документов по какому-нибудь вопросу» [9, с. 293]. В науке сложились следующие точки зрения, касающиеся определения указанного понятия. Удачное и лаконичное определение материалов, полученных в ходе проведения ОРМ, предложил А.Ю. Шумилов, который заключает, что под указанными материалами законодатель понимает «оперативно-служебные документы и материалы дел оперативного учета, содержащие сведения о лицах, являющихся объектами оперативной заинтересованности» [11, с. 84]. Примерно о том же говорят авторы постатейного комментария к федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» О.А. Вагин, А.П. Исиченко, А.Е. Четчин, полагая, что материалы ОРД – это «документы (рапорта, справки, акты и т. д.), в которых отражены сведения о признаках противоправного поведения, образе жизни, действиях и поведении проверяемых лиц; физические носители информации (кассеты с аудио- и видеозаписями, фотографии, кино- и фотопленки), а также дела оперативного учета,

где эти документы и физические носители информации концентрируются и хранятся» [12, с. 147]. М.П. Котухов определяет материалы ОРД как документированные сведения об источниках, методах, способах и обстоятельствах получения результатов ОРД, а также данные о криминальных фактах и причастных к ним лицах, выявленные и зафиксированные на материальных носителях при соблюдении требований закона в ходе проведения ОРМ [13, с. 8]. В соответствии с п. 4 Инструкции «О порядке оформления и предоставления оперативными подразделениями органов внутренних дел материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, для их использования в уголовном процессе» «под материалами, полученными в ходе оперативно-розыскной деятельности, понимаются собранные, подтвержденные и документально оформленные фактические данные, полученные гласно и негласно сотрудниками оперативных подразделений в порядке, установленном Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» и УПК Республики Беларусь, в процессе оперативно-розыскной деятельности по защите жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств» [14]. В проекте нового закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» приводится следующее определение: «материалы оперативно-розыскной деятельности – оперативно-служебные и иные документы, материальные носители информации, содержащие зафиксированные в них в порядке, установленном законодательством, результаты оперативно-розыскной деятельности, а также основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий» [10]. Проанализировав изложенные определения материалов ОРД, можно заметить, что все они указывают на предметную сторону результатов ОРД.

На наш взгляд, для использования материалов ОРД в борьбе с преступностью важна не столько материальная (предметная), сколько информационная составляющая ОРД. Так, рапорт оперативного сотрудника по результатам проведения какого-либо ОРМ оценивается следователем с позиции его [рапорта] информационной насыщенности, а сведения, изложенные в данном документе, используются в дальнейшем следователем либо как ориентирующие (вспомогательные при планировании очередности следственных действий, тактики их проведения и т. д.), либо как возможный источник получения доказательственной информации. Именно поэтому считаем оправ-

данном использование в ч. 1 ст. 16 действующего Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] термина «результаты ОРД», а в ст. 50 проекта данного закона [10] понятия «результаты (материалы) ОРД», так как в них они указаны как сведения вспомогательного характера. Например, оперуполномоченный в устной беседе сообщил следователю какую-либо оперативную информацию (не облекая ее в материальную форму), которая в дальнейшем способствовала формированию у следователя внутренней убежденности в целесообразности проведения какого-либо следственного действия (обыска). Однако при использовании сведений, полученных в ходе проведения ОРМ непосредственно в процессе доказывания, речь необходимо вести о материалах ОРД (оперативно-служебных документах).

Как видно из приведенных определений результатов ОРД и материалов ОРД, предметные области понятий частично совпадают. В то же время, по нашему мнению, их нельзя считать абсолютно тождественными. Так, результаты ОРД – это оптимизированные данные ОРД, зафиксированные на материальных носителях, а к материалам ОРД помимо результатов ОРД относятся сведения, которые отражают отдельные этапы деятельности оперативных подразделений по созданию условий для получения и документирования данных ОРД [15, с. 39 – 40].

На основании изложенного считаем целесообразным градировать категории «результат ОРД» и «материал ОРД» по возможности их использования в уголовно-процессуальном доказывании, разделяя в данном вопросе позицию, высказанную В.В. Бачилой [16]. По нашему мнению, в уголовно-процессуальном доказывании можно использовать: материальные (физические) носители информации

(фонограммы, видеозаписи, фотоснимки), на которых запечатлена информация, могущая служить средством обнаружения преступления; рапорта, справки, акты, протоколы, отражающие результаты ОРМ и факт применения технических средств (оперативно-служебные документы, составляемые по результатам проведения таких ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров, результатов слухового контроля, снятие информации с технических каналов связи, наблюдение, осуществляемое с использованием технических средств фиксации, и т. д.). Схожую позицию занял и законодатель в проекте закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» и указав в ст. 51 (предоставление (представление) материалов оперативно-розыскной деятельности) возможность передачи *материалов* (выделено авторами) в орган уголовного преследования, суд или другой орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность. Однако следует признать, что записи и снимки, полученные при помощи ОРМ, проводимых специализированным подразделением органов внутренних дел, могут стать полноценными доказательствами по уголовному делу лишь в том случае, если они будут облечены в одну из форм источников доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Считаем, что данной логикой руководствовался и законодатель, указав в ст. 101 УПК Республики Беларусь термин «материалы», а не «результаты». Полагаем, что внесение предлагаемых нами поправок в проект закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» по закреплению в нем определения «результаты оперативно-розыскной деятельности» будет способствовать единообразному толкованию данных терминов в законе и УПК Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 289-3 (в ред. Законов Респ. Беларусь от 16.06.2000 N 400-3, от 09.08.2004 N 315-3, от 30.12.2006 N 198-3, от 21.07.2008 N 417-3, от 15.07.2009 N 42-3, от 31.12.2009 N 114-3, от 04.01.2010 N 107-3, от 31.12.2010 №226-3, от 16.06.2000 N 400-3, от 01.07.2014 N 175-3).
2. Шейфер, С.А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе / С.А. Шейфер // Государство и право. – 1996. – № 9. – С. 60 – 67.

3. Бедняков, Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений / Д.И. Бедняков. – М.: Юрид. лит., 1991. – 208 с.
4. Басецкий, И.И. Терминологический словарь к Закону Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» / И.И. Басецкий, В.С. Гайдельцов; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск, 2009. – 67 с.
5. Зажицкий, В.И. Закон об оперативно-розыскной деятельности не идеален / В.И. Зажицкий // Сов. юстиция. – 1993. – № 5. – С. 19 – 20.

6. *Зникин, В.К.* Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.К. Зникин; Том. гос. ун-т. – Томск, 1998. – 19 с.
7. *Зникин, В.К.* Оперативно-розыскная деятельность как система добывания и собирания уголовно-процессуальных доказательств: учеб. пособие / В.К. Зникин. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2000. – 148 с.
8. *Михайлов, В.И.* Противодействие легализации «грязных» доходов: Правовые и организационные формы / В.И. Михайлов. – Минск: Тесей, 2001. – 398 с.
9. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка: ок. 57 000 слов. – 14-е изд. / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1983. – 816 с.
10. Об оперативно-розыскной деятельности. Проект закона Респ. Беларусь от 16 мая 2014 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 4000.00.33 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
11. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» с постатейным приложением нормативных правовых актов и документов / авт.-сост. А.Ю. Шумилов. – 6-е изд., доп. и перераб. – М.: Изд. Шумилова И.И., 2004. – 331 с.
12. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: науч.-практ. коммент. / под ред. О.А. Вагина, А.П. Исиченко, А.Е. Четчина. – Барнаул: Деловой двор, 2009. – 328 с.
13. *Котухов, М.П.* Перевод результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.П. Котухов; Моск. акад. МВД России. – М., 2002. – 27 с.
14. Об утверждении Инструкции о порядке оформления и предоставления оперативными подразделениями органов внутренних дел материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, для их использования в уголовном процессе: постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 29 сент. 2005 г., № 307 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 4000.00.33 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
15. *Корневский, Ю.В.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / Ю.В. Корневский, М.Е. Токарева. – М.: Юрлитинформ, 2000. – 148 с.
16. *Бачила, В.В.* Использование оперативно-розыскных данных в раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых организованными группами / В.В. Бачила, А.Н. Порубов // Проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых организованными группами: сб. науч. тр. (по материалам науч.-практ. конф., Минск, 27–28 мая 1999 г.) / под общ. ред.: Н.И. Николаичика, Н.И. Порубова. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2000. – С. 35–37.

Дата поступления: 31.10.2014

Annotation

The existing in the operative-search activities views on the concepts of «operative-search activity results» and «operative-search activity materials» determination are analyzed in the article. The author's definitions of the considered conceptions are given and substantiated. Based on studying the scientists' points of view and also the practical workers of the operative subdivisions of the Internal Affairs organs and superintendents of the Inquiry Committee of the Republic of Belarus the directions of the operative-search information in the criminal affairs proving are analyzed.

**ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ
ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ****Бордюгов Л.Г.**

канд. юрид. наук

Донецкий научно-исследовательский
институт судебных экспертиз
Министерства юстиции Украины**Аннотация**

С принятием нового Уголовного процессуального кодекса Украины возник ряд вопросов не только теоретического, но и практического характера, в частности вопрос, касающийся применения и использования специальных знаний. Данная работа посвящена проблемам применения и использования в уголовном процессе Украины специальных знаний, основными носителями которых являются судебный эксперт и специалист.

Современное судопроизводство не может эффективно функционировать, если оно не опирается на новейшие достижения в различных сферах человеческой деятельности. Оно постоянно сталкивается с необходимостью привлечения сведущих лиц для решения различных вопросов специального характера [1, с. 4].

Появление процессуальной фигуры сведущего лица связывают с развитием судебной медицины – научной дисциплины, первой поставленной на службу правосудию, в результате чего судебные врачи стали неизменными участниками следственных дел о посягательствах на жизнь и телесных повреждениях. Затем на помощь начали призываться сведущие лица из других областей науки, техники, ремесла [2, с. 2].

По мнению И.Ф. Крылова, первым из дошедших до нас законодательных актов, которым вводилась государственная регламентация судебной экспертизы, был царский Указ от 06.03.1699 г. «О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения, о писании крепостей в поместных и вотчинных делах в поместном приказе, а не на Ивановской площади, и о потребном числе свидетелей для крепостных актов» [3, с. 58]. Названный Указ явился первым на пути формирования института сведущих лиц и его основной составной части – судебной экспертизы.

Актуальность и многоплановость проблем использования специальных знаний в судопроизводстве, их теоретическая и практическая значимость обусловили интерес к ним со стороны специалистов в области уголовного процесса, криминалистики и других наук.

Вопросы использования специальных знаний в судопроизводстве в разное время получили определенное отражение в трудах многих дореволюционных российских правоведов, в частности, Я.И. Баршева, С.И. Викторского, Л.Е. Владимирова, А.Х. Гольмстена, П.И. Дегая, М.В. Духовского, С.В. Познышева, Н.Н. Розина, И.Я. Фойницкого и др. При этом в их работах отмечалось значение сведущих лиц, экспертов для судопроизводства.

Выдающийся советский криминалист И.Н. Якимов еще в 30-е гг. прошлого столетия при разработке руководства по уголовной технике и тактике писал, что эксперт разрешает вопросы «на основании данных какой-нибудь науки» [4, с. 342].

Позже этот вопрос рассматривался в работах А.И. Винберга, И.Л. Петрухина, А.А. Эйсмана, Н.С. Романова, А.Р. Шляхова, Ю.К. Орлова, Ю.Г. Корухова, Е.Р. Россинской, Т.В. Аверьяновой, Н.И. Клименко, В.Ю. Шепитько и многих других.

В наше время научно-технический прогресс оказывает влияние на все стороны общественной жизни, в том числе и на отношения в сфере уголовного судопроизводства. Совершенствование научных знаний, появление новых технических средств, развитие новых экспертных технологий и методик позволяют решать ранее недоступные задачи, которые ставит практика расследования преступлений. Технические, естественные и гуманитарные знания, именуемые в юридической литературе специальными знаниями, на протяжении многих лет используются для раскрытия и расследования преступлений.

В литературе встречается мнение о том, что возрастание роли специальных знаний в расследовании преступлений, в первую очередь, связано с развитием и совершенствованием различного рода технологий, что позволяет преступникам совершать «традиционные» правонарушения новыми способами. Результаты бурного развития науки и техники широко используются как в процессе совершения преступлений, так и при их сокрытии. Тенденция повышения «технологичности» расследования типична для многих стран. При этом усиление роли научно-технических методов в расследовании является залогом повышения его качества и сокращения его продолжительности [5, с. 3]. Важную роль в этом играет судебная экспертиза, которая, как сфера практической деятельности, представляет собой реализацию специальных знаний в судопроизводстве.

Принятие 13 апреля 2012 г. Верховной Радой Украины нового Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) связано с появлением целого ряда новаций, которые не могли не коснуться и такого важного института, как институт судебной экспертизы. Однако вопросы относительно определения термина «специальные знания», остались нерешенными, хотя в последнее время роль специальных знаний в расследовании преступлений возрастает.

Закон Украины «О судебной экспертизе» определяет судебную экспертизу как исследование экспертом на основе специальных знаний материальных объектов, явлений и процессов, содержащих информацию об обстоятельствах дела, находящегося в производстве органов досудебного расследования или суда [6]. В соответствии со ст. 69 УПК Украи-

ны экспертом в уголовном производстве является лицо, которое владеет научными, техническими или другими специальными знаниями, имеет право в соответствии с Законом Украины «О судебной экспертизе» на проведение экспертизы и которому поручено провести исследование объектов, явлений и процессов, содержащих сведения об обстоятельствах совершения уголовного правонарушения, и дать заключение по вопросам, возникающим во время уголовного производства и касающимся сферы его знаний. В соответствии со ст. 71 УПК Украины специалистом в уголовном производстве является лицо, владеющее специальными знаниями и навыками использования технических или иных средств [7]. Как видно из указанного, УПК Украины более детально характеризует специальные знания, относя к ним научные, технические и другие.

Вместе с тем, в уголовном процессуальном законодательстве Украины нет исчерпывающего ответа на вопрос, какие же знания можно отнести к специальным, поскольку под «другими» можно понимать самые различные знания. И действительно, следователю и судье в процессе своей деятельности могут понадобиться сведения и умения, относящиеся не только к науке, технике, искусству и ремеслу, но и ко многим другим ненаучным отраслям знаний, например, к коллекционированию, физической культуре и т.д.

По этому поводу уместно вспомнить слова Р.С. Белкина, который отмечал, что термин «специальные знания» приобрел такое обыденное звучание, что и в теории и в практике стал употребляться автоматически, аксиоматично, как нечто само собой разумеющееся. Между тем, далеко не все бесспорно и ясно и в содержании этого понятия, и в практике его применения как критерия при решении вопроса о привлечении к участию в фиксации доказательств специалиста или о необходимости назначения судебной экспертизы [8, с. 350].

В этой связи прав В.Ю. Шепитько, отмечающий, что «отдельные вопросы применения специальных знаний требуют дополнительной правовой регламентации, определения порядка, функций, а также установления компетенции сведущих лиц» [9, с. 8].

Следует отметить, что данный вопрос не решен и в других видах судопроизводства. В частности, в ст. 81 Кодекса административного судопроизводства Украины указано, что «для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела и требующих специальных знаний в области науки, искусства, техники, ремесла и т.п., суд может назначить экспертизу» [10].

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство Украины, допуская возможность применения, не раскрывает понятия и сущности специальных знаний, не определяет их характер и объем, т.е. нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие деятельность, связанную с применением специальных знаний в судопроизводстве, не раскрывают сути понятия «специальные знания».

Совершенно прав А.М. Зинин, утверждая, «что при рассмотрении понятия и сущности специальных знаний должны возникать два вопроса: кто же является носителем специальных знаний и кто использует специальные знания?» [11, с. 9].

Поиск ответов на данные вопросы является необходимым как для судебной-следственной практики, призванной содействовать решению задач судопроизводства на единых правовых началах, так и для теории, особенно из-за существующих в специальной литературе размежеваний взглядов на характеристику понятия «специальных знаний» и конкретных субъектов специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Дискуссии по данным вопросам среди ученых-криминалистов делятся на протяжении многих лет.

Не вдаваясь в подробности данных дискуссий, следует сказать, что большинство ученых признает, что основными носителями специальных знаний в судопроизводстве являются эксперт и специалист.

Необходимо все же отметить, что одним из основных вопросов таких дискуссий является вопрос о том, относятся ли юридические (правовые) знания к специальным знаниям в судопроизводстве.

В частности, Е.Р. Россинская пишет, что «законодатель, давая процессуальную регламентацию заключению и показаниям специалиста, нигде не упоминает, что юридические знания не являются специальными» [12, с. 16].

Автор данной работы считает, что юридические (правовые) знания не относятся к специальным знаниям, а также, что сотрудники судебной-следственных органов не являются носителями специальных знаний в судопроизводстве, хотя субъектами использования таких знаний они могут быть.

При решении данной проблемы необходимо исходить из того, что носителем специальных знаний является субъект, к которому обращаются для реализации этих знаний. Это эксперт и специалист. «Именно они применяют свои специальные знания решая поставленные перед ними следствием и судом задачи. Субъекты, осуществляющие правоприменительную

деятельность, лишь используют результаты деятельности специалиста и эксперта» [11, с. 10].

Действительно, следователь или судья может иметь специальный диплом (не юридический) в какой-либо области науки, техники, искусства. Так, практике известны случаи, когда следователи до того, как стать следователем, работали судебными экспертами, то есть имели не только диплом по соответствующей технической или медицинской специальности, а даже специальную экспертную подготовку. Но, несмотря на это, в случае, если для решения определенных вопросов при производстве по делу необходимы научные, технические или другие специальные знания, должна назначаться экспертиза. Естественно, что при оценке заключения эксперта, знания (не правовые), которыми владеет следователь или судья, помогают ему лучше осознать те или иные вопросы проведенного экспертом исследования, но ссылаться на свои научные или технические знания он не имеет права, поскольку доказательства оцениваются по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и беспристрастном исследовании всех обстоятельств уголовного производства, руководствуясь законом (ст. 94 УПК Украины) [7].

Совершенно прав В.Ю. Шепитько, отмечающий необоснованность позиции тех ученых, «которые считают, что субъект доказывания может сам использовать специальные знания, когда он имеет кроме юридического, также и иное специальное образование» [9, с. 8].

По этому поводу Ю.К. Орлов пишет: «действительно следователи и судьи обладают различными специальными познаниями (криминалистическими, бухгалтерскими и пр.), полученными в ходе их профессиональной подготовки. ... Например, следователь в принципе может и сам идентифицировать отпечаток пальца (в некоторых случаях это несложно). Высококвалифицированные следователи, специализирующиеся на хозяйственных преступлениях, достаточно глубоко разбираются в экономике и бухгалтерии. Но могут ли их выводы по такого рода вопросам иметь какое-либо доказательственное значение? Очевидно, что нет» [13, с. 14].

В.А. Притузова акцентировала внимание на то, что следователь и суд не могут назначать или нет экспертизу в зависимости от того, располагают они соответствующими знаниями или нет, они не имеют права подменить собой эксперта [14, с. 10].

Таким образом, следователь и судья могут применять специальные знания только в непроцессуальной форме. Применять же их в процессуальной форме они не могут не потому,

что ими не владеют, а «в силу общего построения ... уголовного процесса. Общеизвестно, что одно и то же лицо не может сообщать сведения о фактах и оценивать эти сообщения, их достоверность» [15, с. 91].

При производстве по делу следователь и суд руководствуются исключительно правовыми знаниями, ставить же правовые вопросы на разрешение эксперта они не вправе. Постановление Пленума Верховного Суда Украины от 30 мая 1997 г. № 8 «О судебной экспертизе по уголовным и гражданским делам» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума Верховного Суда Украины от 25 мая 1998 г. № 15) указывает судам на недопустимость назначения экспертизы в случаях, когда выяснение определенных обстоятельств не требует специальных знаний, а также постановки перед экспертом правовых вопросов, решение которых отнесено законом к компетенции суда» [16, с. 365].

Исходя из указанного выше, можно согласиться с позицией Т.Д. Телегиной по данному вопросу, предлагающей субъектов специальных знаний дифференцировать на субъектов применения специальных знаний (к которым она относит эксперта и специалиста) и субъектов использования специальных знаний (к которым она относит следователя и судью) [5, с. 16]. Однако, с учетом новаций УПК Украины, круг субъектов использования специальных знаний должен быть расширен, поскольку согласно ст. 243 УПК Украины экспертиза может назначаться, как стороной обвинения, так и стороной защиты. Лица, которые относятся к стороне обвинения и к стороне защиты, указаны в п. 19 ч. 1 ст. 3 УПК Украины, в частности: стороны уголовного производства – со стороны обвинения: следователь, руководитель органа досудебного расследования, прокурор, а также потерпевший, его представитель и законный представитель в случаях, установленных настоящим Кодексом, со стороны защиты: подозреваемый, обвиняемый (подсудимый), осужденный, оправданный, лицо, в отношении которого предполагается применение принудительных мер медицинского или воспитательного характера или решался вопрос об их применении, их защитники и законные представители. Кроме того, появилась такая новая процессуальная фигура, как следственный судья (п. 18. ч. 1. ст. 3 УПК Украины) [7].

Специальные знания, являясь важным процессуальным институтом, определяют основания и условия участия сведущих лиц в уголовном производстве.

УПК Украины детально регламентирует деятельность эксперта и специалиста, как носи-

телей специальных знаний, при этом использование этих знаний регламентируется в двух процессуальных формах:

- использование специальных знаний лица, которое привлекается, как эксперт, для проведения экспертизы по обращению стороны уголовного производства или по поручению следственного судьи или суда (ст. 69, ст. 242 УПК Украины);

- использование специальных знаний лица, которое привлекается для дачи консультаций и предоставления непосредственной технической помощи, как специалист, сторонами уголовного производства во время досудебного расследования и судом во время судебного разбирательства (ст. 71 УПК Украины) [7].

Следует отметить, что новое уголовно-процессуальное законодательство Украины дает более четкое определение таких понятий, как «эксперт» и «специалист», а также четкое размежевание их функций. Анализ этих понятий показывает, что существуют как сходные черты процессуального статуса эксперта и специалиста, так и различные, касающиеся в основном процессуального закрепления результатов их работы.

Однако, несмотря на детальную регламентацию деятельности эксперта и специалиста, много вопросов остается нерешенными.

Так, в частности, в ст. 242 УПК Украины указано, что экспертиза проводится экспертом по поручению стороны уголовного производства или по поручению следственного судьи или суда, если для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного производства, необходимы специальные знания.

Документом, который составляется следственным судьей или судом, а также представителем стороны обвинения (прокурором, следователем), является постановление о назначении судебной экспертизы.

Вместе с тем, согласно ст. 243 УПК Украины сторона защиты (к которой в соответствии со ст. 42 и ст. 44 УПК Украины относятся подозреваемый, обвиняемый и их представители, соответственно, в соответствии со ст. 43 УПК Украины – оправданный, осужденный, в соответствии со ст. 45 УПК Украины – защитник) имеет право самостоятельно привлекать экспертов на договорных условиях для проведения экспертизы, в том числе обязательной. Однако, какой документ является основанием для проведения экспертизы при назначении ее стороной защиты, УПК Украины не указывает [7]. Очевидно, что на этот вопрос ответ должна дать практика.

Таким образом, главной общей чертой эксперта и специалиста в уголовном производстве

является наличие специальных знаний, однако, как указывалось выше, процессуальное законодательство не дает определения понятия «специальные знания».

Следует отметить, что возникают и иные вопросы по данной проблеме, в частности: «относятся ли знания, которые использует переводчик в уголовном судопроизводстве, к специальным и возможно ли считать переводчика специалистом?» [17, с. 15]. Разрешение такого вопроса связано с уяснением ответа на вопрос о том, распространяется ли на переводчика статус специалиста.

В специальной литературе на этот счет также имеются различные мнения.

Так, по мнению Г.Я. Имамутдиновой, «участие переводчика в производстве по уголовному делу является одной из форм применения специальных знаний», лицо, свободно владеющее языками, знание которых необходимо для перевода, «может вступать в производство по уголовному делу в процессуальном статусе переводчика или специалиста» [18, с. 18]. Е.А. Зайцева считает, что «наряду с экспертом в числе лиц, обладающих специальными познаниями, по действующему законодательству можно указать специалистов (в том числе и ... переводчиков...)» [19, с. 89].

Автор данной работы согласен с мнением Т.Д. Телегиной, которая утверждает, что знания переводчика «являются качественно иными, чем те, которые применяют в уголовном процессе специалист и эксперт. Благодаря деятельности переводчика, переводимая им информация становится доступной всем участникам уголовного процесса, но она не генерируется переводчиком и существует независимо от применения им знаний иностранного языка или языка глухонемых. Переводчик не выявляет скрытых свойств и взаимосвязей объектов в тексте перевода, используя знания языка, он не создает новой информации, а потому его знания не являются специальными в уголовно-процессуальном смысле» [5, с. 16 – 17].

Следует отметить, что законодатель, говоря о научных, технических и других специальных знаниях, которые используются в уголовном производстве, на наш взгляд, отмежевывает их от правовых знаний, носителями которых являются субъекты, осуществляющие правоприменительную деятельность, в уголовном производстве, а также отмечает специальный способ получения доказательств.

Итак, необходимо дать не только общее понятие «специальные знания», но и определить его функциональную, процессуальную значимость в уголовном производстве через определение конкретных его носителей.

В этой связи, с учетом новейших теоретических разработок судебной экспертологии и новаций УПК Украины, дается следующее определение: специальные знания – это общеизвестные в судопроизводстве систематизированные теоретические знания и практические навыки в определенной области человеческой деятельности (исключая знания в области материального и процессуального права), выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и простого житейского опыта, которые применяются сведущими лицами – экспертом или специалистом (согласно их компетенции) для дачи заключения на основании исследования объектов, явлений и процессов, а также для дачи консультаций и оказания непосредственной технической помощи во время досудебного расследования и судебного разбирательства по делу.

Таким образом, факторами, определяющими сущность специальных знаний в уголовном производстве, должны быть признаны:

а) их необщезвестность для судопроизводства;

б) наличие у их носителя процессуального статуса «эксперта» или «специалиста»;

в) целевое предназначение применения специальных знаний [20, с. 23], т.е. согласно компетенции их носителей для дачи заключения по вопросам, возникающим во время уголовного производства (эксперт), а также для дачи консультаций и оказания непосредственной технической помощи во время досудебного расследования и судебного разбирательства (специалист).

Хочется верить, что все вопросы, касающиеся проблем применения и использования специальных знаний в судопроизводстве Украины, в том числе и в уголовном производстве, будут учтены в процессе подготовки и принятия Закона Украины «О судебно-экспертной деятельности», который станет базовым законом, регулирующим судебно-экспертную деятельность, а в дальнейшем также и процессуальными кодексами Украины, что обеспечит надлежащий уровень нормативно-правовой регламентации института судебной экспертизы в Украине.

Список использованных источников

1. Шапиро, Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Л.Г. Шапиро; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Краснодар, 2008. – 51 с.
2. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]; Под ред. засл. деятеля науки Рос. Федерации, проф. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА (Изд. группа НОРМА–ИНФРА•М), 2001. – 990 с.
3. Крылов, И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе / И. Ф. Крылов: Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 214 с.
4. Якимов, И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепечатанное с изд. 1925 г. / И.Н. Якимов – М.: ЛексЭст, 2003. – 496 с.
5. Телегина, Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.Д. Телегина; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2008. – 24 с.
6. Про судову експертизу: Закон України від 25 лютого 1994 р. № 4038-XII, //Відомості Верховної Ради (ВВР), 1994, № 28, ст. 232. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4038-12>. – Дата доступа: 10.08.2014.
7. Кримінальний процесуальний кодекс України. – К.: Закон і бізнес, 2012. – 320 с.
8. Белкин, Р.С. Курс криминалистки: учеб. пособие для вузов / Р. С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – 837 с.
9. Шепитько, В.Ю. Проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве / В.Ю. Шепитько // Сучасні проблеми розвитку судової експертизи: збірник матеріалів засідання «круглого столу», присвяченого 10-річчю створення Севастопольського відділення Харківського науково-дослідного інституту судових експертиз ім. Засл. проф. М.С. Бокаріуса (Севастополь, 10-11 черв. 2010 р.) МНОУ, ХНДІСЕ. – Х.: ХНДІСЕ, 2010. – С. 7 – 9.
10. Кодекс административного судопроизводства Украины. – Х.: ООО «Одиссей». – 2005. – 168 с.
11. Зинин, А.М. О разграничении понятий субъектов использования и применения специальных знаний в уголовном процессе / А.М. Зинин // Эксперт-криминалист. – 2010. – № 2. – С. 9 – 11.
12. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – М.: Норма, 2005. – 656 с.
13. Орлов, Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Науч. изд. / Ю.К. Орлов. – М.: Ин-т повышения квалификации Рос. федер. центра судебной экспертизы, 2005. – 264 с.
14. Притузова, В.А. Заключение эксперта как доказательство в советском уголовном процессе: учебник / В.А. Притузова. – М.: Госюриздат, 1959. – 162 с.
15. Эйман, А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование / А.А. Эйман. – М.: Юрид. лит., 1967. – 152 с.
16. Про судову експертизу в кримінальних і цивільних справах: Постанова Пленуму Верховного Суду України від 30 травня 1997 року №8 (із змінами внесеними постановою Пленуму Верховного Суду України від 25 травня 1998 р. №15) // Судово-експертна діяльність. Довідник для суддів. – 2-ге вид., перероб. та доп. – К.: Видавничий дім «Ін Юре», 2001. – С. 365 – 370.
17. Земцова, С.И. К вопросу о дифференциации субъектов специальных знаний в уголовном судопроизводстве / С.И. Земцова, В. В. Зырянов // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. – М.: Спарк, 2012. – Вып. 2 (42). – С. 15 – 21.
18. Имамутдинова, Г.Я. Актуальные вопросы участия переводчика в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Г.Я. Имамутдинова; ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ). – Челябинск, 2011. – 23 с.
19. Зайцева, Е.А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве: моногр. / Е.А. Зайцева. – Волгоград: ВА МВД России, 2006. – 192 с.
20. Шакиров, К.Н. Проблемы теории судебной экспертизы: методологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / К.Н. Шакиров. – Алматы, 2003. – 292 л.

Дата поступления: 13.08.2014

Annotation

With the adoption of the new Criminal procedural code of Ukraine, a number of questions not only theoretical, but also practical, in particular the question concerning the application and use of special knowledge. This work is devoted to the problems of application and use in criminal proceedings of Ukraine special knowledge, the main carriers which are forensic expert and specialist.

КРИМИНАЛИСТИКА

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ПОНЯТИЯ

Седнев В.В.

д-р мед. наук, профессор

Донецкий национальный
университет МОН Украины

Аннотация

В статье рассмотрено понятие криминалистической характеристики преступления как эпистемологического конструкта. Установлено, что понятие находится в стадии формирования. Определены существующие гносеологические противоречия, а также направления дальнейшего развития.

Выступая одним из базовых элементов структуры частной криминалистической методики [1], криминалистическая характеристика преступления вызывает неоднозначное восприятие среди ученых. В своем развитии понятие «криминалистическая характеристика преступления» прошло несколько периодов формирования, наиболее отчетливо представленных в работах Р.С. Белкина [2 – 4]. Доводы pro et contra составляют достаточно обширную библиографию. Однако, в доступной литературе не отмечено работ, рассматривающих данное понятие с позиций современной логики науки.

Цель данной работы – науковедческий анализ понятия «криминалистическая характеристика преступления». Основная методология анализа – эволюционно-эпистемологическая и логическая (в рамках формальной и диалектической логик).

Представляется, что надобность в возникновении понятия «криминалистическая характеристика преступления» (далее – КХП) была обусловлена сложностью перехода от материальной и идеальной следовой информации к формированию адекватных и обоснованных версий по делу, каковую задачу КХП и актуализировали Р.С. Белкин, И.Е. Быховский и А.В. Дулов в 1987 г. [5]. Эта трудность обусловлена следующим: 1) большим массивом данных, среди которых выявление релевантных, с учетом дефицита времени и неустранимой неопределенности этих данных, намного сложнее, чем объединение отдельных сведений в кластеры (ассоциации нескольких схожих по своей функциональности элементов, рассматриваемые как самостоятельные единицы, обладающие определенными свойствами [6; 7]); 2) многообразным и, по преимуществу, эмпирически зарегистрированным характером связей между следовой картиной преступления и как внешней картиной (в меньшей мере), так и внутренней логикой (большой частью) происшедшего. Поиск этих закономерностей является существенной гносеологической стороной следственных действий [8]; 3) отсутствием однозначных и устоявшихся алгоритмов перевода знания следовой картины в знание о личности преступника [9].

При этом важно отметить, прежде всего, онтологию и гносеологический смысл данного методологического приема. Подобного рода «кластеризация» данных для целей расследования уже производилась в кри-

миналиктике. Так, в технологии осмотра места происшествия используется понятие «узел происшествия», либо как синонимичный ему «узел ситуации», как та часть места происшествия, на которой сконцентрированы важные для понимания происшедшего разнообразные признаки события (труп с примыкающими вещественными доказательствами, лужа крови с цепочкой следов etc), что дает возможность сориентироваться и начать параллельно проводить оперативно-розыскные и следственные мероприятия [10, с. 40; 11, с. 37 – 38, 267], фактически представляющие собой, с общенаучной точки зрения, кластер информации. При этом отмечается возможность наличия одновременно нескольких «узлов происшествия/ситуации», которые могут быть осмотрены следователем последовательно или несколькими следователями параллельно [10, с. 40.] Также существует понятие «криминалистическое значение», которое используется для указания на возможность установления связи между следовой информацией и значимыми для розыска лица данными [12].

Однако более существенным, чем онтологический и гносеологический смысл понятия КХП, представляется его генезис. Исходя из уже отмеченного выше, содержанием КХП является система причинно-следственных и функционально-корреляционных связей между фактами и фактическими данными о следовой картине преступления и характеристиками преступления, преступника etc. О недопустимо малом числе работ в данной области, от которого страдает развитие научно обоснованного знания, прежде всего в области криминалистики, неоднократно писал Р.С. Белкин [3; 4]. Исходя из сказанного, логичным будет выдвижение гипотезы об индуктивном формировании понятия КХП, с *mutatis mutandis* применительно к конкретике предмета исследования.

Теория обобщения, являющаяся базой для индукции и рассматривающая переход от единичного суждения к общему анализирует этот переход как процесс формирования понятия, далее суждения и затем умозаключения [13; 14]. Понятие «есть итог, результат обобщения явлений, их свойств, признаков, закономерных связей» [13, с. 205]. Рассмотрение основных общетеоретических положений формирования понятия теории криминалистики представляется актуальным, т. к. в криминалистической литературе такого анализа не отмечено. Соответственно, понятие КХП, основанное на обобщении эмпирического материала, не имеет достаточной теоретической базы.

Важной характеристикой научно обоснованного обобщения является выделение в еди-

ничном именно тех сходных признаков объектов, которые неотъемлемы, репрезентируют сущностную сторону как существования, так и развития объекта [13]. Такое понимание обобщения, как перехода от единичного к общему, с выделением сущностных элементов и выделением значимых закономерностей позволила Р. Бэкону разработать индуктивные методы познания, которые обозначали переход к опытному знанию и, соответственно, акцентировать научный метод на наблюдении и изучении отдельных явлений, фактов [15]. В основе процесса обобщения лежит абстракция отождествления, которая представляет собой объединение в множество (класс) некоторой части объектов (материальных либо идеальных), на основании общих свойств, позволяющих уверенно, устойчиво и надежно отличать эти объекты от других. Это позволяет формировать как содержание (интенционал – совокупность общих, специфических свойств), так и объем (экстенционал) понятия. Существенной характеристикой является интервал абстракции отождествления – перечень свойств, по которым производится обобщение объектов. В результате абстракции неразличимости, множество обобщаемых объектов становится единством, в котором объекты объединены по определенным характеристикам. При этом сохраняется возможность индивидуализировать, при необходимости, любой из обобщенных объектов, за счет актуализации набора его индивидуальных свойств [14]. Регулятивы использования индукции соответствуют общенаучным [16]. Ограничениями индуктивного метода познания указываются [13; 14; 16 – 18]: 1) невозможность исследовать все объекты определенного класса, что приводит к недостаточной достоверности выводов, преодолимой либо изучением всех объектов данного класса, либо введением различного рода статистических процедур для обеспечения достоверности данных; 2) в связи с необходимостью обеспечения как можно большей обоснованности индуктивного суждения, необходимо исследование сущностных, репрезентативных и релевантных обобщению свойств, качеств, характеристик и отношений объектов. При этом М.Р. Коэн и Э. Нагель (2010) указывают, что отбор репрезентативных показателей объектов для обобщения существенно оптимизируется в случае, если обобщение является частью логически согласованной системы знания: «примеры, подтверждающие общее суждение накапливаются гораздо быстрее, поскольку обуславливаемые ими обобщения начинают поддерживать друг друга» [18, с. 387]; 3) при абсолютизации индуктивного метода, значительный объем фак-

тического материала существенно затрудняет выделение общего и формирование суждений о закономерностях (эмпиризм); 4) ограничение возможностей индуктивного познания процессов развития, т. к. выделяя и обобщая типическое, индукция элиминирует внутренние различия и противоречия, которые и выступают движущей силой развития.

Таким образом, рассмотрение обобщения как метода индуктивного познания показывает определенную методологию познавательного процесса, основанного на переходе от частного к общему. В результате формируется индуктивное суждение, которое представляет собой абстрактный объект теоретико-практического рассуждения [19], который может быть применен к конкретной ситуации. Такое применение общего к отдельным объектам представляет с точки зрения логики обобщения его локализацию [14], которая с практической точки зрения позволяет осуществить познание с минимальными затратами ресурсов [16], с логической стороны позволяет уточнить соотношение объема и содержания понятия (т. н. закон обратного соотношения между объемом и содержанием понятия) [13], а с гносеологической – отражает переход от абстрактного к конкретному [20]. Теоретико-методическое обоснование метода обобщения и формирования индуктивного суждения позволяет более дифференцированно рассмотреть процесс формирования КХП.

Как уже указано выше, представляется, что в своем развитии понятие КХП прошло несколько периодов, за основу для выделения которых взяты работы Р.С. Белкина [2 – 4]:

I период – употребление термина в публикациях второй половины 60-х гг. XX в., инициирующих появление понятия, согласно Р.С. Белкину (1999, 2001), работ Л.А. Сергеева (1966) и А.Н. Колесниченко (1967). В 1973 г. С.П. Митричев включает данное понятие в перечень общих положений расследования отдельных видов преступлений, наряду с: 1) соблюдением требований законности, 2) уголовно-правовой характеристикой, 3) быстротой и полнотой расследования, 4) возбуждением уголовного дела и проведением первоначальных следственных действий, 5) обстоятельствами, подлежащими установлению, 6) использованием научно-технических средств, 7) построением следственных версий, 8) сочетанием следственных версий и оперативно-розыскных мероприятий, 9) использованием помощи общественности. Сам по себе перечень разнообразен и, возможно, избыточно широк, однако для задач настоящего исследования существенен постулат С.П. Митричева (1973)

об индуктивном построении методики расследования преступления: «Индивидуальность и своеобразие каждого преступления не исключают то общее, типичное, что имеется, например, в способах совершения преступления, в действиях преступника и следах, им оставляемых, в преступных связях, в обстоятельствах, подлежащих доказыванию» [21, с. 27], ниже обращая внимание на типичность признаков, положенных в основу уголовно-правовой и криминалистической характеристики преступлений [21, с. 28] и указывая на необходимость обобщения следственной практики для познания закономерностей «возникновения и обнаружения доказательств» [21, с. 29]. С гносеологической точки зрения это этап возникновения самого понятия, определения методологии его разработки, т. е. начала перехода от эмпирического знания к теоретическому.

II период – оформление понятия. Согласно Р.С. Белкину (1999, 2001), с 1974 г. «проблема криминалистической характеристики была включена в программу вузовского курса криминалистики» [2, с. 273]. С гносеологической точки зрения начинается наполнение понятия содержанием: И.Ф. Пантелеев (1975) включает в него: 1) типичные ситуации данного вида преступлений, 2) наиболее часто встречающиеся способы их совершения и сокрытия, 3) используемые преступником технические средства, вкупе с источником их получения, 4) типичные материальные следы преступления, 5) тайники, 6) преступные связи [по: 2, с. 273 – 274]. Дальнейшее развитие содержание понятия шло в основном экстенсивным путем, при этом по замечанию Р.С. Белкина (1999), имевшие место споры касались преимущественно перечня элементов КХП, т. е. эпистемологически – содержания понятия. Подробный обзор мнений относительно элементного состава понятия, задач, для решения которых оно предназначено, предшествующих понятий, вплоть до конца XX в. представил Р.С. Белкин в фундаментальном Курсе криминалистики, вышедшем в 2001 г. [4, с. 731 – 734], а М.В. Салтевский в 2005 г., отметив недостаточную разработанность данного понятия, разделил мнения относительно КХП на три группы: 1) через перечень элементов, 2) через информационное значение, 3) через описание механизма преступления, типичных объектов etc [22, с. 418]. С рассматриваемой позиции, существенно то, что критика Р.С. Белкина, И.Е. Быховского и А.В. Дулова в 1987 г. касалась в первую очередь сферы применения понятия, практически не затрагивая содержание и лишь отчасти – объем [5]. Однако эту работу следует считать знаковой, т. к. именно в ней имплицитно под-

нимается проблема соотношения содержания и объема понятия КХП. Однако логика данного этапа развития понятия, а именно – экстенсивного развития, накопления и осмысления эмпирического и теоретического материала не была исчерпана. В коллективном учебнике под руководством Р.С. Белкина, вышедшем в 1999 г., КХП дислоцирована в разделе частных криминалистических методик и описывалась как отражение типичного в преступлении в виде модели события, имеющей вероятностный характер, достоверность которой усилена за счет объединения разнородных (в том числе и по принадлежности к отрасли научного знания) элементов в комплекс, в котором, однако, не установлено корреляционных связей [23, с. 688 – 689]. Вспомогательный, служебный характер криминалистической характеристики преступления отмечается и Е.Е. Центровым [24, с. 36]. Т. е. по сути предпринималась попытка поиска компромисса между сомнениями в целесообразности, высказанными в монографии того же года издания [2], и сложившейся практикой. Существенным акцентом критики является упрек в отсутствии разработки системы корреляционных связей: «представляется, что криминалистическая характеристика как целое, как единый комплекс имеет практическое значение лишь в тех случаях, когда установлены корреляционные связи и зависимости между ее элементами, носящие закономерный характер» [4, с. 737]. С гносеологической же точки зрения, существенна актуализация необходимости упорядочения (за счет ревизии перечня элементов) и оформления (за счет установления корреляционных связей) содержания понятия.

III период, начало которого хронологически соответствует концу XX – началу XIX в., а эпистемологически – реакцией научного мира на критику Р.С. Белкиным этого понятия и призыва отказаться от него [3]. А.Ю. Головин (2013) наиболее емко сформулировал основные тезисы критики Р.С. Белкиным понятия КХП [1], которые приводим, исходя из задачи данного сообщения, с акцентированием эпистемологического смысла:

1) включение в содержание понятия элементов, не свойственных криминалистике, в силу чего само понятие приобретает характер научной химеры, чья жизнеспособность, как известно, сомнительна. Самый «сильный» и последовательно тиражируемый вслед за Р.С. Белкиным критиками. Подробно рассмотрен ниже;

2) сведение собственно криминалистической составляющей к уже существующему устоявшемуся понятию (типичный способ со-

вершения и сокрытия конкретного вида преступлений), в силу чего онтология понятия КХП именно как криминалистического бессмысленна с точки зрения общеметодологического принципа простоты У. Оккама [14], т. к. дублирует устоявшееся, ранее сформулированное понятие со своим собственным содержанием и объемом;

3) введение в содержание понятия КХП перечня «обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретным категориям уголовных дел» [1, с. 68], один из наиболее методологически слабых, на наш взгляд, тезисов. «Слабость» данного тезиса заключается в том, что криминалистика уже в формулировании собственного предмета Р.С. Белкиным исходит из использования полученных результатов в уголовном судопроизводстве в целях доказывания [4, с. 65; 23, с. 32, 33, 37–42]. Более того, в Курсе криминалистики 2001 г. издания высказывается предположение, что «теорию доказательств можно рассматривать не только как смежную для криминалистики и уголовного процесса область, но и как область общую для обеих этих наук» [4, с. 52], которое вполне согласуется с более ранним о том, что часть предмета криминалистики составляют закономерности «собираания, исследования, оценки и использования доказательств» [23, с. 41] и в полной мере развивающие предложенную Р.С. Белкиным в 1969 г. формулировку [25, с. 10]. Сущностные связи между криминалистикой и доказыванием в уголовном (прежде всего) процессе отмечены многими авторами [26, с. 8; 27, с. 6 – 8; 28, с. 20 – 21; 29]. Г.А. Матусовский (2001) отмечал, что «структура криминалистической характеристики строится на основе системы обстоятельств, входящих в предмет доказывания...» [30, с. 193]. М.В. Салтвевский (2005) подчеркивал, что криминалистические знания представляют собой «один из способов информационного обеспечения досудебного и судебного следствия для принятия процессуальных решений субъектами, которые осуществляют доказывание в уголовном процессе» [22, с. 44]. В.Ю. Шепитько, анализируя концепции становления криминалистики как отрасли научного знания, указывает, что криминалистика тесно связана с теорией доказательств и наполняет содержанием задаваемую уголовным процессом форму [31]. В.А. Журавель в этой связи отмечает: «В качестве конечной цели базовой методики, а следовательно, и каждой частной криминалистической методики, целесообразно провозгласить формирование системы достоверных и допустимых доказательств» [32, с. 193]. Исходя из приведенного краткого обзора мнений, можно заключить, что с эпи-

стемологической точки зрения криминалистика должна быть рассмотрена как праксиология доказывания, соответственно КХП не может не учитывать примат теории доказательств, что на практике как раз и означает включение в нее перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, как одного из системообразующих элементов;

4) появление производных локальных понятий типа: «криминалистическая характеристика орудий преступления» etc. Такая неконструктивная генерализация понятия, с эпистемологической точки зрения, вполне оправдана этапом развития частной методологической схемы – КХП, что будет рассмотрено ниже. Для окончательной характеристики данного периода развития следует указать, что предложение Р.С. Белкина об отказе от понятия КХП большинство ученых восприняли «как серьезную и во многом объективную критику» [1, с. 69].

Рассмотрим данные периоды с позиций эволюционной эпистемологии [34; 35], причем как отражение этапности становления научного знания. Общая методологическая схема: P_1 (исходная проблемная ситуация) → ТТ (пробные теории) → ЕЕ (элиминация ошибок) → P_2 (новая проблемная ситуация) [34, с. 57 – 74], применительно к научному знанию рассмотрена в работах В.С. Степина (2011), который выделяет этапы: 1) формирование гипотезы, 2) уточнение гипотезы с помощью введения готовых (заимствованных из общенаучных областей и областей смежного знания) методологических схем, 3) обоснование знания, путем как проверки эмпирической его части, так и собственных теоретических построений, 4) критика и ответ на нее, в случае устойчивости к критике и обоснованности теоретического построения – дальнейшее развитие теории, в случае накопления фактов, противоречащих и не объясненных – кризис (чаще внутридисциплинарный) [19, с. 280 – 289]. А.Л. Никифоров (2008) предлагает более детализированную периодизацию: возникновение догадки, 1) проверка догадки как гипотезы и ее подтверждение, 2) накопление фактов и разработка концептуального аппарата, 3) формирование собственного методологического аппарата, идеализированных (абстрактных по В.С. Степину) объектов, понимание новых, ревизия имеющихся и объяснение противоречащих фактов, 4) накопление необъясненных противоречащих фактов, 5) кризис, появление альтернативных теоретических построений [17]. Исходя из данной методологической концепции периодов становления научного знания (от частнонаучных

до глобальных теоретических построений), современное состояние концепции КХП находится на этапе формирования собственного методического аппарата и идеализированного (абстрактного) объекта. С содержательной стороны указанный в качестве основного недостаток – включение в КХП некриминалистических элементов, соответствует закону (как формальной, так и диалектической логик) обратного соотношения содержания и объема понятия, согласно которому расширение содержания понятия приводит к уменьшению его объема [13]. Увеличение содержания понятия КХП в определенный момент стало грозить все меньшей его приложимостью к реальной ситуации расследования, т. к. для соответствия всем включенным в содержание элементам требовался бы в перспективе поток информации, превышающий разумные пределы. Кроме того ряд элементов содержания КХП представлял собой уровень обобщения, соотносимый с самим же понятием, что с точки зрения закономерностей формирования понятий приводит к утрате взаимосвязи между содержанием и объемом [35; 36]. Таким образом, вполне правдоподобным представляется мнение об отсутствии кризиса частной научной концепции, т. к. существенного признака – наличия необъясненных фактов и конкурирующих концепций, которые успешно их объясняют [17, с. 105 – 106], нет. Если вернуться к схеме формирования индуктивного понятия, то в своем развитии рассматриваемая концепция достигла стадии ограничения первоначального обобщения в соответствии с законом обратного соотношения содержания и объема и находится в преддверии формирования конечного индуктивного суждения. Существенным ограничением является несущественно малое количество исследований, устанавливающих причинно-следственные и функционально-корреляционные связи, что существенно затрудняет переход от первоначального к итоговому обобщению, т. е. установлению научно обоснованного равновесия между содержанием и объемом понятия КХП.

Выводы: 1. Развитие частнонаучного понятия «криминалистическая характеристика преступления» в полной мере согласовывается с общеметодологическими закономерностями, свойственными индуктивным понятиям. Современный период развития соответствует этапу формирования собственного методического аппарата и идеализированного (абстрактного) объекта.

2. Существующая критика данного понятия не отражает его кризис (ввиду отсутствия необъясненных противоречащих фактов и

альтернативных объяснительных концепций), а отражает необходимый этап становления индуктивного суждения – необходимость уточнения содержания и объема понятия в соответствии с законом обратной их зависимости. Преодоление существующего противоречия между избыточно расширенным содержанием понятия криминалистической характеристики преступления и, соответственно, деформированным его объемом затруднено ввиду малого числа работ, посвященных установлению причинно-следственных и функционально-корреляционных связей между основными элементами характеристики преступления.

3. Критикой относительно включения в структуру криминалистической характеристики преступления элементов, соответствующих доказыванию, можно пренебречь ввиду того, что (по меньшей мере, с эпистемологической точки зрения) криминалистика может быть рассмотрена как праксиология доказывания.

Дальнейшие перспективы исследований криминалистической характеристики преступлений состоят в формировании эпистемологического равновесия между содержанием и объемом понятия, для чего наиболее целесообразна интенсификация изучения многообразия связей между ее элементами.

Список использованных источников

1. Головин, А.Ю. Частные криминалистические методики: проблемы структуры и качества / А.Ю. Головин // Криміналіст першодрукований. – 2013. – № 7. – С. 67 – 74.
2. Белкин, Р.С. История отечественной криминалистики / Р.С. Белкин. – М.: НОРМА, 1999. – 496 с.
3. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М.: НОРМА (Изд. группа НОРМА – ИНФРА-М), 2001. – 240 с.
4. Белкин, Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., доп. / Р.С. Белкин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – 837 с.
5. Белкин, Р.С. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступления) / Р.С. Белкин, И.Е. Быховский, А.В. Дулов // Соц. законность. – М.: Известия, 1987. – № 9. – С. 56 – 58.
6. Адамова, К.З. Кластеры: понятие, условия возникновения и функционирования / К.З. Адамова // Вестн. Саратов. гос. техн. ун-та. – 2008. – № 34. – С. 129 – 134.
7. Бычкова, Г.М. Обоснование применения синергетического подхода к оценке эффективности функционирования кластера / Г.М. Бычкова // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2008. – № 6 (62). – С. 66 – 68.
8. Бородин, С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. – М.: Юристъ, 1999. – 356 с.
9. Методология психологического портретирования при раскрытии и расследовании серийных насильственных преступлений: итоги и перспективы / В.В. Седнев [и др.] // Криміналістичний вісник. – 2012. – № 1(17). – С. 6 – 14.
10. Попов, В.И. Осмотр места происшествия / В.И. Попов; Под ред. В.А. Хвана. – М.: Гос. изд-во мед. лит., 1959. – 231 с.
11. Осмотр места происшествия / Рук. авт. колл. А.Н. Васильев. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. – 379 с.
12. Осмотр места происшествия: практ. пособие / Под ред. А.И. Дворкина. – М.: Юристъ, 2001. – 336 с.
13. Розенталь, М.М. Принципы диалектической логики / М.М. Розенталь. – М.: Изд-во социально-экономич. лит., 1960. – 478 с.
14. Горский, Д.П. Обобщение и познание / Д.П. Горский. – М.: Мысль, 1985. – 208 с.
15. Степин, В.С. История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В.С. Степин. – М.: Акад. Проект; Трикта, 2011. – 423 с.
16. Ивин, А.А. Современная философия науки / А.А. Ивин. – М.: Высш.шк., 2005. – 592 с.
17. Никифоров, А.Л. Философия и история науки / А.Л. Никифоров. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 176 с.
18. Коэн, М.Р. Введение в логику и научный метод / М.Р. Коэн, Э. Нагель; пер. с англ. П.С. Куслия. – Челябинск: Социум, 2010. – 655 с.
19. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
20. Айдинян, Р.М. Система понятий и принципов гносеологии / Р.М. Айдинян. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 232 с.
21. Митричев, С.П. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений / С.П. Митричев // Криминалистика и судебная экспертиза: респ. межвед. сб. науч. и науч.-метод. работ. – К.: Ред.-изд. отдел МВД УССР, 1973. – Вып. 10. – С. 27 – 33.
22. Салтєвський, М.В. Криміналістика (у сучасному викладі): підручник / М.В. Салтєвський. – К.: Кондор, 2005. – 588 с.
23. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]; Под ред. Засл. деятеля науки Рос. Федерации, проф. Р.С. Белкина. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 990 с.
24. Криминалистика: учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. – 718 с.
25. Криминалистика. Том 1 / Под ред. Р.С. Белкина и Г.Г. Зуйкова. – М.: Высш. шк. МВД СССР, Науч.-исследоват. и ред.-изд. отдел, 1969. – 376 с.
26. Криминалистика: учебник / Под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. – М.: Юрид. лит., 1984. – 544 с.
27. Криминалистика: учеб. пособие / А.В. Дулов [и др.]; под. ред. А.В. Дулова. – Минск: НКФ «Экоперспектива, 1996. – 415 с.

28. Криминалистика: учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. – 718 с.
29. Криминалистика: учебник / Под ред. Е.П. Ищенко. – М.: Юристъ, 2000. – 751 с.
30. Криминалистика. Криминалистическая тактика и методика расследования преступлений / Под ред. В.Ю. Шепитько. – Х.: ООО «Одиссей», 2001. – 528 с.
31. Шепитько, В.Ю. Криминалистика XXI века: предмет познания, задачи и тенденции в новых условиях / В.Ю. Шепитько // Современное состояние и развитие криминалистики: сб. науч. тр. / Под ред. Н.П. Яблокова, В.Ю. Шепитько. – Х.: Апостиль, 2012. – С. 41 – 54.
32. Журавель, В.А. Концептуальные подходы к модернизации криминалистических методик / В.А. Журавель // Современное состояние и развитие криминалистики: сб. науч. тр. / Под ред. Н.П. Яблокова, В.Ю. Шепитько. – Х.: Апостиль, 2012. – С. 186 – 202.
33. Черняк, А.З. Эпистемология неравных возможностей / А.З. Черняк. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 168 с.
34. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского и В.К. Финна; пер. с англ. Д.Г. Лахути; вступ. ст. и общ. ред. В.Н. Садовского; послесл. В.К. Финна. Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – 464 с.
35. Объективная диалектика / Отв. ред. Ф.Ф. Вяккерев // Материалистическая диалектика в пяти томах. Том 1. – М.: Мысль, 1981. – 374 с.
36. Ильенков, Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении / Э.В. Ильенков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 468 с.

Дата поступления: 13.08.2014

Annotation

The article considers the concept of criminalistics characteristics of the crime as an epistemological construct. It has been established that the concept is in its formative stages. Identifying existing epistemological contradiction. Set the direction of future development.

БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ АНТРОПОМЕТРИЧЕСКОЙ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ ЛИЦ

Банников А.М.

канд. техн. наук

ООО «БАРС Интернешнл»

г. Москва, Россия

Коляда А.А.

д-р физ.-мат. наук

Ревинский В.В.

д-р техн. наук, доцент

Государственное учреждение

«Научно-практический центр

Государственного комитета

судебных экспертиз

Республики Беларусь»

48

Аннотация

В статье с позиции организации автоматического режима функционирования информационных систем синтеза и классификации изображений лиц изложены базовые принципы антропометрической параметризации. Дан анализ особенностей и отличительных признаков данных систем.

В процессе развития и внедрения в криминалистическую практику современных биометрических идентификационных технологий и систем сфера применения средств распознавания человека по изображению лица постоянно расширяется. При этом в разряд приоритетных выдвигаются приложения, которые предполагают реализацию необходимых целевых функций в автоматическом режиме [1 – 3]. Типичными примерами такого рода приложений могут, в частности, служить информационные системы, осуществляющие формирование по предъявленным материалам изображений лиц с учетом некоторого комплекса особенностей и отличительных признаков внешности человека, характерных для той или иной группы людей [4]. Таким образом, системы данного семейства, в сущности, выполняют функции классификационного анализа. Синтезируемые изображения лиц могут быть, например, классифицированы по возрастной категории, полу, признакам, адекватно отражающим национальную принадлежность человека, и т.п. Методологический и алгоритмический инструментарий указанных систем позволяют успешно решать и задачу составления фоторобота человека.

При создании математического обеспечения информационных систем формирования и классификации изображений лиц важное место занимает концептуальное положение, согласно которому базовые параметры – используемые дескрипторы элементов лиц квалифицируются как случайные величины. Целесообразность применения вероятностного подхода продиктована следующими основными факторами:

– конкретные параметры, описывающих элементы лица, на практике определяются с некоторой погрешностью. Нивелирование негативного влияния на конечный результат соответствующих флуктуаций базовых дескрипторов, как правило, может быть достигнуто с помощью предварительно полученных в рамках приемлемой статистической модели оценок требуемых параметров;

– если предъявляемые исходные материалы имеют неудовлетворительное качество, то погрешности измеренных значений дескрипторов лица могут оказаться слишком большими и даже неприемлемыми. Тогда принятие решения в автоматическом режиме функционирования системы целиком должно базироваться на статистических данных.

Параметрическую базу данных криминалистических информационных систем составляют антропометрические характеристики лиц. Ключевым требованием,

предъявляемым к используемым параметрам, является их надежность, рассматриваемая с позиций достоверности и точности детектирования в автоматическом режиме.

Настоящая статья посвящена основополагающим принципам построения автоматизированной системы формирования и классификации изображений лиц на базе антропометрической технологии и статистического метода. Особое внимание при этом уделяется оптимизационным аспектам.

Как известно, технология синтеза изображений лиц по антропометрическим характеристикам – набору специальных точек и пропорций расстояний между ними, представляет собой одно из наиболее надежных и эффективных средств габитоскопии. При надлежащей

точности детектирования совокупность значений антропометрических параметров черт лица для каждого человека уникальна. Поэтому полученные с ее помощью изображения лиц обладают высокой степенью достоверности. В настоящее время специалистами по портретной идентификации и портретной экспертизе используются от 18 до 34 антропометрических точек. Что касается автоматизированных информационных систем рассматриваемого типа, то их антропометрическое математическое обеспечение должно базироваться на точках, отличающихся стабильностью и надежностью. В соответствии с этим в представляемой системе используется 18 точек, принадлежащих центральной части лица, которые показаны на рисунке:

Рисунок 1 – Антропометрические точки, используемые при автоматизированном поиске

Данные точки были выбраны на основании статистического анализа, и разработан режим их автоматической расстановки.

Вычислительные процедуры разработанного математического обеспечения ориентированы на систему координат, горизонтальная ось Ox (ось абсцисс) которой проходит через центры зрачков, а вертикальная ось Oy (ось ординат) – через точку O , делящую межзрачковое расстояние пополам. При этом локаторы (координаты) зрачков определяются в плоскости исходного изображения $P = \{p(u,v)\}_{(u,v) \in \Omega_P}$ со-

ответствующего лица, где $p(u,v) \in \{0,1,\dots,255\}$; $\Omega_P = \{0,1,\dots,W-1\} \times \{0,1,\dots,H-1\}$ – кадр изображения P шириной W и высотой H элементов.

Локализация зрачков может быть, например, осуществлена по методологии, базирующейся на примитивах так, как это описано в [5]. В качестве альтернативного подхода к выполнению данной операции приведем метод, основанный на исследовании экстремумов интегральных характеристик фрагментов изображения P , отвечающих анализируемым зонам кадра Ω_P .

Пусть область, подлежащая анализу, имеет вид

$$D = \{u_{\min}, u_{\min} + 1, \dots, u_{\max}\} \times \{v_{\min}, v_{\min} + 1, \dots, v_{\max}\} \\ (u_{\min}, u_{\max} \in \{0, 1, \dots, W-1\}; v_{\min}, v_{\max} \in \{0, 1, \dots, H-1\}). \quad (1)$$

В рассматриваемом методе роль базовых интегральных характеристик возлагается на суммы:

$$S_r(v) = \sum_{u=u_{\min}}^{u_{\max}} p(u, v) \quad (v = \overline{v_{\min}, v_{\max}}) \quad (2)$$

и

$$S_b(u) = \sum_{v=v_{\min}}^{v_{\max}} p(u, v) \quad (u = \overline{u_{\min}, u_{\max}}). \quad (3)$$

Предположим, что минимумам и максимумам кривой (2) отвечают соответственно кортежи

$$\langle v_{\min,1}, v_{\min,2}, \dots, v_{\min,m} \rangle \quad (4)$$

и

$$\langle v_{\max,1}, v_{\max,2}, \dots, v_{\max,n} \rangle \quad (5)$$

упорядоченных по возрастанию значений аргумента v , а минимумам и максимумам кривой (3) – кортежи:

$$\langle u_{\min,1}, u_{\min,2}, \dots, u_{\min,k} \rangle \quad (6)$$

и

$$\langle u_{\max,1}, u_{\max,2}, \dots, u_{\max,l} \rangle \quad (7)$$

50

соответствующих значений переменной u . Тогда детектирование требуемой антропометрической точки сводится к выделению из кортежей (4),(6) или (5),(7) (в зависимости от того, к «черной» или «белой» области принадлежит точка) искомой пары компонент: локаторов минимума – $(u_{\min,i}, v_{\min,j}) (1 \leq i \leq k; 1 \leq j \leq m)$ или локаторов максимума – $(u_{\max,i}, v_{\max,j}) (1 \leq i \leq l; 1 \leq j \leq n)$.

В целях повышения точности операций детектирования антропометрических точек изложенным способом интегральные характеристики (2) и (3) или анализируемый фрагмент изображения P , зачастую, приходится оптимизировать с помощью тех или иных сглаживающих процедур [6; 7]. В частности, такая оптимизация необходима в случае неудовлетворительного качества исходных материалов.

Что касается центров O_1 и O_2 зрачков, то их локализация осуществляется отдельно в каждой из подходящих областей D_1 и D_2 вида (1),

расположенных в левой и правой частях лица. Формируя в зоне $D \in \{D_1, D_2\}$ по формуле (2) кривую $S_r(v)$ и определяя ее локальные минимумы, можно утверждать, что тройка наиболее значимых из них (наименьших по величине): $S_r(v_{\min,j^*-1}), S_r(v_{\min,j^*})$ и $S_r(v_{\min,j^*+1})$ ($j^* \in \{1, 2, \dots, m\}$ (см.(4))) указывают соответственно на бровь, зрачек и область, расположенную ниже глаза. Вполне понятно, что среди локальных экстремумов кривой (3) также имеется минимум, отвечающий зрачку глаза, расположенного на рассматриваемой стороне лица. Очевидно, в кортеже (6) – это наименьший минимум. Пусть он достигается при $u = u_{\min,i^*}$ ($i^* \in \{1, 2, \dots, k\}$) (см (7)). Тогда в качестве центра зрачка глаза на анализируемой половине лица можно принять точку $(u_{\min,i^*}, v_{\min,j^*}) \in D$. Выполнение описанной процедуры для левой и правой частей лица, т.е. на областях D_1 и D_2 вида (1), дает искомые локаторы центров O_1 и O_2 зрачков обоих глаз:

$$O_1 = (u_3^{(1)}, v_3^{(1)}) = (u_{\min,i_1^*}, v_{\min,j_1^*}) \in D_1; \quad O_2 = (u_3^{(2)}, v_3^{(2)}) = (u_{\min,i_2^*}, v_{\min,j_2^*}) \in D_2 \quad (8)$$

где i_1^*, j_1^* и i_2^*, j_2^* – порядковые номера отвечающих зрачкам точек минимума (в кортежах типа (6),(4)), полученных для интегральных характеристик (3) и (2) на множествах D_1 и D_2 .

Полученные центральные точки (8) зрачков позволяют не только рассчитать межзрачковое

расстояние $O_1 O_2$, но и осуществить (при необходимости) угловую коррекцию изображения лица, а также привести анализируемое изображение к общепринятому масштабу. Согласно международному стандарту минимальное межзрачковое расстояние должно составлять

120 пикселей при разрешении изображений 640x480 пикселей. При этом лицо должно занимать 2/3 кадра изображения.

Как уже отмечалось, все вычислительные процедуры представляемой методологии синтеза результирующих изображений лиц с получением требуемого набора классифика-

ционных признаков производятся в системе координат, осью абсцисс OX которой служит прямая O_1O_2 , а осью ординат OY – прямая, проведенная перпендикулярно к отрезку O_1O_2 через его середину O . Из изложенного следует, что координаты u, v и x, y связаны между собой соотношениями:

$$x = u - (u_3^{(1)} + u_3^{(2)})/2, \quad y = v - v_3^{(1)} = v - v_3^{(2)}.$$

При этом в рабочей системе координат центрам зрачков отвечают точки:

$$O_1 = (x_3^{(1)}, y_3^{(1)}) = (-\frac{1}{2} O_1 O_2, 0), \quad O_2 = (x_3^{(2)}, y_3^{(2)}) = (\frac{1}{2} O_1 O_2, 0) \quad (O_1 O_2 = u_3^{(2)} - u_3^{(1)}).$$

Следует отметить, что при использовании системы координат x, y теоретически может возникнуть ситуация, при которой истинная ориентация вертикали (оси OY) нарушается по причине заведомой некорректности взгляда человека, а следовательно, и положения зрачков в момент фиксации исследуемого изображения. Однако для рассматриваемых приложений данный фактор принципиального значения не имеет, так как на анализируемых в них исходных материалах указанный эффект проявляется весьма редко – менее чем в 10%. Информационные системы представляемого класса, как правило, имеют дело с фотографиями из документов. К таким фотографиям предъявляются жесткие требования, включая пригодность к распознаванию.

Для исследуемого изображения далее употребляется обозначение $F = \{f(x, y)\}_{(x, y) \in \Omega_F}$ ($f(x, y) \in \{0, 1, \dots, 255\}$; $\Omega_F = \{-w, -w+1, \dots, w\} \times \{-h, -h+1, \dots, h\}$ – кадр изображения F шириной $W=2w+1$ и высотой $H=2h+1$; w и h – половины x - и y -протяженностей кадра).

В представляемой системе по изображению F конструируется центральная часть лица, содержащая антропометрические точки, по которым все необходимые математические расчеты целиком могут быть выполнены в автоматическом режиме. Детектирование требуемых точек (см. рисунок) базируется на изложенном выше подходе, основанном на анализе локальных экстремумов интегральных характеристик типа (2), (3) в соответствующих зонах (1) кадра Ω_F (с заменой координат u, v на x, y). Исследуемая информативная (центральная) часть лица включает область, расположенную чуть выше бровей, уголки глаз, зрачки, нос, для которого определяются параметры: ширина, высота, кончик, губы, в том числе две точки в изгибах верхней губы, подбородок и др. При этом реализуемая антропометрическая параметризация лица кроме указанных выше имеет ряд дополнительных осо-

бенностей. Остановимся кратко на некоторых из них.

Эксперты-криминалисты в качестве горизонтали лица используют прямую, проходящую через уголки глаз. Но так как данные точки, как правило, локализуются с довольно большой погрешностью, то их применение для указанной цели в автоматическом режиме неприемлемо. Именно поэтому в созданной системе роль горизонтали возлагается на ось, проведенную через центры зрачков.

Говоря о точке, отвечающей кончику носа, следует заметить, что согласно стандарту на изображениях лиц нос должен быть либо приподнят, либо опущен. При этом, как считают криминалисты, по крыльям носа может быть построена горизонталь. Но тогда возможна ситуация, при которой кончик даже опущенного носа находится ниже проведенной горизонтали. В предлагаемой разработке кончик носа рассматривается как физическая точка. Расчет ее первичного местоположения производится безотносительно к другим антропометрическим точкам. Данная концепция положена в основу детектирования и других антропометрических точек, в том числе точки, указывающей на подбородок. К сказанному добавим, что в рассматриваемых информационных системах точность операций определения дескрипторов элементов левой и правой половин лица удастся существенно повысить за счет применения принципа усреднения значений одноименных параметров. К дескрипторам такого рода относится, например, ширина глаз, рассчитываемая по параметрам внутренних и внешних сторон век.

Для получения высоты H_n лица в антропометрии в качестве стандарта принят подход, при котором параметр H_n считается равным расстоянию от линии роста волос до подбородка. Ввиду нестабильности используемых в рамках данного подхода точек, он неприемлем для автоматизированных информационных си-

стем. Учет в таких системах, например, факторов изменчивости линии волос у каждого человека, маскирования ее прической или головным убором является весьма проблематичным. Измерение высоты $H_{\text{л}}$ и ширины $W_{\text{л}}$ лица классическими способами математически некорректно и не обеспечивает должной надежности. Получаемое в этом случае соотношение между параметрами $W_{\text{л}}$ и $H_{\text{л}}$ противоречит также эмоциональному и психологическому восприятию лица.

В рамках реализуемых подходов синтез внешности человека осуществляется путем формирования элементов по соответствующим антропометрическим точкам. При этом порядок выполняемых действий и форма внешности, в принципе, могут быть произвольными. Для получения того или иного элемента внешности необходимые базовые точки и параметры, определяемые в автоматическом режиме, непосредственно использовать не следует. Над ними предварительно выполняется корректирующая процедура, основанная на анализе вычисляемых антропометрических пропорций, углов, смещений и, возможно, иных геометрических конструкций, образованных отрезками, соединяющими найденные точки. Таким образом, осуществляемый процесс формирования внешности человека включает этапы детектирования антропометрических точек, их сортировки и последующей коррекции, выполняемой по критерию геометрической согласованности местоположения точек с характеристиками графической модели лица, которые обладают высокой достоверностью. Если для построения искомого контура внешности полученный первичный базовый набор точек оказывается недостаточным, то он дополняется путем экстраполяции в соответствии с обозначенными принципами. Самая левая и самая правая антропометрические точки на

сформированном контуре определяют ширину $W_{\text{л}}$ лица, а самая верхняя и самая нижняя – его высоту $H_{\text{л}}$. В результате реализации описанного процесса фактически создается элементная база лица человека, которая позволяет на высококачественном уровне в автоматическом режиме решать широкий круг задач синтеза и классификации изображений лиц самого разного функционального назначения.

Представленные результаты выполненной разработки по проблемам синтеза и классификации изображений лиц в автоматическом режиме позволяют сформулировать следующие основные выводы.

Антропометрическая параметризация лиц в автоматическом режиме должна проводиться с использованием точек, отличающихся стабильностью и надежностью. При приемлемом качестве исходных материалов это обеспечит высокий уровень достоверности конечных результатов разработанных процедур синтеза и классификации изображений лиц.

Реализация концептуального положения о надежности используемой антропометрической базы при создании математического обеспечения для автоматических систем формирования и классификации изображений лиц сопряжена с появлением у систем данного семейства ряда специфических особенностей и отличительных признаков. К ним, в частности, относятся: привязка рабочей системы координат к центрам зрачков глаз, унифицированный способ детектирования и локализации антропометрических точек, основанный на исследовании экстремумов интегральных характеристик анализируемых зон изображений, внедрение адаптивных механизмов оптимизации, включая экстраполяцию и коррекцию локаторов антропометрических точек и, как следствие, контура внешности лица и его изображения в целом.

Список использованных источников

1. Снетков, В.А. Типы и элементы внешности (ТЭФ) / В.А. Снетков, А.М. Зинин, И.Ф. Винниченко. – М., 1979.
2. Зинин, А.М. Внешность человека в криминалистике / А.М. Зинин. – М., 1995.
3. Криминалистическое описание человека / И.Ф. Винниченко [и др.]. – М., 1998.
4. Семенов, С.Г. Динамическая модель информационной системы на основе наблюдаемого структурно-информационного портрета / С.Г. Семенов, В.В. Давыдов // Вестн. нац. техн. ун-та. Харьк. политехн. ин-т. Сер. Информатика и моделирование. – 2011. – №36. – С. 156 – 163.
5. Банников, А.М. Метод портретной идентификации для криминалистических учетов на основе дифференциальных спектров / А.М. Банников, А.А. Коляда, В.В. Ревинский // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судебных экспертиз Респ. Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2014. – Вып. 1/35. – С. 49 – 57.

6. *Бейтс, Р.* Восстановление и реконструкция изображений / Р. Бейтс, М. Мак-Доннелл. – М.: Мир, 1989. – 337 с.
7. *Гонсалес, Р.* Цифровая обработка изображений / Р. Гонсалес, Р. Вудс. – М.: ТЕХНОСФЕРА, 2005. – 1072 с.

Дата поступления: 16.09.2014

Annotation

This article states basic principles of the anthropometric parameterization from the perspective of organizing an automatic mode of functioning of information systems of facial image synthesis and classification. The analysis of characteristics and distinctive features of these systems is given.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВЕСНОГО ПОРТРЕТА В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Елётнов В.И.

адъюнкт
научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

54

Аннотация

В статье проводится анализ формирования и развития метода словесного портрета в криминалистике, рассматриваются научные труды основателей метода, а также ученых, внесших наибольший вклад в его становление.

Эффективность использования в раскрытии и расследовании преступлений сведений о внешности человека во многом зависит от того, насколько эти сведения системны, полны и достоверны. В настоящее время одним из основных средств получения таких сведений является описание по методу словесного портрета.

Под словесным портретом в криминалистике принято понимать метод описания внешности человека с использованием единых терминов, осуществляемый по определенной системе в целях уголовной регистрации, розыска и отождествления живых лиц и трупов [1, с. 355]. Научным исследованием проблем криминалистического словесного портрета в разное время занимались А. Бертильон, Р.А. Рейсс, Р. Гейндль, И.Н. Якимов, Н.В. Терзиев, А.А. Гусев, А.Ю. Пересункин, З.Г. Самошина, З.И. Кирсанов, В.А. Снетков, А.М. Зинин и др. Несмотря на то, что словесному портрету посвящено значительное количество научных работ, на сегодняшний день некоторые его положения раскрыты не в полной мере, многие из них остаются дискуссионными. Современными авторами по-разному представляется система метода, многообразно трактуется его содержание, употребляется неодинаковая терминология [2, с. 35]. Не решенными остаются вопросы о степени детализации метода, его дифференциации в зависимости от решаемых задач и др.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости глубокого научного исследования метода словесного портрета в целом, и в частности его исторического аспекта. Анализ формирования и развития словесного портрета на различных исторических этапах позволит выявить причины его неоднозначной трактовки, предоставит возможность определить узловые точки в устранении имеющихся противоречий. В связи с изложенным, в настоящей статье, мы обратимся к научным работам основателей метода, а также ученых, внесших наибольший вклад в его становление и развитие.

Предвосхищая анализ научных работ, посвященных методу словесного портрета, следует отметить, что вербальное описание внешности человека в целях его установления имеет длительную историю. Как отмечал Р. Гейндель, описание признаков внешности словами столь же древне, как и сам институт полиции [3, с. 233]. Подтверждением тому служат словесные описания внешнего облика преступников, обнару-

живаемые в судебных материалах Др. Египта периода царствования Птолемея (305-30 гг. до н.э.) [4, с. 6]. Сохранились документальные подтверждения использования приметоописания и в сыскных учреждениях средневековой России. Одним из самых ранних документов, удостоверяющих данный факт, считается «Дело о трех беглых латышах от апреля 1600 г.» [5, с. 18], в котором приводятся описания внешности сбежавших пашенных крестьян. Ниже приведен пример одного из них: «Латыш Олуйко, а руское имя Герасимко Сибреевъ, ростом невеликъ, летъ в полтретьятцать, белогласъ, волосом русъ, голова шолудива; платья на нем сермяга сера, шапка сукно темнолазорево, по руски говорить мало умееть...» [6, с. 269]. Помимо использования в деятельности полиции, описание внешних примет человека издавна применялось и в других сферах общественной жизни. Так, М.Г. Потапов приводит данные, что признаки внешности фиксировались в «прокормежных» письмах, которыми в 18 в. снабжались крестьяне, отправляющиеся на заработки [7, с. 128]. Вплоть до начала 20 в. приметы внешности отражались также в гражданских паспортах [8, с. 74].

Вместе с тем, нельзя не согласиться с точкой зрения авторов, считавших, что долгое время применение вербального описания внешности человека в деятельности правоохранительных органов было малоэффективным [8, с. 74; 9, с. 258]. Это объясняется тем, что оно носило, как правило, бессистемный характер, основывалось на словах, заимствованных из обиходного языка, и не имело единых правил. Типичными терминами, применяемыми для его составления, являлись «обычное лицо», «никаких особых примет» и др. [2, с. 5].

Полная отмена клеймения и членовредительства как основных способов уголовной регистрации, а также рост преступности во всех странах мира в начале 19-го в. [4, с. 6], предопределили разработку новых и совершенствование существовавших средств установления и розыска человека, в том числе связанных со словесным описанием его внешности.

В конце 19 в. французский криминалист А. Бертильон разработал комплексную систему уголовной регистрации преступников, которая наряду с антропометрией – ее главным элементом, включала в себя основанную на вербальном описании номенклатуру признаков внешности и особых примет человека. Как дополнение к обозначенной системе, которую А. Бертильон назвал «сигналетикой» (от французского слова «signalement» – приметоописание) [10, с. 16], он предложил использовать специальный метод, разработанный

им в целях розыска и установления лица в общественных местах – «словесный портрет». В настоящее время в криминалистике термин «словесный портрет» большинством авторов отождествляется с методикой упорядоченного описания внешнего облика человека [1; 11; 12]. Однако, анализ научного труда А. Бертильона «Инструкция по сигналетике», посвященного изложенным вопросам, показал, что он трактовал словесный портрет несколько иначе [13]. Отождествляя во многом «сигналетику» и словесный портрет, т.е. включая в его содержание помимо информации о признаках внешности также антропометрические сведения, под последним он понимал не всю систему описания, а совокупность наиболее характерных признаков внешности человека, предназначенных для запоминания и использования полицейскими в повседневной деятельности. По мнению А. Бертильона, словесный портрет являлся ничем иным как карикатурой на внешность человека, выраженной посредством слов [13, с. 138].

Научная заслуга А. Бертильона состоит в том, что он предложил описывать внешний облик человека системно, упорядоченно, с использованием единой научной терминологии.

Все признаки внешности человека были разделены А. Бертильоном на основные (подлежащие обязательной фиксации) и дополнительные (подлежащие фиксации в случае их отклонения от средних величин). Описание начиналось с изложения основных признаков. К ним, как обладающим наибольшей устойчивостью и идентификационной значимостью, А. Бертильон относил признаки лба, носа, уха и телосложения. К носителям дополнительных признаков он причислял: губы, подбородок, общий контур головы, волосаяблоку покров головы и лица, веки, глазные яблоки и орбиты, рот, морщины на лице, выражение лица, размер шеи, наклон линии плеч, положение тела, походку, голос и речь, одежду [13].

Для выражения наименований элементов и признаков внешности А. Бертильоном использовались термины, заимствованные из анатомии, антропологии, биологии и др. наук. По этому поводу Ю. Торвальд справедливо отметил: «Любая видимая примета головы имела теперь точное определение» [14, с. 35]. Используя научные наименования, А. Бертильон тщательно растолковывал их природу и содержание. Например, про такой признак волос как «шерстистые» он писал, что они свойственны для представителей негроидной расы и проявляются в обвитии соседних волос друг другом с образованием небольших шарообразных прядей [13, с. 88].

Каждый из признаков внешности А. Бертильон предложил описывать с позиции его формы, размера и положения. Форма признаков выражалась наименованиями геометрических фигур и линий. Размер определялся не в абсолютном, а в относительном значении посредством его сравнения с целым или другими частями. Положение элемента оценивалось относительно вертикальной (горизонтальной) плоскости или иных элементов [13].

В целях повышения точности описания А. Бертильон ввел семиразрядную систему степени выраженности признака. В отношении размера, например, это выражалось в подразделении базовых категорий «малый», «средний» и «большой», прилагательными «очень малый», «меньше среднего», «больше среднего», «очень большой» [13].

Впоследствии словесный портрет получил признание как метод регистрации и розыска преступников и стал применяться правоохранительными органами Франции, Швейцарии, Румынии, Российской империи и других стран [15, с. 3]. Несмотря на это, у него было не мало противников. Будучи в числе последних, немецкий криминалист Р. Гейндель писал: «словесный портрет может быть подходящим предметом изучения полицейских школ, чтобы напрактиковать молодого полицейского. Но на практике он неприменим, это – продукт именно болезненного неистовства классификации» [3, с. 236]. Не получил признания словесный портрет и в Англии, чиновники которой считали, что «его конструкция слишком сложна для рядового полицейского» [14, с. 28].

Не разделяя в целом вышеизложенных позиций, мы согласны с мнением Т.Ю. Османова, что изначально словесный портрет был далек от совершенства [16, с. 18]. На наш взгляд, недостатки крылись в самой системе описания. Это связано с чрезмерной детализацией сложных для изучения элементов внешности (радужная оболочка глаза, например, характеризовалась по цвету венчика, периферии и номеру класса) [13, с. 47] и с тем, что характеристики цвета и особые приметы рассматривались в ней отдельно, безотносительно основных и дополнительных признаков внешности.

Заложенные А. Бертильоном основы словесного описания внешности человека развил швейцарский криминалист Р.А. Рейсс, опубликовавший в 1904 г. работу «Словесный портрет. Описание и отождествление личности по методу Альфонса Бертильона» [15]. Полагаем, благодаря исследованиям Р.А. Рейсса, словесный портрет во многом приобрел свое нынешнее значение и содержание. Во-первых, термином «словесный портрет» стала обозначаться вся

система описания внешнего облика человека, а не совокупность наиболее характерных признаков внешности, как это было у А. Бертильона. Во-вторых, сложная в понимании система описания А. Бертильона была существенно упрощена: из словесного портрета были исключены антропометрические сведения, характеристики цвета стали рассматриваться в рамках конкретных элементов внешности. Кроме того Р.А. Рейссом были конкретизированы сферы использования словесного портрета, в числе которых указывались: 1) розыск; 2) отождествление фотографических карточек, изготовленных в полиции; 3) сравнение карточки словесного портрета с карточкой, изготовленной профессиональным фотографом, и последних между собой; 4) сравнение субъекта (арестованного) с его фотографической карточкой; 5) опознание фотографии; 6) опознание на расстоянии; 7) опознание трупа; 8) розыскной альбом.

Становление и внедрение метода словесного портрета в практическую деятельность правоохранительных органов было ознаменовано также изданием других научных работ под авторством А. Даае и Х. Мадсена (А. Daae, Н. Madsen) [17], Д.П. Кавальери (D.P. Cavaliere) [18], Л. Маршесо (L. Marchesseua) [19]. В Российской империи о методе словесного портрета в рассматриваемый период в своих работах писали Н.С. Трегубов, К.Г. Прохоров, В.И. Лебедев [9; 15; 20]. Однако, названные зарубежные и отечественные научные труды, как показал их анализ, в целом основывались на идеях А. Бертильона и Р.А. Рейсса и носили в большей степени обзорный характер.

Первым советским руководством по словесному портрету принято считать пособие Н.С. Бокариуса «Справочный подручный альбом для работников Уголовного розыска и милиции при составлении словесного портрета», изданное в 1924 г. [21, с. 37]. В развитие вышеописанных положений Н.С. Бокариус в свое пособие наряду с системой описания внешнего облика человека включил карикатурные рисунки, подчеркивающие определенные элементы внешности [22, с. 42]. Однако, как отметил А.М. Зинин, приведенные рисунки были весьма условными и вызывали затруднения при их сопоставлении с признаками внешности конкретных лиц [2, с. 9]. Возможно, поэтому названный научный труд широкого распространения не получил.

Отдельного внимания заслуживает изданная в 1925 г. работа немецкого криминалиста Г. Шнейкerta «Учение о приметах для опознания» [23]. В данной работе Г. Шнейкерт

вводит в научный оборот понятие «учение о приметах». В контексте данного понятия автор рассмотрел не только описание признаков человеческой наружности, но и вопросы, связанные с изменением внешности человека, законами наследственности и др. Значимость исследований Г. Шнейкerta относительно словесного описания состоит в разработке идеи о его дифференциации. Так, в зависимости от целей применения, им были предложены несколько вариантов описания внешности с соответствующим бланком для каждого из них. Придерживаясь сложившейся системы описания примет, с их делением на основные и дополнительные, установленной последовательностью и терминологией, Г. Шнейкерт предложил расширить ее некоторыми элементами, в частности признаками рук, ступней ног и др.

К середине 30-х гг. 20-го в. словесный портрет стал обязательной частью главы «уголовная регистрация» советских учебников по криминалистике [24; 25]. Однако, словесный портрет уже не рассматривался как основной метод регистрации, поскольку большую эффективность в данном направлении показывала дактилоскопия. Это отразилось на системе описания признаков внешности. В частности, описание основных элементов внешнего облика человека в учебниках представлялось уже не так подробно как в пособиях А. Бертильона-Р.А. Рейсса [24, с. 46]. По этой же причине некоторые авторы признавали достаточным описывать признак по минимальной трехгрупповой классификации (при определении размера, например, обходились словами – большой, средний, малый) [25, с. 71]. В то же время в научной литературе появляются сведения об использовании словесного портрета в экспертной идентификации человека по фотонизображениям [25].

Важным этапом в развитии словесного портрета стало формирование в середине прошлого века новой самостоятельной отрасли криминалистической техники – криминалистического учения о внешнем облике человека и включение словесного описания в содержание данного учения. В немалой степени этому способствовал ряд научных трудов советского криминалиста Н.В. Терзиева [10; 26]. Работы Н.В. Терзиева стали первыми в советской школе криминалистики, в которых были четко сформулированы принципы словесного портрета. Одним из таких принципов предусматривалось деление признаков внешности на две большие группы: анатомические – характеризующие строение тела и функциональные – связанные с привычными движениями человека и его состояниями. Ученым был изменен

порядок описания внешнего облика человека: анатомические признаки внешности рекомендовалось излагать последовательно, от верхних частей тела к нижним. Также представляется важным вывод Н.В. Терзиева о значимости как краткого, так и подробного описаний степени выраженности признаков, необходимых, соответственно, в следственно-оперативной и экспертной практике [26].

Исследования Н.В. Терзиева нашли свое признание и развитие в последующих работах А.А. Гусева, А.Ю. Пересункина, З.Г. Самошиной [27 – 29].

Несмотря на определение места и роли словесного портрета в криминалистике, закрепление принципов и системы словесного описания, относительно его терминологической части в советской литературе 70-80-х гг. 20-го в. царил несогласованность. Анализ учебников по криминалистике того периода показал, что авторы по-разному трактовали значение употребляемых при описании терминов, использовали для выражения одних и тех же признаков внешности разные слова. В учебнике по криминалистике 1963 г., например, в значении среднего понимался рост от 160 до 174 см [30, с. 230], тогда как в учебнике 1973 г. – 165-175 см [31, с. 235]; при описании цвета кожи в первом из указанных учебников предлагались характеристики: белая, розовая, красная, желтая и коричневая [30, с. 233], во втором – белая, бледная, розовая, смуглая [31, с. 236].

Несоответствия изложенного характера, прямым образом сказывавшиеся на подготовке будущих специалистов, наряду с расширением возможностей криминалистики, стали причиной новых фундаментальных исследований метода словесного портрета. Наибольшее значение на обозначенном этапе, на наш взгляд, имели учебник В.А. Снеткова «Габитоскопия», опубликованный в 1979 г. [32] и пособие «Криминалистическое описание внешности человека», изданное коллективом авторов под руководством В.А. Снеткова в 1984 г. [33].

Издание учебника «Габитоскопия» во многом подвело черту под теоретическим обоснованием самостоятельности и научной обоснованности криминалистического учения о внешнем облике человека (данное учение В.А. Снетковым было названо «габитоскопией»). Из работ, посвященных габитоскопии и словесному портрету, в частности, учебник В.А. Снеткова, по нашему мнению, является на сегодняшний день одним из наиболее фундаментальных и глубоких. В названном учебнике словесный портрет был рассмотрен как одно из специальных технико-криминалистических средств габитоскопии, предназначенных для

собираения данных о внешнем облике человека (наряду с производством сигналетической фотосъемки, изготовление субъективных портретов, посмертных масок и пластических реконструкций лица по черепу) [32]. Важность для методики словесного портрета представляла глава учебника, посвященная признакам и элементам внешнего облика человека. Впервые в рамках работ такого типа В.А. Снетковым были даны понятия элемента и признака внешности, представлена их подробная многоаспектная классификация. В пределах классификации собственных элементов внешности, В.А. Снетков наряду с анатомическими и функциональными в отдельную группу выделил общефизические признаки, которые включали характеристики пола, возраста, телосложения, а также до того не фиксируемый антропометрический тип. Подобный подход к классификации собственных элементов внешности взят за основу в некоторых современных учебниках по криминалистике [12]. Также В.А. Снетков дополнил критерии описания элемента внешности: помимо формы, размера, положения и цвета были введены такие, как выраженность и степень симметрии.

Пособие «Криминалистическое описание внешности человека» стало результатом проделанной ВНИИ МВД СССР работы по унификации терминологии словесного портрета [16, с. 34]. Для достижения единообразия учебными был разработан словарь перевода произвольного описания в упорядоченное. В пособии были перечислены часто встречающиеся произвольные слова и выражения и даны их значения в терминах криминалистического описания внешности человека. Например, употребляемым при описании человека выражением «тощий», «сухопорый» соответствовало криминалистическое определение «худощавое телосложение» [33, с. 19]. Представленная в пособии система описания внешности не отличалась коренным образом от приведенной в учебнике «Габитоскопия». Вместе с тем, она включала в себя дополнительную классификацию признаков внешности на ориентирующие, доминирующие и индивидуализирующие.

В настоящее время словесный портрет является одним из основных методов получения, сохранения и использования информации о признаках внешности человека. Он находит широкое применение в следственной, оперативной и экспертной практике. Вместе с тем, по обоснованному мнению Т.Ю. Османова [16, с. 39], было бы неверно полагать, что возможности метода словесного портрета раскрыты полностью. Как одно из подтверждений этого – многочисленные научные исследова-

ния словесного портрета, проведенные на современном этапе [5; 16; 21; 34; 35]. Главными целями обозначенных исследований являются повышение эффективности метода словесного портрета, объективизация результатов его применения, в том числе путем разработки действенных аппаратных средств и программных комплексов.

Анализ работ советского периода, а также современных научных трудов показал, что в целом, с момента своего создания и до настоящего времени, метод словесного портрета сущностно изменен не был. Вместе с тем, специфика развития криминалистической науки, связанная с постоянно меняющимися реалиями общественно-правовой жизни, интеграцией знаний и технизацией, обусловила проблему перманентного изменения содержания терминологической базы словесного портрета, что в свою очередь порождает отсутствие в ней единообразия и сказывается на снижении эффективности метода.

Таким образом, на основании изложенного в настоящей статье исследования, мы пришли к следующим выводам:

- создание словесного портрета было во многом обусловлено необходимостью совершенствования словесного описания внешности человека, применение которого в правоохранительной деятельности по причинам его бессистемности и отсутствия единообразия долгое время являлось малоэффективным. Преимуществами описания по методу словесного портрета стали его упорядоченность и использование в нем единой научной терминологии;

- первоначально словесный портрет трактовался в более узком смысле – как описание наиболее характерных признаков внешности в целях розыска и установления человека в общественных местах. В современном значении – как система описания внешнего облика человека, он впервые стал рассматриваться в исследованиях швейцарского криминалиста Р.А. Рейсса;

- на этапе своего становления словесный портрет являлся дополнением к комплексной системе регистрации преступников, главным элементом которой являлась антропометрия. Выделение словесного портрета в самостоятельный метод было во многом обусловлено его способностью помогать не только в регистрации, но и розыске преступников;

- развитию словесного портрета в значительной мере поспособствовали исследования советских криминалистов. Учеными были определены место и роль словесного портрета в системе криминалистики, сформулированы

его принципы, усовершенствованы понятийный аппарат и система подлежащих описанию признаков;

– с момента создания и до настоящего времени словесный портрет сущностно изменен не был. Вместе с тем, специфика развития криминалистической науки, связанная с посто-

янно меняющимися реалиями общественно-правовой жизни, интеграцией знаний и технизацией, обусловила проблему перманентного изменения терминологии словесного портрета, что в свою очередь порождает отсутствие в ней единообразия и сказывается на снижении эффективности метода.

Список использованных источников

1. Криминалистика: учебник для вузов / А.В. Аверьянова [и др.]; под общ. ред. Р.С. Белкина. – М.: Норма, 2001. – 990 с.
2. Зинин, А.М. Габитоскопия и портретная экспертиза: Курс лекций / А.М. Зинин. – М.: Моск. акад. МВД России, 2002. – 157 с.
3. Гейндель, Р. Дактилоскопия и другие методы уголовной техники в деле расследования преступлений / Р. Гейндель; Пер. 2-го нем. изд. В.В. Шлееера под ред. А.И. Крюкова. – М.: Красный печатник, 1927. – 332 с.
4. Топорков, А.А. Словесный портрет / А.А. Топорков. – М.: Юристъ, 1999. – 112 с.
5. Дубягин, Ю.П. Проблемы розыска, опознания и экспертного отождествления личности / Ю.П. Дубягин, О.П. Дубягина, Э.О. Цатурян. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 195 с.
6. Дела тайного приказа. Книга четвертая. Русская историческая библиотека. Том 38. – Л.: Академия наук СССР, 1926. – 554 с.
7. Потапов, М.Г. Теория государства и права: учеб. пособие: в 2 ч. / М.Г. Потапов. – Новосибирск: НГТУ, 2006. – Ч. 1. – 440 с.
8. Якимов, И.Н. Криминалистика / И.Н. Якимов. – М.: НКВД РСФСР, тип. «Гудок», 1925. – 431 с.
9. Трегубов, С.Н. Основы уголовной техники / С.Н. Трегубов. – М.: ЛексЭст, 2002. – 297 с.
10. Терзиев, Н.В. Обзорные лекции по криминалистике / Н.В. Терзиев. – М.: Юрид. изд-во, тип. изд-ва «Московский Большой шевик», 1946. – 64 с.
11. Криминалистика: учеб. пособие / А.В. Дулов [и др.]; под ред. А.В. Дулова. – Минск: ИП «Экоперспектива», 1998. – 415 с.
12. Криминалистика: учебник / Н.И. Порубов [и др.]; под общ. ред. Н.И. Порубова, Г. В. Федорова. – Минск: Вышэйш. шк., 2011. – 639 с.
13. Bertillon, A. Instructions signaletiques / A. Bertillon. – Melun, 1893. – 148 p.
14. Торвальд, Ю. Век криминалистики / Ю. Торвальд; пер. с нем. И.С. Власова, Л.А. Пэк / под ред. Ф.М. Решетникова. – М.: Прогресс, 1991. – 334 с.
15. Рейсс, Р.А. Словесный портрет. Описание и отождествление личности по методу Альфонса Бертильона / Р.А. Рейсс; пер. с итал. под ред. К.Г. Прохорова. – М.: Знание, 1911. – 154 с.
16. Османов, Т.Ю. Применение метода словесного портрета в следственной и оперативной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.09 / Т.Ю. Османов. – М., 2000. – 226 л.
17. Daae, A. Portrait parle, efter M. Alphonse Bertillon / A. Daae, H. Madsen. Kjobenhavn, Nielsen & Lydiche, 1899. – 78 p.
18. Cavaliere, D.P. Manuale del ritratto parlato – identificazione fotografica e indagine giudiziaria / D.P. Cavaliere. Libreria internazionale, 1907. – 138 p.
19. Marchesseua, L. Le Portrait parle et les recherches judiciaires / L. Marchesseua. – Paris, 1911. – 410 p.
20. Лебедев, В.И. Искусство раскрытия преступлений / В.И. Лебедев. – СПб., 1909. – Т. 1.
21. Жолнович, І.В. Теоретичні проблеми та питання практики криміналістичного опису особи за зовнішністю: дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.09 / І.В. Жолнович. – Львів, 2006. – 198 л.
22. Пичугин, С.А. Исторический обзор способов фиксации признаков внешности человека, используемых при осуществлении розыска и установления личности / С. А. Пичугин // Вестник Московского государственного областного университета. – 2009. – № 1. – С. 39 – 45.
23. Шнейкерт, Г. Учение о приметах для опознавания / Г. Шнейкерт. – М.: Гос. Техн. Изд-во, типо-лит. «Красный Печатник» в Лгр., 1925. – 148 с.
24. Криминалистика: учебник. Кн. 1. Техника и тактика раскрытия преступлений / Под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Сов. законодательство, 1935. – 251 с.
25. Вороновский, Н.Д. Уголовная техника / Н.Д. Вороновский. – М.: Изд-во Нар. Ком. Внутр. Дел РСФСР, тип. «Советское законодательство», 1931. – 168 с.
26. Терзиев, Н.В. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности / Н.В. Терзиев. – М.: Всесоюз. юрид. заоч. ин-т, 1956. – 131 с.
27. Гусев, А.А. Установление личности по признакам внешности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Гусев. – М., 1955. – 16 с.
28. Пересункин, А.Ю. Установление личности по признакам внешности. Словесный портрет: Лекция / А.Ю. Пересункин. – М.: Изд-во МВШ МВД РСФСР, 1960. – 50 с.

29. Самошина, З.Г. Криминалистическое отождествление человека по признакам внешности. Лекция / З.Г. Самошина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 39 с.
30. Криминалистика: учебник / С.П. Митричев [и др.]; отв. ред. С.П. Митричев, М.П. Шаламов. – М.: Всесоюз. юрид. заоч. ин-т, 1963. – 514 с.
31. Криминалистика: учебник для вузов / А.Н. Васильев [и др.]; отв. ред. А.Н. Васильев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 564 с.
32. Габитоскопия: учебник / В.А. Снетков. – Волгоград: НИИРИО ВСШ МВД СССР, 1979. – 183 с.
33. Криминалистическое описание внешности человека: учеб. пособие / В.А. Снетков [и др.]; под общ. ред. В.А. Снеткова. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1984. – 128 с.
34. Дубягин, Ю.П. Криминалистическое отождествление человека в обычных условиях расследования и чрезвычайных ситуаций: дис. ... д-ра юрид. наук.: 12.00.09 / Ю.П. Дубягин. – М., 2002. – 554 л.
35. Пичугин, С.А. Криминалистическое установление личности с использованием субъективных отображений признаков внешности человека: дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.09 / С.А. Пичугин. – М., 2010. – 221 л.

Дата поступления: 08.07.2014

Annotation

The article analyzes the formation and development of the method of verbal portrait in criminalistics, describes the scientific works of the founders of the method, as well as scientists, who made the greatest contribution to its development.

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ПОРАЖАЮЩЕЙ СПОСОБНОСТИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И ПАТРОНОВ (БОЕПРИПАСОВ) К НЕМУ

Лаппо Е.А.

адъюнкт
научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

Аннотация

На основе анализа ряда опубликованных работ и нормативных правовых актов в статье рассматриваются вопросы, связанные с научным определением критериев поражающей способности огнестрельного оружия и патронов (боеприпасов) к нему, их применение в методиках экспертного исследования данных объектов. Автором формулируются выводы о необходимости пересмотра действующих методик исследования огнестрельного оружия и патронов (боеприпасов) к нему, в части теоретического обоснования и практического определения минимального уровня поражающей способности ранищих снарядов.

Неотъемлемой характеристикой оружия вообще и огнестрельного в частности является его эффективность – характеристика уровня выполняемых им функций. Воздействие огнестрельного оружия на цель в идеальных условиях, когда оно действует безотказно, а поражаемая им цель не оказывает какого-либо сопротивления, выражается в максимальных показателях эффективности воздействия на цель, которую теоретически может обеспечить тот или иной образец такого оружия. Однако на практике при применении в каждом конкретном случае оружие может (или будет) обладать показателями действия по цели ниже их максимальных теоретических значений.

Преступление, совершаемое с применением оружия, представляет собой систему действий, объединенных единым умыслом и направленных на достижение преступной цели. Такие преступления, как правило, продумываются и планируются заранее, с учетом внешних условий и факторов. При этом оружие, используемое при их совершении, является неотъемлемым детерминирующим элементом системы, поскольку его технические и конструктивные параметры оказывают на данное событие существенное влияние.

Не вызывает сомнения тот факт, что при совершении преступлений с применением оружия достоверным показателем его эффективности будет *минимально возможный уровень поражающей способности ранищего снаряда (пули)*. С целью подтверждения данного суждения необходимо комплексно рассмотреть систему «боеприпас – оружие – цель». Детерминирующими условиями данной системы применительно к рассматриваемому вопросу, на наш взгляд, будут являться следующие:

- 1) вид огнестрельного оружия в зависимости от действия механизма заряжания и количество зарядов – однозарядное (многозарядное), автоматическое (неавтоматическое);
- 2) поражающая способность ранищего снаряда патрона (боеприпаса), применяемого для стрельбы из него;
- 3) восприимчивость и уязвимость биологической цели к поражающим факторам ранищего снаряда.

Основным критерием оценки применения огнестрельного оружия в криминалистике и судебной медицине является передача метаемым снарядом (пулей)

кинетической энергии цели в момент попадания. Данный подход заимствован из военной науки, где принято считать, что для поражения человека ранящий снаряд должен обладать кинетической энергией 80–100 Дж [1, с. 78].

Что касается криминалистики, то одна из первых попыток решить проблему определения минимальной поражающей способности ранящих снарядов была предпринята в 1968 г. А.И. Устиновым. Она заключалась в исследовании поражающей способности pistolетных пуль цилиндросферической формы калибра 5,6 мм, 6,35 мм, 7,62 мм, 9,0 мм при стрельбе по трупному материалу из короткоствольного нарезного оружия (пistolетов). Воздействие пули на цель изучалось с точки зрения возможности поражения *наиболее уязвимых органов человеческого организма*, расположенных в брюшной полости [2, с. 16 – 17].

В результате проведения исследования было установлено, что минимальная скорость, при которой сохраняется возможность причинения повреждений пулями такой формы, составляет 100 м/с; для пули калибра 5,6 мм массой 2,2 г минимальная величина кинетической энергии, достаточной для поражения, равна 1,1 кгм (10,787 Дж).

Несмотря на очевидную важность проведенного эксперимента, он имеет определенные недостатки:

- во-первых, основным критерием поражающей способности пуль была выбрана возможность поражения определенных органов, расположенных в брюшной полости, т.е. исследовалась пробивная способность пуль;
- во-вторых, движение ранящих снарядов происходило на нижней границе их устойчивой стабилизации в полете. При скорости менее 100 м/с наблюдались рикошеты пуль от кожного покрова биологического материала;
- в-третьих, не исследована проникающая способность пуль с иной (не цилиндросферической) формой головной части – оживальной и остроконечной.

В технической литературе по проектированию патронов к стрелковому огнестрельному оружию [3, с. 113–114] выделяют следующие виды поражающего воздействия пули на цель:

- 1) убойное действие – действие пули, обеспечивающее поражение живой цели вследствие нарушения жизненных функций организма;
- 2) проникающее действие – способность пули пробивать (проникать) вязко-сыпучие преграды при стрельбе на различных расстояниях;
- 3) останавливающее действие – способность пули при попадании в живую цель мгновенно

расстраивать функции организма, лишая противника способности к дальнейшему сопротивлению;

- 4) бронепробивное действие.

Отметим, что первые три из перечисленных видов поражающего воздействия на цель представляют интерес для дальнейшего исследования вопроса, связанного с критериями оценки данного воздействия.

Несомненно, что первоначально воздействие пули на цель определяется совокупностью взаимообуславливающих видов воздействия, рассмотрение которых изолированно друг от друга при решении вопроса о минимальной поражающей способности носит дискуссионный характер.

С.Н. Трегубов еще в 1912 г. отмечал, что «колоссальные успехи техники... обогащая современное человечество различными изобретениями, открытиями и усовершенствованиями..., произвели вместе с тем заметное, но, к сожалению, вредное воздействие на внешние формы проявления преступности...» и далее: «скорострельное оружие и бездымный порох..., успехи химии, бактериологии и т.п. – все это, наряду с приносимой человечеству пользой, способствует утонченности выполнения преступных замыслов и неуловимости виновных» [4, с. 7].

Изложенное подтверждает тезис о том, что появление объектов с новыми (ранее не исследованными или недостаточно изученными) свойствами влечет возможность использования их в том числе для достижения преступной цели. Предметы, конструктивно сходные с огнестрельным оружием, использующие тот же принцип метания снаряда, поражающая способность которого находится на грани минимального уровня поражающей способности, установленной в криминалистике для огнестрельного оружия, позволяет виновному лицу хранить, перевозить такое устройство, не опасаясь привлечения к юридической ответственности, чем существенно облегчает ему подготовку и совершение преступления.

Проблема определения минимального уровня поражающей способности огнестрельного оружия и патронов (боеприпасов) к нему начала исследоваться советскими учеными-криминалистами в 1970-х гг. Принимая во внимание значительные изменения в тенденциях развития науки и техники за прошедший период, возникшие в связи с этим вопросы нуждаются в научном разрешении.

Убойное действие огнестрельного оружия в судебной баллистике и судебной медицине характеризуется определенной величиной удельной кинетической энергии метаемого снаряда

($E_{уд}$). Для твердых ранищих снарядов эта величина составляет $E_{уд} \geq 0,5$ Дж/мм² [5, с. 6]. Однако для пуль остроконечной и оживальной формы данный показатель может иметь и меньшее значение [6, с. 20].

Так, А.Г. Андреевым путем экспериментального исследования было установлено, что глубина проникновения пуль с различной формой головной части, достаточная для поражения жизненно важных органов человека, достигается при скорости: а) пуля оживальной формы патронов 5,45x39 – менее 60 м/с; пуля цилиндросферической формы патронов 9x18 ПМ – более 65 м/с; пуля цилиндросферической формы патронов 5,6x10R – более 110 м/с. При этом стало возможным определить минимальную величину удельной кинетической энергии, достаточную для поражения жизненно важных органов человека, при различной форме головной части пуль следующих патронов (боеприпасов): а) 5,45x39 – не более 0,25 Дж/мм²; б) 9x18 ПМ – 0,3 Дж/мм²; в) 5,6x10R – 0,7 Дж/мм².

Результаты исследования позволили указанному автору сделать вывод о том, что используемая в настоящее время величина минимальной удельной кинетической энергии, принятая за 0,5 Дж/мм², завышена – данную величину можно принять равной 0,25 Дж/мм², а также, что различие в форме головной части пуль (при равных скоростях) влияет на глубину их проникновения в преграду (биологическую мишень) [7].

Таким образом, практическим путем подтверждено теоретическое положение о том, что пробивная способность пуль в определенной степени зависит от такого параметра, как коэффициент формы головной части пули, влияющий на сопротивление проникновению в преграду.

В основе методик исследования принадлежности объектов к ручному стрелковому огнестрельному оружию, патронов (боеприпасов) к нему и их поражающей способности [5; 8] лежит так называемая *нижняя граница поражаемости* [6, с. 20]. На основании вывода А.И. Устинова о том, что скорость ранищего снаряда у биологической цели должна быть $V_{эф} \geq 100$ м/с [2, с. 16 – 17], Л.Ф. Саврань *опосредованно* на основании конструктивных и технических параметров патронов (боеприпасов), применяемых в современных образцах огнестрельного оружия, выводит для этой скорости величину удельной кинетической энергии, достаточную для поражения человека [6, с. 17].

Мнение Л.Ф. Савраня о том, что с криминалистической точки зрения удельная кинетическая энергия ($E_{уд}$) наиболее полно и точно ха-

рактеризует энергетические нагрузки пули на 1 мм² площади ее поперечного сечения, имеет обоснованный характер. Однако для полного понимания данного явления необходимо еще раз обратиться к эксперименту, проведенному А.И. Устиновым, который использовал для данного эксперимента *нарезное* огнестрельное оружие различных калибров.

Как известно, для обеспечения устойчивого полета пуль в основном используются два типа стабилизации:

- смещение центра сопротивления пули за центр тяжести путем утяжеления головной части (характерно для стреловидных пуль);
- придание движущейся пуле вращательного движения вокруг продольной оси, в результате чего она приобретает гироскопическую устойчивость. Чем выше скорость вращения, тем выше стабильность на траектории полета, соответственно при снижении скорости вращения ниже определенного предела стабилизирующий момент становится опрокидывающим, в связи с чем пуля резко теряет устойчивость [9, с. 129].

Расчет угла наклона нарезов в канале ствола огнестрельного оружия производится на промышленных предприятиях исходя из определенных параметров применяемого патрона (боеприпаса): формы пули, ее массы и размерных характеристик, материала оболочки, скорости движения и др. [3, с. 91].

Рассмотрим вышеизложенное на конкретном примере. Определим угловую скорость вращения пули калибра $d=5,6$ мм при дульной скорости ($V_{1д}$)=280 м/с и ($V_{2д}$)=100 м/с и заданном угле нарезов $\alpha=3^\circ$ (угол нарезов в соответствующих образцах оружия для данного калибра).

Решение: углу наклона нарезов (α) соответствует определенная длина хода нарезов (η), на котором пуля делает один полный оборот вокруг своей оси, выраженная в количестве калибров (клб). Величину угла наклона нарезов (α) для каждой модели оружия получают расчетным путем исходя из устойчивого полета пули [9, с. 130, 133]:

$$1. \eta = \frac{\pi}{\operatorname{tg} \alpha (3^\circ)} = \frac{3,14}{0,0524} \approx 60 \text{ (клб)}; \quad (1)$$

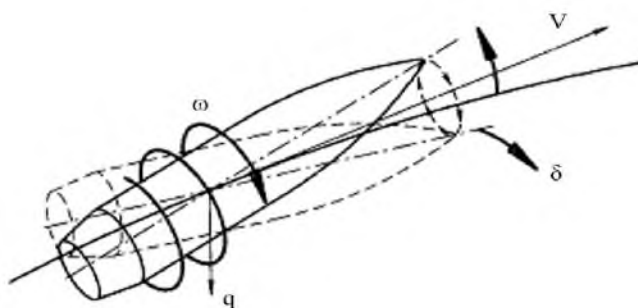
2. Найдем угловую скорость вращения пули (ω_1) при дульной скорости $V_{1д}=280$ м/с и угловую скорость вращения пули (ω_2) при дульной скорости $V_{2д}=100$ м/с [9, с. 156]:

$$2.1. \omega_1 = \frac{V_{1д}}{\eta d} = \frac{280}{60 \times 5,6 \times 10^{-3}} \approx 833,33 \text{ (об/с)}; \quad (2)$$

$$2.2. \omega_2 = \frac{V_{2H}}{\eta d} = \frac{100}{60 \times 5,6 \times 10^{-3}} \approx 297,62 \text{ (об/с);} \quad (3)$$

Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что при изменении дульной скорости в три раза во столько же раз уменьшается и угловая скорость вращения пули, а данный фактор оказывает существенное влияние на ее баллистическую устойчивость.

Вторым значимым фактором, влияющим на устойчивость движения пули, являются процессы, происходящие на начальном участке траектории. Теоретически пуля в момент вылета получает прямолинейное движение, однако в момент вылета, встречая сопротивление воздуха, из-за разнесения центра тяжести и центра давления пули ее тело совершает при этом вынужденные прецессионные и нутационные колебания относительно траектории полета и продольной оси пули соответственно (рисунок 1).

ω – угловая скорость (частота вращения),
 V – линейная скорость движения, δ – угол прецессии,
 q – ускорение свободного падения

Рисунок 1 – Характер движения вращающейся пули (приводится по [3, с. 91])

Угол этих колебаний на начальном участке траектории достигает 10^0 – 15^0 и завершается (полет стабилизируется) на расстоянии около 5 м от дульного среза [10, с. 99], а следовательно, угол ее встречи с преградой на этой дистанции отличен от нормали. Именно этими причинами и объясняются рикошеты пуль при скорости у цели от 90 м/с до 115 м/с в эксперименте А.И. Устинова [2, с. 14].

Таким образом, вывод А.И. Устинова о том, что нижняя граница поражаемости человека обусловлена минимальной скоростью ранящего снаряда $V_{сн} \geq 100$ м/с, не в полной мере корректен, поскольку в ходе проведения эксперимента не учитывались вышеперечисленные факторы, а именно коэффициент формы головной части и процессы, происходящие на начальном участке траектории, от которых зависит достоверность полученных результатов.

На наш взгляд, минимальная граница поражаемости человека, положенная в определение уровня минимальной удельной кинетической энергии $0,5$ Дж/мм², предложенного Л.Ф. Савранем, нуждается в пересмотре путем практической проверки.

С точки зрения криминалистической науки и судебной медицины важно определить, какую *степень* тяжести телесных повреждений, нанесенных биологической цели, следует считать достаточной для признания цели пораженной. На наш взгляд, в данном случае необходимо опираться на постулат военной науки о том, что поражение цели связано с временем, на которое цель прекращает функционирование [11, с. 11].

Для оценки тяжести поражения цели существует следующая классификация (таблица 1):

Таблица 1 – Классификация оценки тяжести поражения цели (приводится по [12, с. 34])

Степень тяжести травмы	Характеристика потери боеспособности	Вероятность возвращения в строй (%)
I легкая	утрата боеспособности до 1–3 мин; ограниченная боеспособность до 15 мин; полное восстановление до 1 сут.;	99
II средней тяжести	утрата боеспособности до 3–5 мин; ограниченная боеспособность до 10 сут; полное восстановление до 15–25 сут.;	85
III тяжелая	полная утрата боеспособности; ограниченная боеспособность до 15–20 сут; полное восстановление до 30–60 сут.;	25
IV крайне тяжелая (смертельная)	смерть на месте; смерть вследствие осложнений; инвалидность и полная утрата боеспособности у выживших.	0

В опытах А.И. Устинова для определения нижней границы поражаемости жизненно важных органов, расположенных в проекции туловища человека (печень, почки, кишечник, позвоночный столб, аорта), вероятность повреждения головного мозга им не рассматривалась [2, с. 14 – 15].

Однако практике известны случаи, когда тяжкие телесные повреждения или смертельное ранение были причинены ранившими снарядами, имеющими меньшую скорость полета, например при попадании в височную кость или глазное яблоко. Немецким криминалистом Ф. Хаустейном приведен случай ранения женщины, находившейся на расстоянии 60 м от проходившего мимо речного судна. При попадании пули были пробиты линза очков и глазное яблоко, из которого была извлечена пуля «Диаболо» калибра 4,5 мм. В одной из кают членов экипажа судна была обнаружена пневматическая винтовка, владелец которой показал, что он стрелял из нее в чашек, сидевших на воде. На разрешение экспертизы был поставлен вопрос: «достаточна ли энергия пули, чтобы после рикошета от воды она пробила стекло очков и глаз». В ходе проведенного исследования было установлено, что стекло очков такой толщины разрушалось при скоро-

сти не ниже 60 м/с, и пуля «Диаболо» имела такую скорость после рикошета [13]. Другими немецкими авторами – Ф. Вольфом и М. Лауфером описан случай смертельного ранения из пневматического оружия. Удельная кинетическая энергия пули составляла 0,6 Дж/мм² (в пересчете). Пробив глазное яблоко, пуля повредила головной мозг жертвы, что и явилось причиной смерти [14, с. 82].

В последнее время получили распространение образцы оружия с ограниченной поражающей способностью, целью применения которого является временное поражение, не связанное с причинением смерти, а также устройства, конструктивно сходные с огнестрельным оружием, энергия метаемого снаряда в которых при выстреле составляет менее 0,5 Дж/мм².

Так, на исследование в экспертные учреждения Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины поступают новые образцы устройств, конструктивно сходных с огнестрельным оружием, для стрельбы из которых применяется патрон Флобера. Удельная кинетическая энергия метаемого снаряда при выстреле из таких устройств ниже общепринятой минимальной удельной кинетической энергии и находится в пределах 0,34–0,47 Дж/мм². В частности, эксперименталь-

ный отстрел указанных устройств был произведен в Государственном научно-исследовательском экспертно-криминалистическом центре Министерства внутренних дел Украины. Стрельба производилась по трупному материалу (в проекцию туловища) на базе Киевского бюро судебно-медицинской экспертизы из револьверов «ME-38 Magnum-4R» и «ALFA mod.461» патронами производства Dynamit Nobel (Германия) и Selier&Belloc (Чешская Республика) с расстояния 3–5 м. Согласно результатам медико-биологического исследования, на трупах образовались повреждения средней и легкой степени тяжести, по-

влекшие кратковременное расстройство здоровья [15].

Однако имеются данные о том, что указанные устройства, не отвечающие криминалистическим критериям отнесения их к огнестрельному оружию, способны причинить смертельные ранения при попадании пули в голову жертвы [16].

Следует отметить, что при анализе локализации телесных повреждений из травматического оружия обращает на себя внимание преимущественное поражение головы и шеи не только убитых, но и раненых (таблица 2) (приводится по [17]).

Таблица 2 – Распределение ранений по локализации

Локализация	Частота повреждений, %		Характер повреждений среди раненых, %	
	убитые	раненые	проникающие	непроникающие
Голова, шея	100	52,1	18	52
Грудь	–	15,1	21	79
Живот, таз	–	9,9	16	84
Конечности	–	22,9	43	57

Высокая частота проникающих ранений при выстрелах в голову и шею, а также конечности объясняется тем, что в эти области выстрелы производятся чаще всего с дальности 1–2 м с целью гарантированного поражения, исходя из характеристик поражающего действия ранищих снарядов применяемого оружия и незащищенности их элементами одежды. В тех случаях, когда представилось возможным установить дистанцию выстрела, выстрелы производились с расстояния 1–2 м в 73 % случаев, с расстояния 2–3 м – в 7 % и с расстояния более 3 м – в 20 % случаев [17].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что поскольку возможно причинение тяжких телесных повреждений либо смерти из устройств, предназначенных для стрельбы патронами Флобера, то при выстрелах в голову с учетом причиненных телесных повреждений в рамках комплексного судебно-медицинского и баллистического исследования такие устройства необходимо относить к огнестрельному оружию. Следовательно, к минимальной степени поражаемости человека (с учетом положений норм административного

и уголовного законодательства), а также принимая во внимание предложенную в специализированной литературе [12, с. 34] классификацию травм, на наш взгляд, представляется обоснованным отнести легкие телесные повреждения, повлекшие кратковременное расстройство здоровья.

Таким образом, для того чтобы оценить эффективность поражающей способности того или иного вида огнестрельного оружия и применяемых в нем патронов (боеприпасов), необходимо знать характеристики уязвимости цели по отношению к ранищим снарядам.

Для пуль патронов (боеприпасов) огнестрельного оружия характеристикой, определяющей их действие по одиночной цели, является так называемый условный закон поражения $G(m)$, под которым понимается вероятность поражения цели при условии, что в нее попало m снарядов. Характеристикой условного закона поражения является среднее необходимое число попаданий – ω , представляющее собой математическое ожидание числа попаданий, при котором цель считается пораженной [11, с. 13].

$$\omega = \sum_{m=0}^{\infty} [1 - G(m)]. \quad (4)$$

Смысл данного закона можно выразить следующими свойствами:

- 1) $G(m)=0$ – при отсутствии попаданий цель не будет поражена;
- 2) $G(x)=1$ – при неограниченном увели-

чении количества попаданий поражение цели становится достоверным);

3) $G(m)$ – неубывающая функция m (при увеличении числа попаданий вероятность поражения цели не может стать меньше) [18, с. 59 – 60].

Пример: цель, которую требуется поразить, состоит из трех по уязвимости зон (деление условное): зоны А, зоны В и зоны С (рисунок 2).

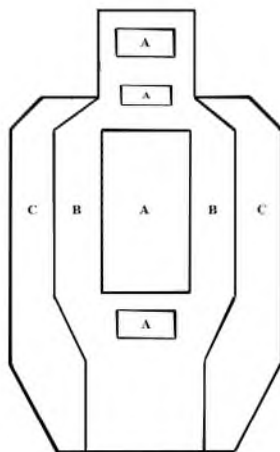

Рисунок 2

При попадании пули в зону А цель считается пораженной. Попадание в зону В вызывает ущерб, недостаточный для поражения цели, а второе попадание в данную зону влечет за собой поражение цели. Зона С наименее уязвима, и для поражения цели необходимо попадание в нее не менее трех ранищих снарядов.

Поскольку человек представляет собой биологический организм, он обладает «свойством накопления ущерба» [11, с. 13]. Данное свойство состоит в том, что цель может быть поражена совокупным поражающим действием двух или более снарядов, ни один из которых в отдельности цели не поразил. При отсутствии «накопления ущерба» снаряды поражают цель независимо друг от друга, и в зависимости от конкретного расположения уязвимых зон и точек попадания в них ранищих снарядов может потребоваться различное количество попаданий. Цель может быть поражена одним попаданием в зону А, одним попаданием в зону В и вторым в зону С и т.д. Таким образом, среднее необходимое число попаданий равно сумме всех дополнений до единицы закона поражения $G(m)$.

С учетом изложенного применительно к поражению биологической цели (обладающей свойством накопления ущерба) ранищи-

ми снарядами с уровнем удельной кинетической энергии ниже установленной границы, но близким к нему, из многозарядных устройств, позволяющих в краткий временной отрезок (до нескольких секунд) произвести серию выстрелов по единичной цели (револьвер, автоматический пистолет и т.п.), такие предметы на основании комплексного судебно-баллистического и судебно-медицинского исследования целесообразно относить к огнестрельному оружию по причине «накопления ущерба».

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. С целью установления объективной величины минимальной поражающей способности патронов (боеприпасов) огнестрельного оружия требуется всестороннее изучение системы «боеприпас – оружие – цель».

Детерминирующими условиями в аспекте рассматриваемого вопроса, на наш взгляд, для данной системы будут являться: вид огнестрельного оружия в зависимости от действия механизма заряжания и количество зарядов – однозарядное (многозарядное), автоматическое (неавтоматическое); поражающая способность ранищего снаряда патрона (боеприпаса), применяемого для стрельбы; восприимчивость

и уязвимость биологической цели к поражающим факторам ранящего снаряда.

2. Обоснованность установленного в настоящее время уровня минимальной удельной кинетической энергии $0,5 \text{ Дж/мм}^2$ вызывает сомнения, поскольку при этом не учитываются некоторые существенные условия, в связи с чем данный уровень нуждается в пересмотре путем практической проверки.

3. Устройства, конструктивно сходные с огнестрельным оружием, в которых удель-

ная кинетическая энергия метаемого снаряда ниже общепринятой минимальной удельной кинетической энергии и находится в пределах $0,25\text{--}0,49 \text{ Дж/мм}^2$, и позволяющие в краткий промежуток времени произвести серию выстрелов, в случае использования их в качестве орудия совершения преступления на основании выводов комплексного судебно-баллистического и судебно-медицинского исследования представляется обоснованным относить к огнестрельному оружию.

Список использованных источников

1. Федоров, В. Оружейное дело на грани двух эпох: в 3 ч. / В. Федоров. – М.: Воениздат, 1938. – Ч. 2 – 314 с.
2. Устинов, А.И. Самодельное огнестрельное оружие и методика его экспертного определения: пособие для экспертов-криминалистов / А.И. Устинов. – М.: ВНИИОП МООП СССР, 1968. – 28 с.
3. Данилин, Г.А. Основы проектирования патронов к стрелковому оружию: учебник / Г.А. Данилин, В.П. Огородников, А.Б. Заволокин. – СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2005. – 274 с.
4. Трегубов, С. Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений / С.Н. Трегубов. – Петроград: Изд. юрид. книж. склада «Право», 1915. – XI, 334, [2] с., с ил.; 14 л. таблиц. 20,9 x 14,3 см.
5. Методика решения вопросов о принадлежности объектов к ручному стрелковому огнестрельному оружию, их исправности и пригодности к стрельбе / М-во внутр. дел Респ. Беларусь; Гос. эксп.-криминалист. центр. – Минск, 2008. – 16 с.
6. Саврань, Л.Ф. Методика определения минимальной убойной силы стандартного и атипичного огнестрельного оружия и боеприпасов (пособие для экспертов) / Л.Ф. Саврань. – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1979. – 57 с.
7. Андреев, А.Г. Современное состояние и проблемы криминалистического исследования самодельного огнестрельного оружия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Г. Андреев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissertat.com/content/sovremennoe-sostoyanie-i-problemy-kriminalisticheskogo-issledovaniya-samodelnogo-ognestrelno>. – Дата доступа: 27.07.2014.
8. Методика криминалистического исследования патронов ручного стрелкового огнестрельного оружия, их исправности и пригодности к использованию по целевому назначению к огнестрельному оружию / М-во внутр. дел Респ. Беларусь; Гос. эксп.-криминалист. центр. – Минск, 2008. – 16 с.
9. Кириллов, В.М. Патроны стрелкового оружия / В.М. Кириллов, В.М. Сабельников. – М.: ЦНИИ Информации, 1980. – 372 с.
10. Озерецковский, Л.Б. Раневая баллистика: история и современное состояние огнестрельного оружия и средств индивидуальной бронезащиты / Л.Б. Озерецковский, Е.К. Гуманенко, В.В. Бояринцев. – СПб., 2006. – 374 с.
11. Балаганский, И.А. Действие средств поражения и боеприпасов: учебник / И.А. Балаганский, Л.А. Мержиевский. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. – 408 с. (Сер. «Учебники НГТУ»).
12. Пистолетные и снайперские патроны. Гранатометные выстрелы: учеб. пособие / В.К. Зеленко [и др.]. – Тула: Инфра, 2008. – 120 с.
13. Hausteин, F. Über die Kriminal technische Untersuchung von Luftdruckwaffen / F. Hausteин // Forum der Kriminalistik. – 1966. – № 4. – S. 38–42.
14. Wolff, F. Tödliche Kopfscußverletzung durch luftgewehr / F. Wolff, M. Laufer // Archiv für kriminologie. B. 137. – 1966. – № 3, 4.
15. Револьверы калибра 4 мм (Флобер): довідн. для суд. експертів / ДНДЕКЦ МВС України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.police-russia.ru/showthread.php?t=7845&highlight=%F4%EB%EE%E1%E5%F0%E0&page=28>. – Дата доступа: 27.07.2014.
16. Смертельні поранення пневматичною зброєю під патрони типу Флобера, калібру 4 мм / В.Т. Бачинський [та ін.] // Буковин. медич. вісн. – Т. 17, ч. 1. – 2013. – № 3(67). – С. 10 – 12.
17. Травматический диагноз / Л. Озерецковский [и др.] // Калашников. – 2009. – № 8. – С. 66 – 68.
18. Вентцель, Е.С. Введение в теорию операций / Е.С. Вентцель. – М.: Сов. радио, 1964. – 390 с.

Дата поступления: 12.09.2014

Annotation

Based on the analysis of a number of publications and regulations the article deals with issues related to the scientific definition of the criterion of killing power of firearms and ammo (ammunition) to it, their use in the methods of an expert study of these objects.

The author formulates conclusions on the need to review existing methods of study of firearms and ammo (ammunition) to it, in terms of theoretical background and practical definition of the minimum level affects the killability of offensive missiles.

ОРУДИЯ И СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ПОДГОТОВКЕ И СОВЕРШЕНИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

Петрусевич М.Г.

адъюнкт

научно-педагогического факультета

Академии МВД Республики Беларусь

Аннотация

В статье на основе анализа научной литературы, следственной и судебной практики определяются критерии, необходимые для разграничения орудий и средств преступления. Автором приводится классификация орудий и средств, используемых при массовых беспорядках. Указывается на важность использования в процессе расследования сведений об орудиях и средствах для установления способа совершения преступлений и причастных к ним лиц.

Анализ научных источников показал, что длительное время к вопросу орудий и средств совершения преступления практически не обращались. Сознательный уход от рассмотрения данных правовых категорий породил немало спорных вопросов, дискуссии по которым ведутся уже длительный период. В настоящее время дальнейшего уточнения требует определение орудий и средств совершения преступлений, их соотношение, критерий их разграничений и т.д.

В имеющихся научных работах по данной проблематике можно встретить мнение, что под орудиями преступления следует понимать те предметы, посредством или при помощи которых было совершено преступление, или которые были необходимы для его совершения [1, с. 54]. Иные авторы утверждали, что орудия совершения преступления – это разновидность средств совершения преступления [2, с. 24]. В свою очередь средства совершения преступления определяли как предметы внешнего мира либо физические процессы, которые используются преступником для воздействия на потерпевшего, предмет и объект преступления [3, с. 24]. Высказывалось предложение, что одни и те же предметы материального мира могут быть как орудиями, так и средствами совершения преступления. Различия проводились в зависимости от умысла преступника и специфики их применения [4, с. 32 – 33].

Спорным в настоящее время остается вопрос о том, какие предметы внешнего мира могут использоваться в качестве орудий, а какие предметы и явления – в качестве средств. Предлагалось относить к орудиям преступления человеческое тело, его отдельные части и органы [5, с. 98; 6, с. 497; 7, с. 49], слова, жесты, телодвижения [8, с. 93], юридические лица и коммерческие организации [9; 10], животных [11].

Очевидно, что представленные взгляды не способствуют устранению имеющихся противоречий и требуют дальнейшей разработки.

В ходе проведенного нами анализа научных источников было установлено, что одним из первых определение орудия преступления в криминалистическом аспекте в своем диссертационном исследовании сформулировал С.М. Сырков. Он определил орудия преступления как предметы и вещества, используя свойства которых, преступник воздействует на различные материальные объекты с целью дости-

жения ожидаемого результата [12, с. 7]. По нашему мнению, недостатком данного определения является то, что оно относится только к умышленным преступлениям, что ограничивает возможность его использования для орудий, используемых в неосторожных преступлениях.

В дальнейшем Р.С. Белкин дал схожее определение, указав, что орудием преступления являются предметы и вещества, используемые преступником для достижения преступного результата [13, с. 149]. Заслугой указанных авторов является то, что они впервые включили в определение орудия преступления вещества (взрывчатые, наркотические, психотропные и т.д.), что положительно сказалось на дальнейшем развитии данной дефиниции. В то же время необходимо отметить, что приведенные определения не позволяют разграничить орудия совершения преступления и средства совершения преступления.

Анализ научных публикаций показал, что в большинстве из них орудия и средства преступления рассматривались параллельно без указания оснований разграничения данных понятий [14 – 16]. В этой связи заслуживает внимания работа А.С. Денисовой, в которой автор предлагает проводить разграничение орудий и средств совершения преступлений с использованием следующих критериев:

1. Свойства, которые используются при достижении преступного результата:

а) орудия преступления – предметы материального мира, которые применяются непосредственно для осуществления преступного действия, уменьшающие количество затрачиваемого физического усилия или помогающие концентрации силы;

б) средства совершения преступления – вещества, предметы, явления, различные природные (естественные) свойства которых (химические – яды, газ; физические – радиация, электрический ток; биологические – инфекционные болезни и иные) используются преступником для совершения преступления.

2. Характер использования:

а) орудия используются для разрушающего воздействия на предметы преступления или потерпевшего для причинения физического вреда и применяются для непосредственного осуществления преступного деяния;

б) средства используются для воздействия на объект преступления и его составные элементы, способствуют достижению преступного результата.

3. Волевой признак:

а) контроль орудий преступления осуществляется сознанием и волей субъекта в течение всего процесса совершения преступления;

б) средства совершения преступления преступником только «приводятся в действие», а в дальнейшем сам процесс воздействия на объекты материального мира происходит вне контроля субъекта [17, с. 43 – 44].

Нам представляется, что одновременное использование нескольких условий при разграничении орудий и средств совершения преступлений является перспективным и может применяться при разграничении указанных понятий, относящихся к массовым беспорядкам. Предложенный подход будет способствовать разработке их классификаций, тем самым повысит их практическую значимость при расследовании данных противоправных проявлений.

Знания об орудиях и средствах, используемых при совершении преступления, представляют не только научный интерес. Практическое значение указанных категорий проявляется в их взаимосвязи со способом совершения преступления и возможностью использования сведений о них при построении версий.

Применение конкретных орудий и средств совершения преступления оказывает непосредственное влияние на способ совершения преступления, а в некоторых прямо определяет его. При расследовании массовых беспорядков, когда лица, причастные к ним, неизвестны, одним из главных направлений в деятельности следователя является выдвижение версий о личности преступника. Применяемые данным лицом орудия и средства могут в таких случаях дать конкретную информацию о нем. Объективными предпосылками для этого выступают те связи, которые возникают в процессе деятельности между человеком и орудием. Они выражаются во взаимосвязи вещных и личных элементов, в соответствии используемого орудия уровню развития человека, его знаниям, способностям, квалификации и другим свойствам, необходимым для приведения в действие того или иного орудия [12, с. 10 – 11]. Установление орудий и средств совершения преступления позволяет получить данные о личности преступника или его свойствах. Орудие и средства совершения преступления могут содержать признаки, указывающие на возможного его владельца или лицо, в расположении которого оно находилось. Обнаружение источника происхождения орудий и средств совершения преступления позволяет ограничить круг лиц, среди которых необходимо вести поиск виновного.

Некоторыми авторами предпринимались попытки классифицировать орудия, используемые при совершении массовых беспорядков. А.Б. Абдульманов предлагал разделить их на две группы: 1) оружие; 2) предметы, используемые в качестве оружия [18, с. 72]. А.З. Ильясов

выделил четыре группы орудий: 1) огнестрельное оружие; 2) холодное оружие; 3) ножи (не признаваемые холодным оружием); 4) другие предметы, приспособленные для нанесения телесных повреждений [19, с. 71]. Позднее с учетом произошедших изменений в законодательстве А.В. Новиков усовершенствовал предложенную А.З. Ильясовым классификацию и выделил три группы орудий: 1) огнестрельное оружие; 2) холодное оружие; 3) предметы, используемые в качестве оружия (любые материальные объекты, способные причинить вред здоровью) [20, с. 126].

На наш взгляд, представленные классификации имеют недостаток, заключающийся в том, что они охватывают только орудия, используемые для насилия над личностью и вооруженного сопротивления представителям власти, при этом упускают орудия, используемые при совершении иных противоправных действий, которые могут совершаться при массовых беспорядках (погромах, поджогах, уничтожении имущества и т.д.).

Данный недостаток, как нам представляется, устранил В.Г. Енгибарян, который, указав на то, что орудие преступления при массовых беспорядках – довольно широкое понятие, включающее в себя почти все виды оружия, разделил их на две группы: 1) специально подготовленное орудие массовых беспорядков – это боевое и другие виды оружия (огнестрельное оружие, металлические конструкции, бейсбольные биты, боеприпасы др.); 2) случайно попавшее под руку участникам массовых беспорядков орудие – это любые бытовые приспособления, инструменты, части металлической ограды и окружающие приспособления и предметы [21, с. 83 – 84]. Положив в основу классификации элемент заблаговременности подготовки орудий, используемых при массовых беспорядках, данной классификации удалось охватить все многообразие орудий, используемых при совершении массовых беспорядков.

Результаты исследования архивных уголовных дел по фактам массовых беспорядков¹, показали, что в процессе бесчинств применялись разнообразные орудия, такие как: топоры, лопаты, ледорубы, металлические прутья, бутыл-

¹ В ходе исследования в судах Ленинского, Фрунзенского, Московского, Партизанского района г. Минска, Октябрьского района г. Витебска, суда Бобруйского района и г. Бобруйска, суда Стародорожского района Минской области, суда Щучинского района Гродненской области было изучено 19 архивных уголовных дел по фактам массовых беспорядков, имевшим место на территории Республики Беларусь за период времени с 2000 по 2013 годы.

ки с зажигательной смесью, удочки и т.д. Применение огнестрельного оружия в ходе массовых беспорядков для Республики Беларусь не характерно. Встречаются и экзотические примеры орудий. Так, во время протестных акций в г. Киеве в конце 2013 г. против сотрудников правоохранительных органов использовалась самодельная катапульта.

Средства, используемые при совершении массовых беспорядков, целесообразно разделить по формам противоправной деятельности: 1) средства, используемые при организации массовых беспорядков; 2) средства, используемые участниками массовых беспорядков; 3) средства, используемые при обучении и иной подготовке лиц для участия в массовых беспорядках; 4) средства, используемые при финансировании и ином материальном обеспечении массовых беспорядков.

Средства, используемые при массовых беспорядках, достаточно разнообразны. Они включают как вещества, предметы бытового назначения, так и специально подготовленные для применения в указанных условиях. Для организаторов бесчинств характерно применение средств усиления речи и специального программного обеспечения, с целью координации деятельности участников беспорядков и сбора толпы для дальнейшего ее участия в противоправной деятельности. Пиротехнические средства, дымовые гранаты, средства маскировки, форменное обмундирование сотрудников правоохранительных органов – это малая часть средств, используемых участниками беспорядков. Также осуществляется обучение лиц для участия в массовых беспорядках посредством распространения и изучения соответствующей литературы, демонстрации видеофильмов, проведения практических занятий и т.д.

Выводы:

1. Проведенное нами исследование показало, что орудия и средства, используемые при массовых беспорядках, достаточно разнообразны, в то же время разграничение указанных понятий затруднительно. Для минимизации путаницы при разделении орудий и средств преступления, в т.ч. используемых при беспорядках, целесообразно применение критериев, предложенных С.А. Денисовой [17, с. 43 – 44]: 1) свойства, которые используются при достижении преступного результата; 2) характер использования; 3) волевой признак.

2. Орудия, используемые при массовых беспорядках, целесообразно разделить на две группы, учитывая при этом сведения о заблаговременности их подготовки: 1) специально подготовленное орудие массовых беспоряд-

ков – это боевое и другие виды оружия (огнестрельное оружие, металлические конструкции, бейсбольные биты, боеприпасы др.); 2) случайно попавшее под руку участникам массовых беспорядков орудие – это любые бытовые приспособления, инструменты, части металлической ограды и окружающие приспособления и предметы [21, с. 83 – 84];

3. Классификацию средств, используемых при массовых беспорядках, целесообразно осуществлять по формам противоправной деятельности: 1) средства, используемые при организации массовых беспорядков; 2) средства,

используемые участниками массовых беспорядков; 3) средства, используемые при обучении и иной подготовке лиц для участия в массовых беспорядках; 4) средства, используемые при финансировании и ином материальном обеспечении массовых беспорядков.

4. Владение в процессе расследования информацией об орудиях и средствах, используемых при массовых беспорядках, позволит с наименьшими затратами устанавливать в ходе расследования способ совершения данного преступления и выдвинуть версии о личности преступника.

Список использованных источников

1. Якимов, И.Н. Практическое руководство к расследованию преступлений / И.Н. Якимов. – М.: Заготхоз, 1924. – 209 с.
2. Хвалин, В.А. Проблемы расследования преступлений, связанных с применением орудий: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.А. Хвалин. – М., 2000. – 133 л.
3. Наумов, А. Средства и орудия совершения преступления / А. Наумов // Соц. законность. – 1986. – № 14. – С. 24 – 27.
4. Андреев, А. Орудия и средства совершения преступления / А. Андреев, А. Светлов, Б. Розовский // Соц. законность. – 1963. – № 7. – С. 32 – 33.
5. Шелудько, Б.А. Способ причинения вреда здоровью и сокрытия его следов / Б.А. Шелудько // Закон и право. – 2009. – № 4. – С. 98 – 100.
6. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Часть общая / Н.С. Таганцев. – Тула: Автограф, 2001. – 798 с.
7. Дагель, П.С. Неосторожность / П.С. Дагель. – М.: Юрид. лит., 1977. – 143 с.
8. Никифоров, Б.С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву / Б.С. Никифоров. – М.: Акад. наук СССР, Ин-т права, 1952. – 180 с.
9. Курицина, Е. Юридическое лицо как орудие преступления / Е. Курицина // Рос. юстиция. – 2001. – № 2. – С. 42 – 43.
10. Шолохов, С.В. Коммерческая организация как орудие преступления / С.В. Шолохов // Следователь. – 2003. – № 6. – С. 13 – 14.
11. Китаев, В. Животные как орудие преступления / В. Китаев // Законность. – 2004. – № 11. – С. 47 – 49.
12. Сырков, С.М. Орудия преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С.М. Сырков; Ленингр. гос. ун-т. им. А.А. Жданова. Юрид. фак. – Л., 1973. – 18 с.
13. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – 2-е изд., доп. – М.: Мегатрон, 2000. – 333 с.
14. Гуров, В.И. Орудия и средства совершения преступления в советском уголовном праве: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.И. Гуров. – Свердловск, 1983. – 180 л.
15. Сахаров, В.И. Средства и орудия совершения преступления и их уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.И. Сахаров; Моск. высш. шк. милиции МВД СССР. – М., 1991. – 21 с.
16. Кошанов, У.К. Уголовно-правовое значение орудий и средств совершения преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / У.К. Кошанов; Казах. гуманит.- юрид. ун-т. – Астана, 2006. – 30 с.
17. Денисова, А.С. Уголовно-правовое значение орудий и средств совершения преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.С. Денисова. – М., 2005. – 202 л.
18. Абдульманов, А.Б. Уголовно-правовые меры борьбы с массовыми беспорядками: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Б. Абдульманов. – М., 1994. – 251 л.
19. Ильясов, А.З. Уголовно-правовые и криминологические проблемы массовых беспорядков: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.З. Ильясов. – Махачкала, 1999. – 222 л.
20. Новиков, А.В. Преступления против общественного порядка, сопряженные с посягательством на собственность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Новиков. – Саратов, 2009. – 267 л.
21. Енгибарян, В.Г. Криминалистическая теория расследования массовых беспорядков / В.Г. Енгибарян. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 328 с.

Дата поступления: 03.10.2014

Annotation

On the basis of analysis of scientific literature, investigative and judicial practices define the criteria necessary to distinguish between the instruments and means of the crime. The author gives a classification of the instruments and means used in the riots. Points to the importance of using in the course of the investigation information about the tools and means to establish their methods and those involved.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПЛАСТИКОВЫХ ДОКУМЕНТОВ. МЕТОДИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Бочарова О.С.

канд. юрид. наук

Рыбалко Е.Я.

Государственное учреждение
«Научно-практический центр
Государственного комитета
судебных экспертиз
Республики Беларусь»

Возникновение пластикового документа как специфического объекта криминалистического исследования стало проявлением научно-технического прогресса, обеспечившего совершенствование пластикового документа за счет использования новых защитных средств и технологий изготовления.

Бумагу, так или иначе, меняют на пластик по ряду причин. К числу наиболее существенных можно отнести: долговечность пластика, его значительно более высокую износостойчивость и устойчивость к различного рода агрессивным воздействиям; возможность использования для защиты от подделки такого документа комплексных высокотехнологичных средств защиты, которые зачастую затруднительно использовать в бумажных документах; многофункциональность пластиковых документов за счет внедрения в них специальных магнитных полос, чипов и микросхем, которые можно использовать только в отдельных видах бумажных документов, в основном либо выполненных из многослойного картона, либо оснащенных плотной и также многослойной обложкой.

Появление все большего числа разновидностей пластиковых документов, по аналогии с документами, выполненными на бумажном носителе, повлечет и увеличение количества преступлений, совершаемых и связанных с пластиковыми документами. Международная статистика за последнее время свидетельствует о качественных изменениях преступности в сфере оборота этого вида документов: от деяний, совершаемых отдельными лицами и небольшими группами, до преступлений, совершаемых хорошо организованными группировками и преступными сообществами. Преступники используют самую современную технику и технологическую базу. Наиболее распространенную угрозу составляют опасность кражи, несанкционированного использования после утраты, подделка и мошенничество при проведении транзакции. Данный вид преступлений тесно связан с более тяжкими преступлениями против личности и собственности; и расследование этого вида преступлений невозможно без использования специальных знаний в области исследования пластиковых платежных документов.

Пластиковые документы могут быть объектами исследования следующих видов экспертиз: трасологи-

Аннотация

Статья посвящена анализу использования специальных знаний при криминалистическом исследовании пластиковых документов. Обсуждается криминалистическая классификация пластиковых документов, разработанная с учетом существующих в настоящее время элементов, средств и технологий защиты и закреплена в соответствующих нормативных правовых актах.

ческой, технико-криминалистической экспертизы документов, криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий, компьютерной.

Если говорить об имеющихся видах и способах подделки пластиковых документов, то эмитенты часто скрывают факты подделки этого вида защищенной полиграфической продукции для сохранения своего имиджа, а преступления, связанные с полной либо частичной подделкой пластиковых документов, носят латентный характер. В настоящее время чаще всего на заготовку полностью поддельных пластиковых документов наносятся эмблема эмитента, поле для проставления подписи, имитируются элементы защиты, как правило, используются подлинные реквизиты существующих пластиковых документов. В случае частичной подделки преступником чаще всего вносятся изменения в некоторые реквизиты (например, номер либо фамилию).

В настоящее время остается практически не изученным вопрос технико-криминалистического исследования поддельных пластиковых документов, поскольку приоритет отдается в основном денежным билетам и документам на право пересечения границы, а специфичность пластиковых документов как объектов преступного посягательства и криминалистического исследования практически не выделяется.

На основании изложенного необходима разработка системы требований и правил, связанных, с одной стороны, с изготовлением и использованием пластиковых документов, а с другой стороны, с их судебной-экспертным исследованием, учитывающей также отдельные аспекты экспертно-криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, сопряженных с изготовлением и использованием таких документов.

Кроме того, является необходимым:

- комплексный анализ нормативных правовых актов, а также других источников, касающихся регулирования изготовления и использования пластиковых документов;

- исследование и совершенствование понятийного аппарата в технико-криминалистической экспертизе документов, разработка классификации пластиковых платежных документов по их функциональным, техническим и другим характеристикам;

- определение состояния следственной и экспертной практики, связанной с расследованием преступлений с использованием пластиковых документов;

- анализ средств защиты для решения задач технико-криминалистической экспер-

тизы документов, изучение механизмов применения различных видов пластиковых документов с целью выявления их характерных особенностей;

- использование специальных знаний при криминалистическом исследовании пластиковых документов и разработка рекомендаций по исследованию пластиковых документов;

- решение вопроса о доступности информации о пластиковых документах как объектах криминалистического исследования в экспертно-криминалистических подразделениях;

- рассмотрение научных и практических проблем в сфере исследования пластиковых документов;

- разработка методических рекомендаций для следователей, дознавателей и экспертов-криминалистов по исследованию и проведению экспертиз этого вида документов;

- совершенствование законодательства, регулирующего оборот пластиковых документов.

Пластиковый документ как объект криминалистического исследования имеет свою особую природу и специфику, что важно для практической деятельности как эмитента и производителя такого рода документов, так и, в последующем, для соответствующих контролирующих и экспертных служб.

Необходима разработка криминалистической классификации и систематизации пластиковых документов по следующим основаниям: система защиты, материал изготовления, способы печати основных реквизитов и средств контроля подлинности, способы записи информации, способы считывания информации, по функциональному назначению, по уровню защиты от подделки.

Пластиковые документы можно классифицировать по различным основаниям, но наиболее всеобъемлющей, на наш взгляд, стоит признать классификацию по признакам «функциональное назначение» и «уровень защиты».

По данному принципу построена классификация пластиковых документов, изготавливаемых в Республике Беларусь. Так, рядом нормативных правовых актов [1 – 5] закреплена классификация, согласно которой документы с определенной степенью защиты подразделяются на 6 групп (А, Б, В, Г, Д, Е) по уровню защиты их от подделки и функциональному назначению.

Пластиковые документы в данной классификации отнесены к группе Б (бланки ценных бумаг на предъявителя, выпускаемых в документарной форме, иные бланки документов (документы), которые по уровню защиты мо-

гут быть приравнены к ценным бумагам), которая в свою очередь подразделяется на 9 подгрупп.

В группе Б пластиковые документы по уровню защиты их от подделки и функциональному назначению отнесены к следующим подгруппам:

Б4 – бланки водительских удостоверений, свидетельств о регистрации, технических паспортов;

Б6 – идентификационные документы, в том числе электронные, с контактным и (или) бесконтактным чипом: водительские удостоверения, национальные карты, карты малого приграничного движения и т.п.;

Б7 – идентификационные документы, в том числе электронные, с контактным и (или) бесконтактным чипом: студенческие билеты, социальные карты, удостоверения личности, карты цифровых тахографов, консульские карты и т.п.;

Б8 – проездные документы на любые виды транспорта на пластиковой основе, в том числе электронные, с контактным и (или) бесконтактным чипом, платежные документы на пластиковой основе (кредитовые и дебетовые пластиковые карточки и т.п.), карты гостя, подарочные сертификаты;

Б9 – иные документы на пластиковой основе: дисконтные карты, карты лояльности, клубные карты (в том числе электронные) и т.п.

Принятая классификация наиболее полно отражает перечень реально существующих в республике защищенных документов на пластиковой основе, а также дает возможность появлению новых документов, которые по данным основаниям будут отнесены к одной из подгрупп.

Отнесение того или иного пластикового документа к той или иной группе по уровню защиты производится по функциональному назначению, сроку обращения и внутренней структуре документа. Минимальные же требования к уровню защиты документов, в т.ч. и на пластиковой основе, установлены в необходимом и достаточном объеме, при котором их подделка экономически нецелесообразна, и определяются с учетом срока обращения, вида и номинальной стоимости. При необходимости уровень защиты может быть изменен [6].

Такая классификация необходима для правильной дифференциации объекта, представленного на исследование (является он пластиковой картой или пластиковым платежным документом), а также для правильного выбора соответствующих образцов для сравнительного исследования.

Пластиковый документ (чаще всего выполняемый в виде карточки) с криминалистической точки зрения есть документ, выполненный из полимерного материала – пластика (поливинилхлорид, поликарбонат и др.), на который нанесены соответствующие реквизиты и в котором хранится различная информация. Данный документ имеет определенную систему защиты от подделки, разнообразен по своему функциональному назначению и уровню защиты от подделки, техническим характеристикам, изготавливаемый на предприятиях, имеющих соответствующие лицензии, и эмитируемый различными организациями для совершения предусмотренных действий.

Для лучшей защищенности пластиковых документов необходимо использовать в комплексе различные элементы и средства защиты.

Одним из самых эффективных методов комплексной защиты для пластикового документа на уровне полиграфической и физико-химической защиты является защитная голограмма, а для обеспечения надежной защиты персональных данных в пластиковых документах, изготовленных из поликарбоната, необходимо выполнять дублирующие изображения лица владельца различными методами, которые позволяет данный материал – надпечаткой, гравировкой, перфорированием.

Для документов, отнесенных на настоящее время в явном виде к группам А и Б, в качестве основы предполагается поливинилхлорид либо поликарбонат и т.п., а также для отдельных видов документов обязательным является использование специальных покрытий (ламинирующие пленки, пленочные средства защиты и т.п.).

Обязательным для защиты документов на пластиковой основе является наличие комплексных средств защиты (юниграммы, голограммы и т.п., пленочных покрытий и специальной краски, пленочных покрытий и латентных (скрытых) изображений и т.п.). К сожалению, при изготовлении водительского удостоверения на поликарбонате не были использованы все возможности, которые предоставляет данный материал основы для защиты изготавливаемого документа, в частности возможность гравировки изображения владельца, а использование струйной печати для печати цифрового фотоизображения владельца и установочных данных повлекло необходимость ламинирования документа пленкой со специальными средствами защиты от подделки и имитации.

Обязательными средствами защиты пластиковых документов [7] на уровне полигра-

фической и физико-химической защиты являются: печать изображения красками со специальными свойствами (свечение в УФ-лучах, ИК-лучах, магнитные, электропроводные, термокраски и т.д.); применение двух и более способов печати, одним из которых является ирисовая или металлографская печать; печать фона двумя фоновыми сетками разного цвета (фоновые сетки по своим размерным характеристикам не должны копироваться и сканироваться), в том числе фоновой сеткой типа «аура» и (или) фоновой сеткой с модуляцией толщины линий; использование при печати различных гильошных, антикопировальных и специальных растровых элементов, микро-текста, латентных (скрытых), совмещаемых изображений и изображений со специальными эффектами (юниграммы). Также обязательным требованием является наличие нумерации, выполненной способом высокой печати (тиснением, перфорацией или электронным способом – по согласованию с Минфином Республики Беларусь).

Наиболее сложными по системе защиты являются платежные документы на пластиковой основе и документы, содержащие биометрическую информацию владельца. Одним из перспективных направлений в данной области является разработка идентификационной карты, удостоверяющей личность и приравненной к паспорту, с функцией платежного документа.

Проведенные авторами эксперименты по исследованию основных реквизитов пластиковых документов, в том числе с использованием современного оборудования – видеоспектрального компаратора, а также результаты предварительных экспертиз защищенности от подделки пластиковых документов позволили выявить наиболее проблемные и наиболее информативные зоны пластиковых документов в целях последующей разработки методических рекомендаций для их криминалистического исследования.

Считаем необходимым создание электронного каталога пластиковых документов, который обеспечит возможность повышения эффективности производства экспертиз и специальных исследований, а также позволит устанавливать единый источник происхождения документов, благодаря имеющемуся иллюстрированному и текстовому сопровождению, включающему описание реквизитов и элементов защиты.

Необходим также и комплексный подход для всестороннего исследования пластиковых документов, оборудования, инструментов, приспособлений и материалов, используемых при их изготовлении.

Методические рекомендации по криминалистическому исследованию пластиковых документов должны включать в себя основные этапы экспертного исследования, выделение и обоснование комплексного характера экспертизы, уточнение понятий технической и юридической подделки документов для правильной постановки вопросов перед экспертом; специфику использования образцов для сравнительного исследования и формулирования выводов.

На основе анализа теоретических и прикладных аспектов криминалистического исследования пластиковых документов необходима разработка рекомендаций по профилактике правонарушений, совершаемых с использованием пластиковых документов.

Анализ нормативных правовых актов и действующего законодательства, регулирующего выпуск (эмиссию) и изготовление пластиковых документов, показал, что в них не отражены конкретные требования к форме и содержанию реквизитов пластиковых документов. В свою очередь, в криминалистической литературе отсутствуют четкое понятие и надлежащая классификация пластиковых документов как объекта криминалистического исследования. Эксперты-криминалисты при проведении исследований испытывают необходимость в получении знаний о пластиковом документе как объекте криминалистического исследования, требованиях, предъявляемых к реквизитам, элементам защиты, технологиям изготовления и защиты от подделки.

Вследствие изложенного возникает множество теоретических и практических вопросов, касающихся, в частности, особенностей современной методики проведения криминалистического исследования пластиковых документов.

Научные изыскания в сфере криминалистического исследования пластиковых документов способны не только выявлять комплекс проблем криминалистического характера в уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, финансово-экономической и других областях, но и находить пути решения данных проблем, в целях более эффективной борьбы с преступностью.

Список использованных источников

1. О некоторых вопросах изготовления и использования бланков строгой отчетности: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 дек. 2001 г., №1846 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – №2. – 5/9648.
2. Об утверждении положения об основных требованиях, предъявляемых к уровню защищенности бланков строгой отчетности, а также специальным материалам для защиты их от подделки: постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 1 марта 2002 г., №29 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – 8/7851.
3. СТБ 997/ОР «Бланки ценных бумаг и документов с определенной степенью защиты, документы с определенной степенью защиты. Термины и определения».
4. СТБ 996/ОР «Бланки ценных бумаг и документов с определенной степенью защиты, документы с определенной степенью защиты. Общие требования».
5. СТБ 1106-98 «Ценные бумаги и документы. Средства и методы защиты. Термины и определения».
6. Бочарова, О.С. Криминалистические требования к защите документов от подделки / О.С. Бочарова // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. – Минск: НИИПККиСЭ, 1997. – Вып. 12. – С. 114 – 119.
7. Бочарова, О.С. Способы и методы защиты от подделки материалов, используемых при изготовлении денежных знаков, ценных бумаг и иных особо важных документов / О.С. Бочарова // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. – Минск: НИИПККиСЭ, 1998. – Вып. 13. – С. 161 – 173.

Дата поступления: 29.10.2014

Annotation

The article is devoted to the analysis of using special knowledge in forensic research of plastic documents. It discusses the forensic classification of plastic documents designed to meet the currently existing protection elements, tools and technologies and consolidated in relevant laws and regulations.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

УСТАНОВЛЕНИЕ ДАВНОСТИ НАНЕСЕНИЯ ОТТИСКОВ ПЕЧАТЕЙ И ШТАМПОВ КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ

Ропот Р.М.

адъюнкт

научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

Аннотация

80

Установление давности нанесения оттисков печатей и штампов является одной из самых сложных задач технико-криминалистической экспертизы документов. Разработанные в данной области экспертные методики имеют ряд существенных недостатков, что требует поиска новых решений. Одним из таких решений может стать использование возможностей современных компьютерных средств и специализированного программного обеспечения.

Установление давности нанесения оттисков печатей и штампов является одной из самых сложных задач технико-криминалистической экспертизы документов, о чем свидетельствует внушительный перечень публикаций, посвященных данной проблеме. Отдельные аспекты установления как абсолютной, так и относительной давности нанесения оттисков печатей и штампов содержатся в работах Г.Г. Белоусова, Т.И. Сафроненко, М.Н. Сосенушкиной, А.Г. Коваль, Н.Б. Черкавского, Е.Д. Богодуховой, А.А. Гусева, С.Д. Павленко, В.В. Пименовой, В.Н. Агинского, Н.А. Батыгина, С.Ш. Касимова, Л.И. Короленко, Н.В. Старцева, Э.А. Тросман, Е.Г. Гулина, Н.П. Яблокова, М.В. Тороповой, Н.В. Ефременко, О.С. Бочаровой и др.

Оттиски печатей и штампов являются одним из основных способов удостоверения сведений и фактов, содержащихся в документах. Оттиск печати (штампа) наряду с подписью относится к числу обязательных реквизитов документа, а также может служить защитой от подлога. Именно поэтому печати и штампы наиболее часто подделываются преступниками [1, с. 84]. В качестве «криминальных обстоятельств» можно рассматривать не только различные способы имитации изображений оттисков либо использование неоригинальных клише, но и несоответствие времени нанесения оттиска дате составления документа. Существующие способы подделки оттисков печатей (штампов) с присущими каждому из них признаками, а также экспертные методики их исследования достаточно подробно изучены и описаны в криминалистической литературе. Применяемые методы позволяют успешно решать большинство идентификационных и диагностических экспертных задач в данной области. Однако решение вопросов установления давности нанесения оттисков удостоверительных печатных форм остается на сегодня одной из самых сложных и до конца не решенной задачей, требующей разработки новых подходов и методов экспертного исследования.

Временные характеристики совершения каких-либо действий, с точки зрения их давности, могут определяться абсолютными показателями, т.е. выраженными в конкретных единицах времени (час, день, месяц, год и т.д.), либо относитель-

ными, позволяющими судить об очередности действий, их одновременности или разновременности.

Вопросы установления относительной давности нанесения оттисков печатей (штампов), т.е. определение последовательности их нанесения относительно других реквизитов документа, таких как рукописные записи, подписи или печатный текст, нашли свое отражение в некоторых частных криминалистических методиках. Данная задача может решаться при исследовании пересекающихся штрихов, нанесенных посредством штемпельной краски и иных красящих веществ (паст для шариковых ручек, чернил, туши, типографской краски, тонера и пр.). Разработаны частные методики установления последовательности выполнения реквизитов документа при отсутствии взаимных участков их пересечения, предложенные М.В. Тороповой, А.С. Блохиным и А.Б. Зотовым [1, с. 302 – 306]. Однако определение последовательности нанесения оттисков печатей (штампов) относительно иных реквизитов не всегда позволяет решить задачу установления подлинности документа.

Другой важной задачей является установление абсолютной давности нанесения оттисков печатей (штампов), т.е. определение с той или иной точностью конкретного времени их нанесения.

Основным экспертным путем определения времени нанесения оттисков печатей и штампов является изучение дефектов в оттисках, возникших в результате длительного пользования [2, с. 42]. Особенностью данной методики является установление хронологии появления, существования и видоизменения эксплуатационных признаков.

Клише печатей (штампов) в основном изготавливается из эластичных материалов (резины, полимеры), которые в процессе эксплуатации подвержены физической деформации и изменению своих химических свойств, что приводит к появлению определенных дефектов клише: выкрашиванию и утолщению выступающих элементов, изменению адгезионных свойств поверхности и пр. В результате таких изменений происходит ухудшение качества оттисков: нечеткие и неровные края штрихов, наличие посторонних окрашенных элементов, непропечатка некоторых знаков или их фрагментов, изменение размера штрихов, изменение характера распределения красящего вещества в штрихах и пр. Такого рода изменения могут быть рассмотрены экспертом в качестве индивидуальных признаков печати (штампа), характерных для определенного времени ее использования.

При наличии достаточного количества свободных образцов, выполненных за конкретный период времени использования исследуемой печати (штампа), представляется возможным определить хронологию существования (появления, изменения, исчезновения) отдельных эксплуатационных признаков. Далее, в процессе проведения сравнительного исследования, при наличии совпадений (или различий) такого рода эксплуатационных признаков, делается вывод о степени соответствия времени нанесения исследуемого оттиска дате составления документа.

Описанный подход в настоящее время является практически единственным инструментом, при помощи которого, в отдельных случаях, возможно установить абсолютную давность нанесения оттисков печатей (штампов), используя неразрушающие традиционно-криминалистические методы. Вместе с тем, указанная методика имеет ряд ограничений.

Во-первых, необходим значительный объем свободных образцов, непрерывно отражающих длительные (не менее года) периоды времени использования исследуемой печати. Прежде всего, это связано с тем, что материалы, из которых изготавливают клише, обладают достаточно высокой износоустойчивостью. Так, например, только спустя 6 месяцев использования печати определенные свойства фотополимерных клише начинают меняться, что приводит к постепенному ухудшению качества оттисков [2, с. 43]. Однако получение большого массива образцов, отвечающих всем необходимым требованиям, на практике, как правило, вызывает значительные затруднения.

Во-вторых, продолжительность процесса видоизменения отдельных эксплуатационных признаков может составлять от нескольких месяцев до нескольких лет. Длительность диагностического периода в данном случае зависит в основном от интенсивности использования печати, а также соблюдения правил эксплуатации и условий ее хранения. Установление данных факторов представляется весьма проблематичным, т.к. практически невозможно в полной мере проследить всю «историю» использования печати.

В-третьих, устойчивость эксплуатационных признаков печати во времени может значительно различаться в зависимости от механизма образования признака, а именно, устойчивость во времени незначительных по своим размерам эксплуатационных признаков (например, загрязнений в виде мелких посторонних частиц на поверхности клише) составляет от одного до нескольких оттисков. Различия ряда эксплуатационных признаков печати в от-

тисках могут быть объяснены тем, что в зависимости от условий окрашивания поверхности клише, а также характера нажима при нанесении оттиска отдельные участки в оттиске могут не отображаться.

При высокой интенсивности использования печати (расчетные кассы, канцелярии и бухгалтерии крупных организаций и т.п.) ежемесячно проставляется около 2000-3000 оттисков, тогда как в большинстве случаев их число не превышает и 100 в месяц (небольшие торговые объекты, индивидуальные предприниматели и т.п.). Учитывая данное обстоятельство, точность выводов эксперта может составлять от одного года до нескольких лет, что не придает особой значимости экспертному заключению.

Решение задачи установления абсолютной давности нанесения оттисков печатей и штампов возможно путем изучения определенных свойств веществ (летучих компонентов), входящих в состав штемпельных красок. Суть данного подхода заключается в проведении исследований физико-химическими методами с применением методов хроматографического анализа.

Обладая рядом преимуществ, такого рода методики имеют некоторые недостатки: невысокую точность и недостаточный хронологический диапазон решения вопросов установления абсолютной давности, ограниченный период практического использования, значительную зависимость от качественных характеристик исследуемых материалов. Данные исследования являются дорогостоящими, требуют значительных временных затрат и предусматривают применение разрушающих методов, что не всегда допустимо при обращении с вещественными доказательствами, тем более, когда речь идет об исследуемом документе, предоставленном эксперту в единственном экземпляре.

Рассмотренные возможности решения экспертных задач в области установления абсолютной и относительной давности нанесения оттисков печатей и штампов указывают на необходимость разработки новых методов исследования, в большей степени отвечающих требованиям универсальности, экономичности и эффективности. Реализация данной задачи видится в исследовании таких особенностей конструкции, функционирования и эксплуатации печатей (штампов), которые при проведении экспертиз позволят исключить большинство негативных факторов, снижающих точность и качество выводов.

В процессе практической экспертной деятельности, а также при проведении научных исследований, нами было обращено внимание

на особенности отображения оттисков рельефных клише печатей (штампов) с автоматической оснасткой в зависимости от степени наполненности штемпельной подушки красящим веществом (штемпельной краской).

В результате проведенных экспериментов установлено, что с момента заправки штемпельной подушки до момента, близкого к ее полному истощению, у каждой печати или штампа имеется определенный количественный и качественный ресурс оттисков. В зависимости от марки и заправляемого объема штемпельной краски, качества материала клише и штемпельной подушки количество читаемых оттисков одного полного периода заправки печати (штампа) может составлять 1500-2000, 2000-2500, 2500-3000 оттисков. Причем, характерное для конкретной печати (штампа) с автоматической оснасткой количество оттисков будет практически неизменным на протяжении всего срока ее службы, исключая случаи замены штемпельной подушки или иное вмешательство в конструкцию печати (ремонт оснастки, чистка клише, дозаправка штемпельной подушки и т.п.).

Анализ оттисков всего периода одной заправки печати (штампа) представляет особый интерес, если взять за основу тот факт, что «в природе с одинаковыми в физическом смысле слова цветовыми характеристиками объектов нет» [3, с. 8]. Так, в результате проведенных экспериментальных исследований было установлено, что по мере истощения штемпельной подушки каждый последующий оттиск приобретает свойственные только ему особенности, выражающиеся в изменении яркостных и цветовых параметров. При наличии технической возможности фиксации даже самых незначительных изменений цвето-тоновых характеристик изображений оттисков, в совокупности с применением определенных методов цифровой обработки изображений и математического анализа полученных данных, представляется возможным установить некоторые закономерности отображения цветовых параметров оттисков в зависимости от очередности их нанесения с момента заправки печати (штампа).

Период каждой заправки штемпельной подушки соответствует своему определенному временному периоду эксплуатации печати (штампа). Обладая информацией о начале, окончании и длительности такого периода в совокупности с изучением цвето-тоновых характеристик оттисков, нанесенных в определенные промежутки времени, можно определить степень соответствия исследуемого оттиска (оттисков) конкретному времени (дате, отрезку времени) его появления на документе.

Применение такого подхода является весьма перспективным направлением, обладающим рядом преимуществ:

- для установления хронологии процесса заправки штемпельной подушки конкретной печати необходим достаточно небольшой объем свободных образцов;
- данный вид исследования предусматривает применение недорогих неразрушающих методов;
- решение задач происходит при активном применении компьютерных средств и специализированного программного обеспечения, существенно расширяющих и дополняющих возможности традиционных методов исследования. Кроме того, использование цифровых технологий увеличивает точность и объективность расчетов;
- применение указанных методов позволяет получать выводы с высокой точно-

стью и полным хронологическим диапазоном решения вопросов установления давности, имеет неограниченный период практического использования, а также не зависит от качественных характеристик исследуемых объектов.

Задача установления давности документа является одной из основных при технико-криминалистическом исследовании документов [4, с. 388]. Одним из базовых направлений, способствующих решению данной задачи, является установление давности нанесения оттисков печатей и штампов. Разработка и внедрение в практическую деятельность современных методов исследования оттисков печатей и штампов позволит успешно разрешать вопросы, поставленные перед экспертом в области технико-криминалистического исследования документов.

Список использованных источников

1. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: учеб. пособие / Под ред. Н.В. Ефременко. – Минск, 2012. – 343 с.
2. Логвинец, Е.А. Проблемные вопросы использования судебной экспертизы в установлении временных связей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.А. Логвинец. – М., 2000. – 166 л.
3. Четверкин, П.А. Методы цифровой обработки слабовидимых изображений при технико-криминалистическом исследовании документов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / П.А. Четверкин. – М., 2009. – 246 л.

4. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств / Под общ. ред. О.М. Дятлова. – Минск, 2003. – 736 с.

Дата поступления: 01.10.2014

Annotation

Annotation: establish old drawing of prints of seals and stamps is one of the most difficult tasks of technical criminalistic of examination of documents. Developed expertise in the art methods have significant deficiencies that require new solutions. One of these solutions may be the use the capabilities of modern computer tools and specialized software.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ФИКСАЦИИ ПОТОЖИРОВЫХ СЛЕДОВ РУК НА КОЖЕ ЧЕЛОВЕКА (ТРУПА): СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРАБОТКИ

Водолазов А.В.

Михайленко Г.В.

канд. юрид. наук

Государственное учреждение
«Научно-практический центр
Государственного комитета
судебных экспертиз
Республики Беларусь»

Разработка эффективных методов выявления потожировых следов (далее – ПЖС) рук на коже человека (трупа) актуальна как с научно-методической, так и с практической точки зрения. Эффективные, апробированные методы выявления и фиксации ПЖС могут значительно расширить возможности судебно-дактилоскопических экспертиз, прежде всего при расследовании преступлений против жизни и здоровья граждан: убийство, насильственные действия сексуального характера, изнасилование, причинение телесных повреждений и др.

В процессе совершения преступлений по указанным выше составам, образование ПЖС рук происходит в результате непосредственного контакта жертвы (кожа жертвы – следовоспринимающий объект) и преступника (руки преступника, папиллярные узоры кожи на них – следообразующий объект). В процессе контакта потожировое вещество (далее – ПЖВ) преступника в результате адгезии переносится со следообразующего на следовоспринимающий объект. Отсутствие непосредственно в момент контакта вращения или сдвигов следообразующего и следовоспринимающего объектов относительно друг друга делает возможным образование качественного (в котором отобразились детали папиллярного узора) следа руки.

Образование следов рук происходит на открытых участках тела жертвы: область шеи, запястья, внутренняя сторона бедер, грудь, лицо.

Специфической чертой образования ПЖС рук на теле человека (трупе) является то, что вещество следа, по своей природе, совпадает с веществом на следовоспринимающей поверхности. Практически вся поверхность кожи человека покрыта слоем ПЖВ.

Слой ПЖВ на поверхности кожи состоит из шариков диаметром от 2 до 100 микрон [1, с. 58]. Исходя из температуры окружающей среды, физиологического состояния организма человека, мышечной деятельности, сенсорных раздражителей, эмоций, умственного напряжения и плотности расположения пор кожи на конкретном участке тела (от 60 до 600 пор на 1 см²) [2], интенсивность выделения ПЖВ на коже варьируется от 400 мл

Аннотация

В статье описаны современные дактилоскопические методы выявления потожировых следов рук на теле человека и трупе и механизм их образования на теле человека. Указываются специфические особенности, осложняющие выявление следов, пригодных для решения идентификационных вопросов судебно-дактилоскопической экспертизы. Описание методов включает в себя порядок применения и оценку их эффективности. Указывается наиболее оптимальный путь для организации проведения исследований, направленных на разработку новых методов выявления.

до 10 л в сутки. Следует также отметить, что 98 – 99,7% в составе ПЖВ приходится на воду – один из самых эффективных природных растворителей [3, с. 111]. Оставшуюся часть ПЖВ составляют вещества, содержание и количество которых обуславливается такими факторами, как: особенности пищи, степень активности гормонов коры надпочечников, этап потоотделения (в самом начале – содержание калия, кальция, магния более высокое, а с течением времени оно снижается), состояние щитовидной железы, интенсивность потоотделения [2].

Жидкое агрегатное состояние ПЖВ предопределяет его поведение при контакте с поверхностью: под действием силы тяжести оно начинает растекаться. Ввиду того, что физико-химические свойства ПЖВ обеспечивают ему равномерное, в виде пленки, распределение по всей поверхности кожи тела (трупа) [2], растекание происходит активнее за счет возникновения дополнительных капиллярных сил и сопровождается смешиванием ПЖВ руки и тела. Такое растекание приводит к нарушению границ линий папиллярного узора, делая невозможным выявление характерных особенностей (признаков), необходимых для проведения судебно-дактилоскопической экспертизы.

Несмотря на то, что после наступления смерти процессы жизнедеятельности (в том числе выделение ПЖВ) затухают, вплоть до полного их прекращения, слой ПЖВ сохраняется и на коже трупа до полного испарения его жидких компонентов. Интенсивность испарения зависит от температуры, влажности и запыленности.

Таким образом, описанный механизм образования ПЖС рук, при котором следообразующее вещество, состоящее более чем на 98% из воды, переносится на поверхность, смоченную близким по составу веществом, накладывает значительные ограничения на возможность образования и сохранения качественных (содержащих отображение папиллярных линий) следов.

Несмотря на описанные сложности, криминалисткой разработаны методы, позволяющие выявить, зафиксировать и изъять ПЖС рук, оставленные на теле человека (трупе).

Применение даже такого традиционного метода, как обработка участков тела дактилоскопическим порошком, о чем свидетельствуют сведения, содержащиеся в научных статьях [4; 5], может давать положительный результат.

Как отмечалось ранее, в процессе следообразования происходит перенос ПЖВ со следообразующего на следовоспринимающий объект. В месте контакта образуется повышенная концентрации ПЖВ, обеспечивающая

более интенсивное окрашивание дактилоскопическим порошком. Таким образом, становится возможным выявление периферических следов рук (не содержащих отображения папиллярных узоров). Их исследование делает возможным решение ряда диагностических вопросов судебно-дактилоскопической экспертизы: определение вероятного пола и возраста лица (по размерам следов) или механизма образования следов – нажим, касание, захват (по взаиморасположению следов).

Однако, возможности дактилоскопических порошков не ограничиваются выявлением периферических следов. В российской [4] и иностранной [5] литературе имеются указания, что в некоторых случаях с помощью магнитных дактилоскопических порошков типа «Сапфир» с кожи человека (трупа) можно выявить ПЖС, пригодные для проведения идентификации лица. Описанные в публикациях эксперименты преимущественно проводились в наиболее благоприятных, с точки зрения механизма следообразования ПЖС рук, условиях. В частности, результатом серии из 79 экспериментов по выявлению и изъятию ПЖС рук с тела живого человека, проводившихся в лабораторных условиях, стал вывод о такой возможности при помощи черного магнитного дактилоскопического порошка (выявление) и силиконовой пасты, либо дактилопленки с желатиновым слоем (фиксация и изъятие) [6].

В то же время, критически оценивая возможности дактилоскопических порошков, следует отметить, что существует естественное, вытекающее из природы всех физических методов выявления ПЖС рук, ограничение: особые требования к морфологии поверхности кожи – участки тела должны быть с гладкой кожей и без волосяного покрова.

Эффективность применения дактилоскопических порошков по оценкам, содержащимся в криминалистической литературе, ограничивается временными рамками от 8 до 30 мин на коже живого человека, и до 52 ч – на коже трупа [4]. Что касается качества выявляемых с помощью дактилоскопических порошков следов, то можно привести результаты экспериментов по выявлению следов на трупе: из 1000 обработанных ПЖС рук только 16% были пригодны для проведения сравнительного исследования и идентификации [6]. В отношении же следов на теле живого человека результаты зависят от порядка проведения экспериментов. Эксперименты, проведенные в идеальных условиях (ПЖС образованы предварительно вымытыми руками, в лабораторных условиях, со следовым контактом, отвечающим необходимым требованиям), давали стабильно высокую эффектив-

ность, вплоть до следов возрастом 4 часа [6]. При попытках смоделировать в рамках экспериментов реальные условия образования ПЖС на теле человека эффективность дактилоскопических порошков закономерно снижалась.

Другим традиционным методом выявления ПЖС является метод окуривания парами йода. В свое время этот метод получил широкое распространение. Однако, после установления вредных последствий для здоровья от вдыхания паров йода (ожоги дыхательных путей, слизистых оболочек, возможные ожоги желудочно-кишечного тракта, трудности с выводом из организма и накопление в щитовидной железе) использование йода стало сокращаться. В настоящее время распространение получили хорошо себя зарекомендовавшие на практике йодные ампулы: различные виды смесей кристаллов йода с мелким песком.

Окуривание парами йода относится к физическим методам выявления следов пальцев рук. Оно основано на свойстве паров йода осаждаться на ПЖВ следа руки. Для сублимации йода (образование паров) достаточно температуры человеческого тела. Этот факт значительно упрощает применение данного метода, не требуя использования сложных приспособлений.

Среди рекомендаций по использованию кристаллов йода для выявления ПЖС рук указывается, что окуривание участков на теле живых лиц и трупах наиболее целесообразно проводить с расстояния 40-100 мм через коническое сопло диаметром 1мм. Чем выше температура емкости, в которой находятся кристаллы йода, тем интенсивнее идет процесс их испарения и тем большим должно быть расстояние между окуривающим соплом и телом (трупом). Постоянный визуальный контроль равномерности осаждения кристаллов является обязательным условием метода. В случае несоблюдения этой рекомендации ПЖС может быть испорчен («забит») слишком большим количеством осевших на след кристаллов йода, искажающих и скрывающих детали папиллярного узора в следе. Выявленные следы должны быть зафиксированы в течение 15-20 мин, так как после истечения данного времени йод теряет желтую окраску и становится слабовидимым. Фиксация следов может происходить как путем фотографирования, так и путем дополнительной обработки выявленных следов с использованием: порошка железа, восстановленного водородом; крахмала; дактолина; йодокопировальной бумаги (пропитанной 2%-м раствором ортотолуидина) [7].

Временной отрезок эффективности выявления парами йода определен только для следов

на трупе – до 2 часов с момента слеодообразования [7]. К сожалению, экспериментальных данных об эффективности паров йода, полученных с соблюдением требований к научным исследованиям и опубликованных в научных журналах, практически не имеется. Из опроса практикующих экспертов и по информации, содержащейся на профильных форумах сотрудников экспертно-криминалистических подразделений стран СНГ, можно сделать следующие обобщенные выводы. Окуривание парами йода, как и в случае с дактилоскопическими порошками, позволяет эффективно выявлять ПЖС при нанесении экспериментальных следов на предварительно обезжиренную часть тела, лишенную волосяного покрова. Выявление следов рук, оставленных на теле без предварительного обезжиривания, дает положительные результаты в менее чем половине случаев. Выявить ПЖС рук на трупе, находящемся в холодильной камере морга, не удалось.

Разновидностью метода выявления следов рук на теле человека (труп) с использованием паров йода является его применение в сочетании с α -нафтофлавоном (7,8-бензофлавоном, $C_{19}H_{12}O_2$). Из данного реактива приготавливается один из следующих растворов:

- α -нафтофлавоном (7,8-бензофлавоном) – 0,3 г;
- хлороформ – 10 мл;
- циклогексан – 90 мл
- либо:
- α -нафтофлавоном (7,8-бензофлавоном) – 0,3 г;
- этанол – 95 мл;
- серная кислота 30%-ая – 5 мл.

После обработки кожи трупа парами йода, через несколько секунд после испарения йода, с помощью пульверизатора или аэрозольного распылителя наносят раствор α -нафтофлавона. Выявленные следы рук окрашиваются в темно-синий цвет [4]. Данный комбинированный метод эффективен для выявления следов рук давностью до 2,5 ч на коже теплого и не прошедшего санитарную обработку трупа (при t кожи 23,4 - 32,2°C).

На методе окуривания парами йода основывается и один из наиболее известных на сегодняшний день методов изъятия ПЖС рук с тела человека (труп) – контактный метод или метод лифтинга (от англ. – *lifting*, поднимать). Возможно, впервые он был описан в 1978 г. [8].

Заключается он в следующем: после обработки участка кожного покрова парами йода, к выявленному следу плотно, но без усилий, на 3-20 с, прикладывают серебряную (либо покрытую серебром) пластину. В результате

след, окуранный парами йода, переносится на поверхность пластины и может храниться на ней не ограниченное количество времени, при этом сама пластина может быть использована многократно. Качество откопированных на пластину следов может быть улучшено путем ее нагрева (например, под лампой накаливания), в результате чего следы темнеют, повышая контрастность. Операция копирования может быть повторена без дополнительного окуривания [4].

Следует отметить, что по результатам экспертных экспериментов (не нашедших, к сожалению, своего отражения в публикациях) добиться устойчивого положительного результата при изъятии ПЖС на серебряную пластину не удалось.

Метод лифтинга может базироваться и на использовании фотобумаги [4]. Для этого следует использовать белую отфиксированную и отглянцованную фотобумагу. Длительность контакта с обработанным участком тела (трупа) составляет 3 – 5 с. После чего бумагу отделяют и ее поверхность дополнительно обрабатывают специальным магнитным порошком («Сапфир» или карбонильное железо). Выявленный след фотографируют.

Некоторые авторы указывают [9; 10], что в качестве средства изъятия можно использовать любой материал, обладающий необходимой твердостью, и который мог бы быть разогрет до $t > 27^{\circ}\text{C}$. Это может быть использованная фотопленка, любой вид полимеров, целлофан, стекло и т.д. Собственно градиент температуры между телом и промежуточным следоносителем, по мнению ряда авторов, является ключевым фактором успешного выявления следов. При контактном методе изъятия разница температур между телом и пластиной должна быть в пределах $10\text{--}16^{\circ}\text{C}$ (пластина должна быть теплее). Промежуточный следоноситель после контакта с исследуемым участком обрабатывают дактилоскопическим порошком или парами цианокрилата. С одного и того же участка кожи отпечатки пальцев следует пытаться снимать не менее двух раз, т.к. во второй раз отпечаток бывает более четким и детальным.

Относительная простота и высокая эффективность обеспечили методу окуривания парами цианокрилата широкое распространение в экспертной практике судебно-дактилоскопических экспертиз. Метод основывается на процессе осаждения частиц цианокрилата на ПЖВ следа руки и последующей их полимеризации, сопровождающейся образованием твердой копии следа папиллярного узора. В необходимых случаях, дополнительно обрабатывая след специальными порошками (для усиления

контраста), можно получать неограниченное количество копий следа руки.

Применение цианокрилата для выявления следов рук на теле человека (трупе) не отличается от его применения для выявления следов на других объектах. Сложность заключается лишь в технической реализации этого метода. Окуривание возможно в условиях изоляции объекта исследования от внешней среды, с тем, чтобы создать оптимальные условия для испарения источника цианокрилата: $t\ 80\text{--}120^{\circ}\text{C}$ и влажность от 60% и выше. Специфика рассматриваемого нами объекта не позволяет полностью поместить его в специальную камеру для окуривания, по размерным характеристикам, и исходя из этических норм. Одним из вариантов решения этой проблемы может стать изготовление камер, наподобие парников, по размеру и форме соответствующих конкретным участкам тела, на которых, предположительно, могут находиться следы рук. Конструкция камер должна обеспечивать возможность размещения в них источника паров цианокрилата, нагревательного элемента и емкости с водой. Также должна быть предусмотрена возможность визуального контроля за процессом окуривания.

В иностранной литературе описан и другой способ окуривания участков трупов парами цианокрилата [11]. Его существенным отличием является активный характер окуривания – пары цианокрилата не пассивно осаживаются на поверхность, а направляются на окуриваемый участок направленной струей. После окуривания, по свидетельству автора, участок необходимо дополнительно обрабатывать специальным магнитным порошком. Данный способ окуривания обеспечивает два существенных преимущества: нет необходимости собирать камеру и само применение метода позволяет получить первые результаты уже через 10-20 с.

Более сложные методы выявления и фиксации следов рук на трупах объединены в методики с последовательными стадиями. Например, методика с использованием порошка Rhodamine 6G. Первый этап исследования заключается в окуривании всей площади кожи трупа парами цианокрилата в течение 30 мин – 1 ч. Второй – в обработке порошком Rhodamine 6G участков с наиболее вероятным расположением следов рук. Rhodamine 6G разводился в метаноле (50 мл метанола на 0,1 г порошка), перемешивался со 100г черного магнитного порошка, после чего нагревался (постоянно помешивая) до полного испарения метанола, а оставшаяся субстанция измельчалась до мелкодисперсной фракции. Третий этап – обработанные порошком участки осматриваются в свете лазера или любого другого источника света. Четвертый –

фотофиксация выявленных следов. Апробация данного метода дала положительные результаты в четырех из пяти экспериментов [12].

К описанию уникальных методов выявления следов рук на теле человека и трупе можно отнести целый ряд небольших по объему публикаций в зарубежных изданиях. Например, «метод отливки» с использованием стоматологического гипса [13]. Метод, основанный на использовании хелата европия с последующим окуриванием парами цианокрилата [14]. Метод электронографии, заключающийся в нанесении на исследуемый участок кожи свинцовой пудры и последующим ее облучением жесткими рентгеновскими лучами, в результате чего происходит вторичное излучение свинца, фиксирующееся на фотопластине. Эффективность метода экспериментально подтверждена для следов на трупе давностью 48 ч [15; 16]. В то же время, некоторые исследователи, применившие метод рентгеновского облучения, нанесенной на след свинцовой пудры, пришли к отрицательным результатам [17].

Другой способ использования рентгеновского излучения для выявления следов рук предложил аналитический химик национальной лаборатории Лос-Аламоса Крис Уорли (Chris Worley) [18]. Метод получил название «микро рентгено-флуоресцентного (MXRF)» и заключается в воздействии на участок следоносителя с предполагаемыми следами рук сфокусированным рентгеновским лучом, который заставляет излучаться атомы веществ, входящих в состав ПЖВ, например, калий, натрий, хлор. На основании такого возбуждения может быть воссоздан рисунок папиллярного узора и кроме этого, параллельно, установлен характерный химический состав ПЖВ следа.

Выявление ПЖС рук путем реакции окрашивания тетраоксида рутения (RuO_4) [19]. Для выявления используют раствор 0,25 г RuO_4 в 100 мл C_6F_{14} (тетрадекафторгексана), либо другого насыщенного галогенида. Нанесение реактива происходит путем распыления, с последующим изъятием следа методом лифтинга. Перенесенные на промежуточный следоноситель следы обрабатывают парами тетраоксида рутения в изолированном от внешней среды пространстве (боксе, камере и т.п.).

Применение аргонового лазера непрерывного действия было предложено полицией Канады совместно с исследовательским центром фирмы «Ксерокс». Процесс выявления следов начинается с последовательного нанесения на участок тела (трупа), предположительно имеющий следы рук, розамина, раствора натрия хлорида и последующей его обработки парами цианокрилата. Эти действия направлены

на усиление флуоресцентного свечения ПЖВ под воздействием луча лазера. Лазерный луч, направляемый на исследуемый участок, рассеивался линзой фотообъектива. Результатом воздействия является возбуждение люминесцентного свечения. Фиксация результатов проводилась путем фотографирования [20]. Преимуществом использования лазера является его эффективность даже в случаях, когда следы рук подвергались воздействию воды, а тот факт, что луч лазера не повреждает следы, делает возможным использование и других методов выявления.

Обобщая описанные в зарубежных и отечественных источниках методы и принимая во внимание весьма сложный механизм следообразования следов пальцев рук, можно сформулировать следующие выводы:

- несмотря на длительную историю научных и экспериментальных разработок данной проблемы с использованием различных по своей сложности технических средств, химических реактивов, веществ и приборов, разработать метод, позволяющий гарантированно выявлять, фиксировать и (или) изымать с трупа или кожи живого человека ПЖС рук, которые были бы пригодными для проведения идентификационных дактилоскопических исследований, до сих пор не удалось;

- эффективность выявления ПЖС рук коррелирует с оперативностью применения того или иного метода, что предопределяет их использование непосредственно на месте обнаружения трупа. Использование же некоторых из приведенных выше методов, основывающихся на применении сложного оборудования (холодильники, источники лазерного и рентгеновского излучения), возможно только в условиях специализированных лабораторий;

- наиболее оптимальными на сегодняшний день, исходя из доступности и результативности, по нашему мнению, следует считать контактные методы выявления, фиксации и изъятия следов, с использованием магнитных дактилоскопических порошков и паров йода.

Разработка новых средств выявления следов рук на коже человека (трупа) может проходить, по нашему мнению, только путем комплексной экспериментальной научно-исследовательской работы непосредственно на конкретных объектах исследования (теле человека, трупах). Комплексный характер такой работы обуславливает необходимость участия в ней не только судебных экспертов-дактилоскопистов, но и экспертов в области судебно-медицинской криминалистики, биологов, физиков, химиков, представителей геномной экспертизы и других.

Список использованных источников

1. Криминалистика. Краткая энциклопедия / Авт.-сост. Р.С. Белкин. – М.: Большая Рос. энцикл., 1993. – 111 с.
2. Корноухов, В.Е. Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития / В.Е. Корноухов, В.К. Анциферова, Г.П. Морозова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. – 416 с.
3. Калантаевская, К.А. Морфология и физиология кожи человека / К.А. Калантаевская. – Киев: Здоров'я, 1965. – 297 с.
4. Современные методы и средства выявления, изъятия и исследования следов рук: учеб. пособие / Л.А. Черницын [и др.]. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – 176 с.
5. Linder R., Hammer H.-J. Kriminal.u. forens. Wiss., 1977, H.30, S. 63 – 66.
6. Трапесар, М. Lifting techniques for finger marks on human skin previous enhancement by Swedish Black powder - A preliminary study / М. Трапесар // Science and Jus-tice 49 (2009). – P. 292 – 295.
7. Моисеева, Т.Ф. Комплексное криминалистическое исследование потожировых следов человека / Т.Ф. Моисеева. – М.: Городец-издат, 2000. – 225 с.
8. Ingvoldstad, H. Kriminalistik / H. Ingvoldstad. – 1978, Bd 12, S. 471.
9. Sampson, WC. Latent fingerprint evidence on human skin / WC. Sampson // Forensic Identification 46 (2).
10. Sampson, WC. Sequential applications in the development and recovery of latent fingerprint evidence from human skin / WC. Sampson // Fingerprint World 23 (89).
11. Futrel, I.R. Latent Prints on Human Skin / I.R. Futrel // FBI Law Enforcement Bulletin, April 1996.
12. Delmas, B.J. Postmortem latent print recovery from skin surfaces / B.J. Delmas // J. Forensic Ident., 38, 49, 1988.
13. Feucht, D.A. The dental impression material latent print recovery method / D.A. Feucht // J. Forensic Ident., 45, 173, 1995.
14. Wilkinson, D.A. Europium aryl- β -diketone complexes as fluorescent dyes for the detection of cyanoacrylate developed fingerprints on human skin / D.A. Wilkinson, J.E. Watkin // Forensic Sci. Int., 60, 67, 1993.
15. Graham, D., Gray H.C. J. Forens. Sci., 1966, v.11, p. 124 – 143.
16. Graham, D. J. Forens. Sci., 1969, v.14, p. 1 – 12.
17. Angerstein, W. Forum Krim., 1969, Sonderheft 1, S. 63-71.
18. Worley, C. CSI: X-Ray Fingerprints / C. Worley // Discoveries and Breakthroughs Inside Science [Электронный ресурс]. – Дек. 2006. – Режим доступа: <http://www.ivanhoe.com/science/story/2006/12/224a.html>. – Дата доступа: 01.09.2014.
19. Ковашева, И.Б. Современные методы обнаружения, фиксации и изъятия следов рук: метод. рекомендации / И.Б. Ковашева, С.Е. Мышковский, М.М. Ятусевич. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 38 с.
20. Darlympe, B. Inherent Fingerprint Fluorescence-Detection by Laser / B. Darlympe, J. Duff, E.R. Menzel // J. Forensic Sci. 1977, 22(1), 106 – 115.

Дата поступления: 08.09.2014

89

Annotation

The article describes modern fingerprint methods for detecting sweat and fat traces of hands on the human body and the corpse. It gives the description of the mechanism of formation of sweat and fat traces of hands on the human body. It also indicates the specific features complicating the identification of traces being suitable for solving identification issues of forensic fingerprint examination. The description of methods includes their application procedure and the evaluation of their effectiveness. The article indicates the best way to organize the research in order to develop new detection methods.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРАКТИЧЕСКАЯ
НЕОБХОДИМОСТЬ ВЫДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ
ЭКОНОМИКО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СИСТЕМЕ
СУДЕБНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ**

Светличная Т.А.

Станкевич А.А.

Шумак Г.А.

канд.юрид.наук, доцент

*Государственное учреждение
«Научно-практический центр
Государственного комитета
судебных экспертиз
Республики Беларусь»*

90

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы применения в судебной экономической экспертизе знаний в экономическом анализе деятельности субъектов хозяйствования и предлагаются пути их решения.

Актуальность и проблемы применения в судебной экономической экспертизе (далее – СЭЭ) знаний в экономическом анализе активно освещаются в современных российских изданиях [1; 2]. Среди основных проблем отмечается отсутствие в РФ не только единого перечня методик и системы их сертификации в области СЭЭ, но и единых наименований видов экспертиз, назначаемых, в частности, по делам о банкротстве и требующих проведения финансового анализа [1, с. 9 – 10, 24 – 26]. Так, в системе Минюста РФ вопросы установления динамики платежеспособности, как элемента финансового состояния хозяйствующего субъекта, и влияния конкретных финансово-хозяйственных операций на данную динамику, исследуются в рамках судебной финансово-экономической экспертизы (далее – СФЭЭ), в системе МВД РФ – в рамках финансово-аналитической экспертизы. К основным экспертным методикам СЭЭ авторы относят методики экономического анализа, разработанные и опубликованные учеными-экономистами Г.В. Савицкой, А.Д. Шереметом, В.В. Ковалевым и др. Но «методики указанных авторов не являются однозначными, допускают вариантность выводов, не сертифицированы соответствующими государственными экспертными учреждениями» [1, с. 26]. Отмечается и отсутствие в РФ законодательно закрепленного порядка проведения анализа финансового состояния хозяйствующего субъекта (в то время как в силу особенностей профессиональной деятельности судебного эксперту-экономисту необходимо руководствоваться требованиями нормативных актов), и предлагается частная методика, основу которой составляют адаптированные к условиям производства СЭЭ принципы и методы анализа финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующих субъектов, разработанные российскими и зарубежными учеными [2].

Вышеназванные проблемы проведения СЭЭ существуют и в Республике Беларусь. До настоящего времени экономический анализ является одной из мало разработанных в теории и применяемых в практике СЭЭ наук экономического профиля.

В советский период о применении знаний в области экономического анализа в судебно-бухгалтерской экспертизе (далее – СБЭ) упоминается в работах А.И. Сумцова, Л.И. Георгиева, А.М. Ромашова и др. при рассмотрении содержания специальных познаний эксперта-бухгалтера, ме-

тодики экспертного исследования, и при этом мнения авторов расходятся [3; 4]. Так, одни авторы к специальным познаниям эксперта-бухгалтера, наряду с познаниями в бухгалтерском учете, относят приемы анализа финансово-хозяйственной деятельности, не раскрывая их смысл [3, с. 265], и отмечают, что эксперт-бухгалтер при исследовании проводит анализ показателей годовой и периодической отчетности [3, с. 272]. Другие авторы считают, что анализ хозяйственной деятельности не входит в компетенцию эксперта-бухгалтера [4, с. 17].

Применение знаний в области экономического анализа в судебной планово-экономической экспертизе (далее – СПЭЭ) освещается в работах В.К. Степутенковой, С.А. Плишкина, П.К. Пошюнаса и др. при рассмотрении содержания специальных познаний эксперта-экономиста по планированию, методов и объектов СПЭЭ, и дискуссионным не является [5; 6]. В частности, авторы в составе методов СПЭЭ выделяют приемы (способы) сравнительного анализа, цепных подстановок, детализации, балансовых сопоставлений [5, с. 262 – 264]; в составе объектов СПЭЭ – расчеты к проекту техпромфинпланов [5, с. 259]. Приводят задачи СПЭЭ, решение которых требует применения математических и логических приемов анализа документальных данных, наиболее полно в качестве единой системы представленных в экономическом анализе. «Это создает условия для ... использования в ... СПЭЭ ... ретроспективного экономического анализа..., его классических приемов: группировок, сравнения, элиминирования, детализации, балансовых сопоставлений и т.д.» [6, с. 3].

Не соглашаясь «с В.К. Степутенковой и С.А. Плишкиным, утверждающими, что теоретической основой СЭЭ «должен стать «судебный экономический анализ» («судебно-экономическая аналитика)», П.-З. Пошюнас отмечает: анализ хозяйственной деятельности «как научная дисциплина разрабатывает методы исследования работы предприятий. Ошибкой было бы подменять предмет экономической экспертизы методом, каковым является экономический анализ» [7, с. 92 – 93].

В современной литературе применение в СЭЭ знаний в области экономического анализа рассматривается с учетом исключения из ее классификации СПЭЭ и включения СФЭЭ.

О применении знаний в области экономического анализа, анализа финансово-хозяйственной деятельности, финансового анализа в СБЭ упоминается в работах Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили, В.А. Хмельницкого и др. при рассмотрении содержания специальных знаний эксперта-бухгалтера, методов СБЭ, и мне-

ния авторов также расходятся [8 – 10]. Ряд авторов относят знания в области экономического анализа к специальным знаниям эксперта-бухгалтера, наряду со знаниями в области бухгалтерского учета [8, с. 24; 10, с. 44]. При этом одни авторы называют экономический анализ в составе расчетно-аналитических методов СБЭ, а «приемы и процедуры финансового анализа: сравнение, сопоставление, анализ структуры, факторный анализ, коэффициентный анализ» – в составе аналитических процедур для оценки финансового состояния, др. [8, с. 116, 308 – 309]. Другие авторы приводят приемы экономического анализа – «средние и относительные величины; группировки; индексный метод; расчеты корреляционной зависимости и другие», как используемые при производстве СБЭ приемы документального контроля [10, с. 50, 53]. В составе объектов СБЭ материалы экономического (финансового) анализа авторами не называются. В ряде работ предлагается исключить из методов исследования в рамках СБЭ аналитические методы [9].

Применение знаний в области экономического (финансового) анализа в СФЭЭ освещается в работах российских авторов при рассмотрении классификации СФЭЭ, ее методов, и дискуссионным не является [11; 12]. Отмечается актуальность экономических исследований, основанных на применении «различных приемов финансово-экономического анализа, проводимого на уровне» СФЭЭ, «...для анализа финансовых результатов и определения финансового состояния предприятия ...» [11, с. 199]. Финансовый анализ называется преобладающей наукой при формировании методики экспертизы финансового состояния хозяйствующего субъекта [12, с. 375]. В составе методов СФЭЭ выделяются «методы, характерные для финансово-аналитических исследований», к которым относятся горизонтальный и вертикальный анализ балансов; факторный анализ; расчет финансовых коэффициентов; приведение показателей к сопоставимости [12, с. 377]. В составе объектов СФЭЭ (СЭЭ) материалы экономического (финансового) анализа авторами не называются [11, с. 200 – 203; 12, с. 369 – 372].

Проведение анализа хозяйственной (экономической) деятельности и анализа финансового состояния и платежеспособности и экспертизы финансового состояния и платежеспособности в судопроизводстве рассматривается в законодательстве, регулирующем сферу экономической несостоятельности (банкротства) [13; 14].

Из норм Закона №415-З следует, что в нем разграничены анализ хозяйственной (эконо-

мической) деятельности (ст. 77) и анализ финансового состояния и платежеспособности должника (ст.ст. 77, 43) [13]. При этом анализ хозяйственной (экономической) деятельности должника проводит управляющий (ст. 77), а анализ финансового состояния и платежеспособности – управляющий (ст. 77), и при необходимости для его проведения хозяйственным судом может быть назначена экспертиза финансового состояния и платежеспособности должника (ст. 43). Предусмотрена возможность назначения хозяйственным судом указанной экспертизы и для достоверного и полного определения финансового состояния и платежеспособности должника, причем деятельность «судебных экспертов, связанная с экспертизой ..., осуществляется в соответствии с законодательством о судебно-экспертной деятельности (ст.47)».

Из положений Инструкции №140/206 следует, что, во-первых, расчет указанных в ней коэффициентов платежеспособности анализом финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования не является [14]. Так, в ней установлено, что результаты «расчета коэффициентов платежеспособности субъекта хозяйствования оформляются согласно приложению» к ней (п.9), а по результатам «анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования проводится подготовка экспертных заключений о финансовом состоянии и платежеспособности субъектов хозяйствования» (п. 4). При этом отдельное документальное оформление результатов анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования, а также использование при его проведении рассчитанных коэффициентов платежеспособности не предусмотрено. Во-вторых, анализ финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования включает и анализ финансовых результатов (п. 15), и показатели финансовой устойчивости (п. 17). Однако из приведенного в ст.1 Закона №57-3 определения термина «отчетность» следует, что финансовое положение и финансовые результаты являются разными категориями [15]. При этом в данном Законе термины «финансовое состояние», «финансовая устойчивость» при раскрытии термина «отчетность» не применяются. В-третьих, названный в ней анализ финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования, с учетом порядка его оформления (п.4) и содержания ст.43 Закона №415-3, представляет собой проведение экспертизы финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования для проведения анализа финансового состояния

и платежеспособности субъекта хозяйствования – должника.

Таким образом, в приведенных актах законодательства проведение анализа и экспертизы финансового состояния и платежеспособности не разграничено; регулирование вопросов проведения анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования и проведения экспертизы и судебной экспертизы финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования полным и однозначным не является. В приведенных и в других актах законодательства термины «финансовое состояние» («финансовое положение»), «платежеспособность», «финансовые результаты», «финансовая устойчивость» не определяются, и их соотношение не рассматривается; проведение анализа хозяйственной (экономической) деятельности субъектов хозяйствования и оформление его результатов не регулируется.

Вместе с тем, в должностные обязанности экономиста включено проведение экономического анализа хозяйственной деятельности либо анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций; бухгалтера – участие в проведении экономического анализа хозяйственной деятельности организации по данным бухгалтерского учета и отчетности [16], а виды работ по названным должностям относятся к соответствующим функциям управления [17].

Таким образом, правовые и методологические основы проведения экономического анализа хозяйственной (финансово-хозяйственной) деятельности организаций как функции управления и требования к документальному оформлению и использованию его результатов в действующем законодательстве не определены. Вместе с тем, регулируются организационные основы проведения его как функции управления [16; 17], а также документирование управленческой деятельности [18]. Поэтому для того, чтобы материалы экономического анализа деятельности организации являлись объектом СЭЭ, осуществление данной функции должно быть в установленном порядке документировано.

Вопросы анализа финансовых результатов, финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования освещаются во многих литературных источниках [19 – 28 и др.]. Авторами наряду с термином «анализ» используется термин «оценка».

Термин «финансовый анализ» появляется в современной российской и белорусской литературе и разными авторами рассматривается по-разному. Вместе с тем, ученые признают финансовый анализ частью экономического

анализа, относящейся к финансам субъектов хозяйствования (финансовым показателям, подсистеме финансов) как отдельной составной части экономического объекта управления в отличие от производственного (технично-экономического) анализа [20, с. 98; 21, с. 644; 23, с. 11; 24, с. 12; 26, с. 22, 92].

Экономический анализ имеет собственные, отличные от других экономических наук, теоретико-методологические и организационные основы. В литературных источниках рассматриваются понятие и содержание экономического анализа, его цель и задачи, объект и предмет, а также метод, методология и методики, инструментарий, организация, др.

Белорусским ученым В.И. Стражевым современное состояние анализа хозяйственной деятельности оценивается как активно развивающееся [26, с. 100]. Вместе с тем, отмечается, что «качественный уровень теоретико-методологических основ, а отсюда методик такого анализа как в специальной экономической литературе, так и в практике управления хозяйственной деятельностью еще отстает от современных требований обеспечения управления необходимой аналитической информацией...» [26, с. 108 – 109]. Важнейшей проблемой в его развитии называется отсутствие до сих пор «единства в понимании сущности, содержания, соотношения, принципиального различия и взаимосвязи таких фундаментальных основополагающих категорий, как объект и предмет анализа хозяйственной деятельности» [26, с. 109]. Кроме того, подчеркивается, что хозяйственная деятельность «как управляемая подсистема или объект управления еще недостаточно теоретически и практически раскрыта, не определено, из каких элементов она состоит, каковы их сущность, содержание и взаимосвязь. В литературе и практике структура и содержание хозяйственной деятельности понимаются по-разному» [26, с. 111]. В то же время, от объекта управления, т.е. от законов и принципов действия управляемой подсистемы, зависит методика анализа, поскольку она должна учитывать: специфику управляемого объекта, его содержание, его основные устойчивые внутренние и внешние причинно-следственные связи (факторы); приемы, способы или частные методы измерения (расчета) и обобщения величины влияния факторов на изменение и динамику результативных (анализируемых) показателей [26, с. 38 – 39, 109, 113, 115]. По мнению ученого, «объект анализа, выраженный в определенных показателях», является первым «актуальным направлением повышения эффективности методики» [26, с. 113].

Проведенное нами обобщение научной литературы полностью подтверждает мнение В.И. Стражева о существующих проблемах в определении объектов экономического (финансового) анализа и важности и необходимости их решения.

Так, большинство российских и белорусских ученых финансовые результаты либо прибыль и рентабельность рассматривают как самостоятельный объект анализа, отдельно от финансового состояния и платежеспособности [20, с. 214; 21, с. 547; 22, с. 150; 23, с. 260; 24, с. 225; 27, с. 73]. При этом некоторые авторы формирование финансовых результатов относят к факторам формирования состояния финансов предприятия (а не финансового состояния) [22, с. 150]. В то же время, финансовые результаты рассматриваются и в составе финансовой устойчивости [25, с. 384].

Финансовое состояние и платежеспособность как объекты анализа рассматриваются в различных сочетаниях и в сочетании с другими категориями: финансовое состояние и финансовая устойчивость отдельно от платежеспособности и ликвидности [23, с. 543, 577]; финансовое состояние (состояние финансов), включая платежеспособность [22, с. 37, 93; 24, с. 287, 348; 25, с. 452, 455]; финансовое состояние отдельно от финансовой устойчивости, платежеспособности и ликвидности [27, с. 105, 107]; финансовое состояние и платежеспособность [20, с. 239]; платежеспособность и финансовая устойчивость [19, с. 20]; ликвидность и платежеспособность [21, с. 495].

В некоторых зарубежных литературных источниках обсуждаются отдельно анализ баланса (равновесия, задолженности, автономии) и финансовый анализ счета результатов (деятельности, рентабельности, риска) [28, с. 44, 96]. Отмечается значение баланса как сильной поддержки «при изучении финансового равновесия предприятия и риска его нарушения (так как изучение равновесия имеет главной целью определение существующих или потенциальных факторов нарушения равновесия)». При изучении финансового анализа счета результатов отмечается, что наряду с финансовым равновесием принято диагностировать уровень активности, экономические и финансовые результаты и способность к самофинансированию [28, с. 96]. Финансовый результат исследуется отдельно от результата хозяйственной деятельности [28, с. 97, 100], а самофинансирование – с платежеспособностью [28, с. 111].

Из отдельных литературных источников следует, что *и платежеспособность, и финансовая устойчивость являются видами оценки*

(характеристиками) финансового состояния (положения) организации [19, с. 20-21, 33; 23, с. 543 – 545, 577 – 579; 24, с. 287 – 288, 311, 348]. При этом авторами отмечается, что финансовая устойчивость также сводится к платежеспособности, а последняя – к ликвидности, хотя и зависит от ее степени [19, с. 20 – 21; 23, с. 543, 579; 24, с. 348 – 350].

В литературе называется ряд проблем измерения платежеспособности, финансовой устойчивости и финансового состояния на основе расчета коэффициентов [19, с. 29 – 34]. Они выражаются в отсутствии единства мнений авторов о наборе показателей (их количестве и возможных комбинациях) и их наименованиях. Как отмечается, «спор ... не может найти решения ... пока ... стороны не придут к убеждению, что показатели для оценки финансового или общеэкономического состояния предприятия должны составлять не набор, а систему...» [19, с. 33].

Таким образом, основной проблемой современного экономического (финансового) анализа финансовых результатов, финансового состояния и платежеспособности субъекта хозяйствования является отсутствие однозначных определений данных объектов, установления границ каждого из них и связей между собой и с такими категориями, как ликвидность, финансовая устойчивость, финансовое равновесие.

Вместе с тем в статьях отдельных белорусских авторов содержатся предложения по решению данной проблемы [29 – 31]. Так, экономика и финансы субъекта хозяйствования рассмотрены с позиций системного подхода, выявлены экономическая система субъекта хозяйствования и место в ней системы финансов и производственно-экономической системы как объектов управления, представленные в бухгалтерском балансе, предложена модель и дано определение системы финансов [29, с. 53 – 54; 30, с. 22 – 25]. Определены понятие финансовой устойчивости субъекта хозяйствования и ее компоненты – финансовое равновесие и финансовый риск; понятие финансового равновесия и его составляющие, в частности, платежеспособность [29, с. 54; 31, с. 53]. Предложено понятие потенциальной финансовой устойчивости субъекта хозяйствования, отражающей его производственно-экономическую систему.

Наличие теоретических проблем применения в СЭЭ знаний в экономическом (финансовом) анализе, включающих как проблемы теории СЭЭ, так и проблемы теории и законодательного регулирования экономического анализа, подтверждается и современной экспертной практикой.

Так, обобщение экспертной практики показало, что СЭЭ по вопросам, рассматриваемым в рамках НИР, назначались не редко: за изученный период количество таких экспертиз составило 157 при общем количестве назначенных и выполненных экспертиз – 1073, или 14%.

Как правило, вопросам о влиянии сделок на финансовое состояние, платежеспособность субъекта хозяйствования предшествовала постановка вопросов о заведомой убыточности договора, экономической целесообразности его заключения и т.п. В отдельных случаях перед экспертами ставились вопросы по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности предприятия за указанный в них период.

При решении вопросов экспертами применялись инструкции по анализу финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования, утвержденные уполномоченными министерствами Республики Беларусь, действующие в соответствующий период времени. Основным объектом исследования являлась бухгалтерская отчетность субъектов хозяйствования. По сути, в рамках СЭЭ проводился экономический (финансовый) анализ с установлением платежеспособности субъектов хозяйствования. Исследование финансового состояния субъектов хозяйствования не осуществлялось (эксперты приводили лишь его определения, различающиеся по формулировкам).

Из заключений СЭЭ не следует, что экспертами применялись методики анализа финансового результата, финансового состояния, платежеспособности предприятий, предлагаемые учеными-экономистами в литературе по экономическому (финансовому) анализу.

В ходатайствах и заключениях экспертов в составе объектов исследования материалы экономического (финансового) анализа деятельности субъектов хозяйствования, в том числе проведенного субъектами хозяйствования, не указывались.

Таким образом, с одной стороны, имеются проблемы применения в СЭЭ знаний в экономическом анализе. Они включают вышеназванные проблемы теории и законодательного регулирования самого экономического анализа как экономической науки и функции управления, а также теории и законодательного регулирования самой СЭЭ, в частности по вопросам, требующим исследования финансовых результатов, финансового состояния и платежеспособности.

С другой стороны, имеются положительные тенденции развития теоретико-методологических основ экономического анализа, в част-

ности, в Республике Беларусь, а также законодательно урегулированные организационные основы его осуществления как функции управления и документирования. Кроме того, имеется опыт использования в СЭЭ методов и методик экономического (финансового) анализа.

В теории судебной экспертизы [32, с. 77] этап накопления эмпирического материала, отбора и заимствования из базовой науки методов и методик, которые могут быть использованы в производстве экспертиз нового вида (рода) непосредственно, относится к первому этапу процесса формирования частных теорий новых родов и видов судебных экспертиз.

Известно, что сущность судебной экспертизы заключается в исследовании обстоятельств дела на основе специальных знаний [32, с. 81]. В основе СЭЭ «лежат данные и методы экономических наук» [7, с. 31]. Основными объектами исследования каждого рода СЭЭ выступают документы, содержащие экономически значимую информацию [12, с. 369], т.е. полученную с использованием методов соответствующих для каждого рода СЭЭ базовых наук экономического профиля. Поскольку при осуществлении такой функции управления, как экономический анализ, должны создаваться документы, для их экспертного исследования необходимы специальные знания в области экономического анализа. Следовательно, экономический анализ будет являться базовой наукой СЭЭ при исследовании подобных документов.

В связи с установлением данного обстоятельства и для решения вышеназванных проблем применения в СЭЭ знаний в экономическом анализе предлагается:

– выделить в СФЭЭ впервые в Республике Беларусь особый вид – судебную экономико-аналитическую экспертизу (СЭАЭ), базовой наукой которой является экономический анализ, и в ней подвид – судебную финансово-

аналитическую экспертизу (СФАЭ), осуществляемую на основе знаний финансового анализа как вида экономического анализа;

– разработать основы частной теории СФАЭ. При этом использовать предложенные белорусским автором Ю.М. Уласевич [29 – 31] определение системы финансов субъекта хозяйствования, ее элементную структуру и отражающие ее показатели учета и отчетности; определение финансового равновесия субъекта хозяйствования, образующей его совокупности устойчивых соотношений параметров, описывающих состояние системы финансов, и отражающих эти соотношения показателей, в частности, платежеспособность. Это позволяет отграничить финансовое состояние (состояние системы финансов) субъекта хозяйствования от других объектов экономического (финансового) анализа, в частности, производственно-экономического состояния, скорректировать подходы при определении влияния хозяйственных операций на финансовый результат деятельности, финансовое состояние и платежеспособность субъекта хозяйствования.

Выделение СЭАЭ в составе СФЭЭ и последующая разработка основ частной теории СЭАЭ позволяет решить, прежде всего, ряд теоретико-методических проблем применения в СЭЭ знаний в экономическом анализе. Во-первых, разграничить СЭЭ и экономический анализ. Во-вторых, ведет к появлению новых объектов СЭЭ – материалов экономического анализа, и увеличивает возможности исследования традиционных объектов СЭЭ с целью извлечения большей информации, что соответственно расширит перечень задач, решаемых СЭЭ. Разработка основ частной теории СФАЭ позволяет решить данные проблемы в части применения в СЭЭ знаний в финансовом анализе как виде экономического анализа.

Список использованных источников

1. Научное обеспечение доказательств по уголовным делам об экономических преступлениях как гарантия защиты бизнеса в России (Обобщение правоприменительной практики). – М., 2012. – 64 с.
2. *Виноградова, М.М.* Теоретические и методологические основы экспертного исследования финансового состояния хозяйствующего субъекта при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/teoreticheskie-i-metodologicheskie-osnovy-ekspertnogo-issledovaniya-finansovogo-sostoyaniya>. – Дата доступа: 20.10.2014.

3. Судебно-бухгалтерская экспертиза // Назначение и производство судебных экспертиз: пособие для следователей, судей и экспертов / Отв.ред. Г.П. Аринушкин, А.Р. Шляхов. – М.: Юрид. лит., 1988. – С. 265 – 275.
4. *Георгиев, Л.И.* Судебно-бухгалтерская экспертиза в суде. В помощь судьям // Л.И. Георгиев, А.М. Ромашов / ВНИИСЭ. – М., 1976. – 121 с.
5. Судебная планово-экономическая экспертиза // Назначение и производство судебных экспертиз: пособие для следователей, судей и экспертов / Отв.ред. Г.П. Аринушкин, А.Р. Шляхов. – М.: Юрид. лит., 1988. – С. 256 – 265.

6. Применение традиционных методов и приемов экономического анализа при решении задач судебной планово-экономической экспертизы: метод. рекомендации для экспертов / М-во юстиции СССР, ВНИИСЭ. – М., 1987. – 35 с.
7. *Пошюнас, П.-З.* Судебная ревизия и судебно-экономические экспертизы / П.-З. Пошюнас. – Вильнюс: Минтис, 1990. – 232 с.
8. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб. пособие для студентов вузов / Е.Р. Россинская [и др.]; под ред. Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 383 с.
9. *Пащенко, Т.В.* Развитие теории и практики бухгалтерской экспертизы: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – Пермь, 2010. – Режим доступа: <http://economy-lib.com/razvitie-teorii-i-praktiki-buhgalterskoj-ekspertizy>. – Дата доступа: 20.10.2014.
10. *Хмельницкий, В.А.* Судебно-бухгалтерская экспертиза: учебник / В.А. Хмельницкий. – Минск: БГУ, 2005. – 207 с.
11. Современные возможности судебных экспертиз: метод. пособие для экспертов, следователей и судей / РФЦСЭ. – М., 2000. – 261 с.
12. Возможности производства судебной экономической экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях России. Науч. изд. / РФЦСЭ. – М.: Антидор, 2004. – 482 с.
13. Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Респ. Беларусь от 13.07.2012 №415-3 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
14. Инструкция о порядке расчета коэффициентов платежеспособности и проведения анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования, утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь и М-ва экономики Респ. Беларусь от 27.12.2011 №140/206 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
15. О бухгалтерском учете и отчетности: Закон Респ. Беларусь от 12.07.2013 №57-3 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
16. Выпуск 1 Единого квалификационного справочника должностей служащих (ЕКСД) «Должности служащих для всех видов деятельности», утв. постановлением М-ва труда Респ. Беларусь от 30.12.1999 №159 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
17. Методические рекомендации по определению оптимальных соотношений численности руководителей, специалистов и других служащих аппарата управления коммерческих организаций, утв. постановлением М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь от 19.05.2009 №63 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
18. Инструкция по делопроизводству в государственных органах, иных организациях, утв. постановлением М-ва юстиции Респ. Беларусь от 19.01.2009 №4 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
19. *Абрютина, М.С.* Анализ финансово-экономической деятельности предприятия: учеб.-практ. пособие / М.С. Абрютина, А.В. Грачев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Дело и сервис, 2001. – 272 с.
20. *Шеремет, А.Д.* Теория экономического анализа: учебник / А.Д. Шеремет. – 2-е изд., доп. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 367 с.
21. *Ковалев, В.В.* Анализ баланса, или Как понимать баланс / В.В. Ковалев, Вит.В. Ковалев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2013. – 784 с.
22. *Русак, Н.А.* Финансовый анализ субъекта хозяйствования: справ. пособие / Н.А. Русак, В.А. Русак. – Минск: Вышэйш. шк., 1997. – 309 с.
23. *Савицкая, Г.В.* Экономический анализ: учеб. / Г.В. Савицкая. – 11-е изд., испр. и доп. – М.: Нов. знание, 2005. – 651 с.
24. *Савицкая, Г.В.* Анализ хозяйственной деятельности: учебник / Г.В. Савицкая. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: РИПО, 2012. – 367 с.
25. *Елисеева, Т.П.* Экономический анализ хозяйственной деятельности: учеб. пособие / Т.П. Елисеева. – Минск: Современ. шк., 2007. – 944 с.
26. *Стражев, В.И.* Теория анализа хозяйственной деятельности: учеб. пособие / В.И. Стражев. – 2-е изд., испр. – Минск: Вышэй. шк., 2014. – 143 с.
27. *Ветрова, Н.В.* Финансы предприятий (организаций): ответы на экзаменационные вопросы / Н.В. Ветрова. – Минск: Тетралит, 2014. – 160 с.
28. *Коласс, Б.* Управление финансовой деятельностью предприятия. Проблемы, концепции и методы: учеб. пособие / Б. Коласс / Пер. с франц. под ред. проф. Я.В. Соколова. – М.: Финансы, ЮНИТИ, 1997. – 576 с.
29. *Уласевич, Ю.М.* Сущность финансовой устойчивости субъекта хозяйствования // Бухгалтерский учет и анализ: науч.-практ. журн. – 2013. – №6 (198). – С. 44 – 55.
30. *Уласевич, Ю.М.* Система финансов субъекта хозяйствования в условиях рыночных отношений / Ю.М. Уласевич / Бухгалтерский учет и анализ: науч.-практ. журн. – 2014. – №1 (205). – С. 19 – 25.
31. *Уласевич, Ю.М.* Финансовое равновесие субъектов хозяйствования: определение и содержание / Ю.М. Уласевич / Бухгалтерский учет и анализ: науч.-практ. журн. – 2012. – №10 (190). – С. 47 – 53.
32. *Россинская, Е.Р.* Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Норма, 2009. – 384 с.

Дата поступления: 29.10.2014

Annotation

This article discusses the issues of using knowledge in the field of economic analysis of the activities of economic agents in forensic economic science and suggests the ways to address them.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

**ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С СОБЛЮДЕНИЕМ
ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА****Тальянчук И.С.***Государственный научно-исследовательский экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Украины***Аннотация**

В статье рассмотрены возможности судебной экономической экспертизы по решению проблем соблюдения земельного законодательства. С разных точек зрения законодательного регулирования земельных отношений в Украине приведены основные положения проведения судебной экономической экспертизы, документы, подлежащие исследованию, общие и специальные методы исследования бухгалтерских документов, для установления истины в расследовании уголовных производств.

Земля признана национальным богатством Украины, является неотъемлемой частью жизни человека и может выступать специфическим средством производства. Каждый земельный участок уникален по своему месту расположения и внешнему окружению, земля выступает недвижимым имуществом в вещевом отношении, однако стоимость земли с каждым годом увеличивается, а предложения на землю ограничены самой природой.

Несовершенство налогового законодательства, неудовлетворительное состояние ведения кадастровой документации, незавершенность инвентаризации земель, отсутствие документации о наличии права собственности или пользования земельными участками, неправильное оформление и заключение договоров аренды, отсутствие фискального контроля со стороны налоговых органов, халатность, а чаще умышленное злоупотребление служебными лицами своими служебными полномочиями порождают практику грубого нарушения нормативно установленного порядка обращения с земельными участками, исчисления и уплаты за землю. Все перечисленные факторы усложняют процесс выявления и расследования преступлений, связанных с несоблюдением земельного законодательства. Сказанное подтверждается количеством уголовных производств по фактам уклонения от уплаты налогов и, как следствие этого, недополучения средств бюджетом Украины.

Исследованием вопроса платы за землю занимались отечественные ученые по таким направлениям правовых отношений, как земельные, налоговые, процессуальные и др. Среди них В.З. Янчук, В.Н. Гайворонский, В.П. Жушман, Ю.М. Крупко, Л.М. Горбунов, А.А. Погребной, М.В. Шульга, М.П. Кучерявенко, Г.Ю. Бех, И.Е. Криницкий и др.

Целью научной статьи является раскрытие возможностей судебной экономической экспертизы в расследовании и раскрытии преступлений, связанных с нарушением налогового, земельного законодательства в части взимания платы за землю.

Актуальность статьи определяется процессуальными особенностями сбора доказательной базы в раскрытии и расследовании преступлений в сфере земельных отношений. Рассматривается сочетание налогового,

земельного, уголовного и процессуального законодательства, использование возможностей судебной экономической экспертизы.

В соответствии со ст. 78 Земельного кодекса Украины право собственности на землю – это право владеть, пользоваться и распоряжаться земельными участками [1, с. 3]. Статьями Кодекса установлены случаи приобретения права собственности на землю, допустимые размеры земельного участка, субъекты права собственности, права и обязанности землевладельцев по использованию земельного участка. Главой 15 «Право пользования землей» установлены положения права постоянного пользования земельным участком, как право владения и пользования земельным участком, находящимся в государственной или коммунальной собственности, без установления срока, и право аренды земельного участка, как основанное на договоре срочное платное владение и пользование земельным участком, необходимым арендатору для осуществления предпринимательской и иной деятельности [1, с. 8]. В соответствии со ст. 206 Земельного кодекса Украины использование земли в Украине является платным. Объектом платы за землю является земельный участок.

98

В зависимости от того, на какой правовой основе реализуется право использования земельного участка, определяется и вид, и размер платы. В соответствии с положениями п. 14.1.147 ст. 14 Налогового кодекса Украины «... плата за землю – общегосударственный налог, взимаемый в форме земельного налога и арендной платы за земельные участки государственной и коммунальной собственности ...» [2, с. 42]. В положениях Налогового кодекса Украины определено, что плательщиками налога за землю являются собственники земельных участков и землепользователи.

Право постоянного пользования земельным участком из земель государственной и коммунальной собственности приобретают только предприятия, учреждения и организации, относящиеся к государственной и коммунальной собственности. В соответствии с положениями ст. 1 Закона Украины «Об аренде земли» аренда земли – это основанное на договоре срочное платное владение и пользование земельным участком, необходимым арендатору для проведения предпринимательской и других видов деятельности [3, с. 280]. В законе определен субъективный состав отношений по аренде земли: права и обязанности субъектов, особенности договорных отношений, их существенные условия и приложения, особенности осуществления платы за землю.

Однако, при наличии законодательного регулирования вопроса взимания платы за землю возникает большое количество судебных споров, основным доказательным базисом решения которых является применение возможностей судебной экономической экспертизы. Спорными вопросами являются начало возникновения обязанности у налогоплательщика платы за землю, наличие фактов включения земельного налога в размер арендной платы за пользование земельным участком, нормативное установление размера платы за землю и др. Рассмотрим особенности решения этих вопросов на примерах их раскрытия, используя возможности судебной экономической экспертизы.

Начнем с основы документального обеспечения судебной экономической экспертизы в раскрытии нормативного регулирования земельных отношений. В соответствии с земельным законодательством передача в аренду земельных участков государственной и коммунальной собственности осуществляется на основании решения сельских, поселковых, городских советов, в котором указывается субъективный состав арендных отношений, площадь земельного участка, его целевое назначение. Законодательством об аренде земли установлены основные существенные условия договора, среди которых кроме площади, субъективного состава, целевого назначения, определяются сроки передачи в аренду земельных участков, факт проведения или не проведения нормативной денежной оценки земельных участков, процентная ставка платы за землю в зависимости от целевого назначения земельного участка, сроки ее выплаты и др. Вместе с договором на судебную экономическую экспертизу подаются и приложения к нему, что определено в положениях ст. 15 Закона Украины «Об аренде земли», а именно: «... план или схема земельного участка, который передается в аренду; кадастровый план земельного участка с отображением ограничений (отягощений) в ее использовании и установленных земельных сервитутов; акт определения границ земельного участка в натуре (на местности); акт приема-передачи объекта аренды; проект отвода земельного участка в случае его разработки согласно закону...» [3, с. 291].

Как отмечалось выше, в договоре об аренде земельного участка указывается факт проведения или не проведения нормативной денежной оценки. В соответствии с Законом Украины «Об оценке земель» – «... нормативная денежная оценка земельных участков используется для определения размера земельного налога, государственной пошлины при мене, наследо-

вании и дарении земельных участков по закону, арендной платы за земельные участки государственной и коммунальной собственности, потерь сельскохозяйственного и лесохозяйственного производства ... » [4, с. 235]. Именно в процентном порядке от суммы нормативной денежной оценки земельного участка уплачивается арендная плата за землю.

Согласно положениям Налогового кодекса Украины базой налогообложения платы за землю является нормативная денежная оценка земельных участков с учетом коэффициента индексации и площади земельных участков, нормативная денежная оценка которых не проведена. Из вышеизложенного следует обязанность проведения индексации нормативной денежной оценки земельных участков, порядок проведения которой определяется ст. 289 Налогового кодекса Украины [2, с. 273].

Согласно налоговому законодательству, обязанность уплаты налога на землю возникает с момента регистрации прав собственности (пользования) на земельный участок. При заключении договора аренды право собственности не переходит к арендатору, как и обязанность уплачивать земельный налог. Однако, все же существует практика включения суммы земельного налога в сумму арендной ставки, что является нарушением п. 87.7 ст. 87 Налогового кодекса Украины [2, с. 113].

Рассматривая земельные отношения в системе бухгалтерского учета, следует отметить, что в соответствии с Положением (стандартом) бухгалтерского учета №7 «Основные средства» (далее – П(С)БУ) – основными средствами в бухгалтерском учете являются, кроме основных, земельные участки и капитальные расходы на улучшение земель, не связанные со строительством. Расходы на приобретение земельного участка и отражения их в бухгалтерском учете осуществляются в размере первоначальной стоимости земельного участка, определенной с соблюдением положений статей П(С)БУ №7 [5, с. 2].

В положениях статей раздела XIII Налогового кодекса Украины установлены ставки налога в зависимости от целевого назначения земельного участка и места его расположения, ставки налога, нормативная денежная оценка которых проведена или не проведена, случаи освобождения от налогообложения использования земельных участков, порядок проведения индексации нормативной денежной оценки земельных участков, определены налоговый период и сроки уплаты земельного налога, порядок проведения льготного налогообложения. Также положениями Налогового кодекса Украины установлен предельный размер пла-

ты за земельный участок и обязанность уплаты платежей только в денежной форме.

Основным элементом преступлений уклонения от уплаты налогов и сборов, предусмотренных положениями Уголовного кодекса Украины, является недополучение средств бюджетом Украины. Основными способами уклонения может быть умышленное занижение ставок налога за землю для различных категорий земель по целевому назначению, заключение служебными лицами договоров аренды земли с заниженными арендными ставками, отсутствие нормативного отражения в договорах аренды необходимости проведения индексации определенной аренды, несоответствие требованиям нормативно-правовых актов по определению нормативной стоимости земельных участков в качестве базового элемента установления ставки налога и аренды и др. Для раскрытия механизма уклонения от уплаты налогов и сборов экспертами-экономистами используются основные методы и приемы бухгалтерского, налогового учета.

Выявлением фактов уклонения от уплаты налогов занимаются контролирующие органы, в составе которых есть налоговая милиция.

Как определено в положениях п. 2 ст. 84 Уголовного процессуального кодекса Украины, процессуальными источниками доказательств являются показания, вещественные доказательства, документы и заключения экспертов [6, с. 41]. Рассматривая положения ст. 212 Уголовного кодекса Украины, уклонение от уплаты налогов, сборов (обязательных платежей), применительно к плате за землю, как одного из основных положений владения и пользования земельными участками, именно выводы экспертов несут весомый вклад в доказательную базу при расследовании данного преступления [7, с. 240]. При раскрытии вышеуказанного уголовного преступления правоохранительными органами назначаются и другие виды судебных экспертиз, такие как почерковедческая, техническая экспертиза документов, экологическая экспертиза, земельно-техническая и земельно-оценочная.

Судебные экономические экспертизы по уголовным производствам в целом проводятся по актам проверок финансово-хозяйственной деятельности, проведенных специалистами государственных финансовых и налоговых инспекций, предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности. Основными документами, которые подлежат исследованию экспертами-экономистами, являются:

– документы, отражающие правовую основу наложения платы за землю – документы,

подтверждающие право собственности (пользования);

- договоры аренды земельного участка – содержат информацию о начале налогового периода, размере арендной ставки, сроке действия договора, его сторонах, размере земельного участка, порядке проведения индексации, ставке земельного налога, сведения о проведенной нормативной денежной оценке земельных участков;

- материалы Государственного земельного кадастра – содержат информацию о количественных и качественных показателях земельного участка, его границах, целевом назначении, правовом статусе, действующих ограничениях в использовании и другую информацию;

- документы бухгалтерского учета физического лица-предпринимателя и (или) юридического лица – списание (начисление) средств со счетов, банковские выписки по счетам (в том числе казначейства), налоговые декларации с приложениями и др.;

- заключения других судебных экспертиз и другие документы.

При проведении судебной экономической экспертизы эксперты ссылаются не только на представленную на экспертизу документацию, но и на законодательную базу, регулиующую вопрос определения ставки налога к земельному участку соответствующего целевого назначения за соответствующий период времени (исследуемый период). Это обусловлено тем, что за последние годы в законодательную базу по определению и взиманию платы за землю вносились изменения, связанные с принятием Налогового кодекса Украины и, как следствие, прекращением действия ряда законов Украины. Поэтому, при проведении экспертиз исследуемые периоды разбиваются и исследуются отдельно, в соответствии с действующим на тот момент законодательством.

Эксперты-экономисты в своей деятельности могут использовать различные методы, как общие, так и специальные. Использование методов в сочетании предоставляет возможность эксперту решить поставленные перед ним вопросы. Кроме определенных законодательством положений регулирования платы за землю экспертами-экономистами используются специальные методы, среди которых основными являются метод моделирования, документальная проверка и сопоставление.

Раскроем их содержание на примерах проведения судебных экономических экспертиз по вопросам подтверждения совершения платы за землю постоянными пользователями; пользователями земельных участков на правах

аренды, а также общие возможности судебной экономической экспертизы в подтверждении фактов уклонения от уплаты налогов, сборов (обязательных платежей).

Метод документальной проверки, с целью достижения поставленных целей и задач, включает следующую триаду способов (приемов): фактическую, нормативную и арифметическую проверку. Приемы фактической проверки документов позволяют эксперту-экономисту изучить бухгалтерские и другие документы по форме и содержанию, а именно: при исследовании документов, связанных с взиманием платы за землю, необходимо обращать внимание на содержание и форму договоров аренды (их реквизиты, подписи, сроки) и приложения к нему, реквизиты платежных поручений на списание средств (наличие или отсутствие печатей, штампов, подписей), оформление и отражение налоговых деклараций и другую информацию. В случаях сомнения в достоверности представленных документов эксперты-экономисты могут обращаться с ходатайством о предоставлении заключений криминалистических экспертиз по необходимым направлениям.

Нормативная проверка представленных документов позволяет установить правильность составления и достоверность отражения сведений требованиям нормативно-правовых актов по ведению бухгалтерского и налогового учета. Использование нормативной проверки дает возможность эксперту выявить нормативно правильно оформленные, но незаконные по содержанию документы. Использование в учете недоброкачественных бухгалтерских и налоговых документов позволяет установить круг ответственных лиц и дальнейшую проверку на достоверность других, составленных такими лицами документов, поступивших на экспертизу. На практике существуют случаи применения ставок налога или установления арендной платы для земель, нормативная денежная оценка которых не проведена. Однако, на соответствующие запросы в региональные отделения земельных ресурсов подтверждается наличие действующей нормативной денежной оценки земельных участков на дату заключения договора аренды или наступления момента налогообложения. Еще одним примером использования возможностей нормативной проверки является заведомо неправильное применение ставки налога, нормативно установленной Налоговым кодексом Украины для соответствующей, по целевому назначению, категории земельного участка.

С помощью арифметической проверки устанавливается правильность осуществления арифметических подсчетов, составленных

итогах. Например, нормативно установлено, что неотъемлемыми частями заключенного договора аренды земельного участка является произведенный расчет арендной платы за периоды, в соответствии с которым в зависимости от суммы нормативной денежной оценки земельного участка, его площади, ставки налога устанавливается размер ежемесячной оплаты за землепользование. Правильность расчета арендной платы экспертами-экономистами проверяется посредством использования простых математических расчетов.

В соответствии с методом сопоставления экспертами-экономистами сопоставляется информация о проведенной операции из разных источников ее отражения в бухгалтерском учете; сопоставление документов, отражающих факт совершения операции с документами, подтверждающими возможность и обязанность их осуществления. Целью данного метода является установление противоречий между осуществленной операцией и ее нормативным отражением. Сопоставление документов является элементом такого ревизионного действия, как взаимная проверка, предусматривающая сравнение различных по характеру документов и учетных данных одной операции. При расследовании преступлений в сфере земельных

отношений экспертами-экономистами могут сопоставляться договоры на аренду земельных участков, платежные поручения и банковские выписки, первичные и производные бухгалтерские документы и др.

Как показывает практика, совершение преступлений по уклонению от уплаты налогов и других обязательных платежей сопровождается сокрытием, изменением, уничтожением бухгалтерских документов и фактами ведения отдельных неофициальных, формальных записей. При отсутствии части документов экспертами-экономистами может применяться метод моделирования, как возможность восстановления учета в начальной форме.

Таким образом, использование совокупности основных вышеупомянутых методов исследования позволяет экспертам-экономистам в полной мере провести исследование процессов и операций осуществления хозяйственной деятельности, которые нашли свое отражение в бухгалтерском и налоговом учете; установить факты уплаты за пользование землей; установить размеры и периодичность, полноту и своевременность внесения платы за землю; подтвердить факты уклонения от уплаты за землю и арендной платы за пользование земельным участком.

Список использованных источников

1. Земельный кодекс Украины // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 2002. – №3-4. – Ст. 27.
2. Налоговый кодекс Украины / Сост. В. Кузнецов. – Х.: Фактор, 2010. – 464 с.
3. Об аренде земли: Закон Украины // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 1998. – № 46-47. – Ст. 280.
4. Об оценке земель: Закон Украины // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 2004. – №15. – Ст. 229.
5. Приказ М-ва финансов Украины «Об утверждении Положения (стандарта) бухгалтерского учета 7

- «Основные средства» от 27 апр. 2000 г. № 92, зарегистрированного в М-ве юстиции Украины 18 мая 2000 г., № 288/4509.
6. Уголовный процессуальный кодекс Украины. Закон Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в связи с принятием Уголовного процессуального кодекса Украины», 2 июля 2012 г. – К.: Алерта, 2012. – 304 с.
  7. Уголовный кодекс Украины // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 2001. – № 25-26. – Ст. 131.
  8. *Мирошниченко, А.М.* Земельное право Украины: учебник. – К.: Алерта; Центр учеб. лит., 2011. – 680 с.
  9. Земельное право Украины / Под ред. М. В. Шульги. – К.: Интер, 2004. – 368 с.
  10. *Шеремет, А.П.* Земельное право Украины: учеб. пособие [для студ. высш. учеб. учр.] / А.П. Шеремет. – [2-е изд.]. – М.: Центр учеб. лит., 2009. – 632 с.
  11. Земельное право Украины: учебник / Под ред. А.А. Погрибного и И.И. Каракаша. – Изд. 2, перераб. и дор. – К.: Истина, 2009. – 600 с.
  12. *Бандурка, А.М.* Налоговое право: учеб. пособие / А.М. Бандурка, В.Д. Поникаров, С.М. Попова. – М.: Центр учеб. лит., 2012. – 312 с.

Дата поступления: 28.10.2014

Annotation

The article discusses the possibilities of judicial economic expertise to address implementation of land laws. From different points of view of legislative regulation of land relations in Ukraine are the main provisions of the judicial economic expertise, documents to be examined, the general and special methods of investigation of accounting records, to establish the truth in the investigation of criminal proceedings.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ЗНАЧЕНИЕ КОДИФИЦИРОВАННОЙ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ ПРИ РЕШЕНИИ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ЗАДАЧ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗВУКОЗАПИСЕЙ

Черепович А.В.

канд. филол. наук

Государственное учреждение
«Научно-практический центр
Государственного комитета
судебных экспертиз
Республики Беларусь»

Основной и наиболее востребованной задачей криминалистической экспертизы звукозаписей является идентификация личности по голосу и речи. Решение данной задачи предполагает установление индивидуально-конкретного тождества между голосом и речью, зафиксированными на исходной фонограмме, и голосом и речью, представленными на фонограмме-образце (сравнительной фонограмме). Принятию решения о тождестве/различии предшествует раздельное исследование исходной и сравнительной фонограмм с целью выявления идентификационных признаков голоса и речи диктора, т.е. таких признаков, совокупность которых индивидуальна для каждого человека и практически неповторима. При проведении идентификации дикторов по голосу и речи выявляются как инструментально-измеряемые акустические, так и определяемые на слух лингвистические признаки (фонетические, лексические, морфологические, синтаксические и др.). Лингвистический анализ звучащей речи по своей значимости не уступает инструментальному, а в некоторых случаях имеет преимущества, так как дает возможность оценивать признаки, неподдающиеся в настоящее время инструментальному измерению [1, с. 19].

Современная лингвистика, используя антропоцентрический принцип исследования «человека в языке», подтверждает важную роль языковых средств для распознавания личности. В последние годы наряду с базовыми функциями языка ученые начали указывать функцию идентификации. Сущность и содержание данной функции «состоят, с одной стороны, в выделении и отождествлении человека через его индивидуальное использование языка, с другой, в определении средствами языка лингвокультурной уникальности в целом» [2, с. 42]. Таким образом, язык рассматривается как инструмент выражения индивидуальной и коллективной идентичности.

С идентифицирующей функцией языка связано понятие речевой индивидуальности. Оно было введено в современную лингвистику для обозначения «совокупности языковых и речевых признаков, которые отличают одну языковую личность от другой» [3, с. 5]. Исследования, проведенные на материале письменных текстов, позволили выделить две большие группы признаков в структуре речевой индивидуальности:

Аннотация

В статье раскрывается значение кодифицированной языковой нормы при выявлении лингвистических идентификационных признаков в речи фигурантов криминалистической экспертизы звукозаписей. Обсуждается проблема выбора пригодного для экспертной практики источника по нормативному русскому произношению. Рассматриваются особенности использования нарушенной орфоэпической нормы русского языка, возникших в результате белорусско-русской языковой интерференции, в процессе идентификации личности.

1) собственно языковые признаки, среди которых отличают «предпочтения» (последовательный выбор вариантов, не противоречащих системе языка, норме и узусу) и «нарушения» (последовательный выбор вариантов, вступающих в противоречие с ними);

2) внешне детерминированные признаки, которые связаны с характеристиками и особенностями личности, создающей текст (социальным статусом, психологическими особенностями, половой принадлежностью и т.д.) [3].

Данные признаки речевой индивидуальности релевантны и для устных текстов, выступающих объектами исследования в рамках криминалистической экспертизы звукозаписей, причем в спонтанной устной речи эти признаки выражены более ярко, чем в письменном тексте. Выявление внешне детерминированных признаков речевой индивидуальности диктора способствует решению диагностических задач криминалистической экспертизы звукозаписей, собственно языковые признаки – сфера идентификационных исследований. Идентификационной значимостью обладают как предпочтения в выборе одного из нормативных вариантов, так и отклонения от языковой нормы. Таким образом, при проведении лингвистического анализа звучащей речи в центре внимания эксперта оказывается понятие нормы и ее вариантов.

Выявление лингвистических индивидуализирующих признаков предполагает соотношение реальной реализации в речи языковых средств с нормой. В частности, фонетическая группа признаков «описывает фонетические свойства отдельных звуков или звукосочетаний, их соответствие или несоответствие произносительной норме» [4, с. 51]. Исследование специфики произношения занимает особое место в лингвистическом анализе звучащей речи, поскольку представленные на спорных фонограммах отрезки речи зачастую недостаточны для выявления признаков других групп. В связи с этим большую значимость для эксперта-лингвиста приобретает вопрос об орфоэпической норме, нормативных и ненормативных орфоэпических вариантах.

В настоящее время существует множество источников, в которых отражены нормы произношения, однако не все они в одинаковой степени пригодны для использования при производстве экспертизы. С одной стороны, нормативные источники, изданные несколько десятилетий назад, не соответствуют реальной языковой ситуации. Это обусловлено особой подвижностью орфоэпической нормы, способностью подвергаться значительным модификациям за относительно небольшой промежуток

времени. С другой стороны, многие современные словари не являются авторитетными изданиями, нередко содержат субъективные оценки кодификаторов и в итоге противоречат друг другу. Таким образом, существует необходимость целенаправленного отбора кодифицированных источников для обеспечения единообразного подхода к оценке нормативности/ненормативности фактов речи фигурантов криминалистической экспертизы звукозаписей [5, с. 14].

Наиболее полным, современным и авторитетным источником информации о нормативном произношении является изданный в 2012 г. «Большой орфоэпический словарь русского языка». Он был создан в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН крупнейшими специалистами в области русской фонетики, докторами филологических наук М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткиным и Р.Ф. Касаткиной. Словарь регламентирует произношение и ударение более 80 000 слов и представляет собой фундаментальный свод русского литературного произношения. Современность и актуальность данного издания обусловлена тем, что в нем зафиксированы особенности звучащей речи разных поколений конца XX–начала XXI вв., включено большое количество неологизмов, недавно появившихся в русском языке и нуждающихся в орфоэпическом комментарии, пересмотрены некоторые ранее сложившиеся представления о произносительных закономерностях с позиций современного уровня развития фонетической науки. Словарь содержит теоретический раздел, в котором детально изложены орфоэпические правила и определена специфика произношения звуков в разных позициях и сочетаниях.

«Большой орфоэпический словарь русского языка» дает объективное описание русского литературного произношения, фиксируя норму и реальное многообразие ее вариантов, сосуществующих в языке на данном историческом этапе. Авторы словаря не только привели все возможные варианты произношения слов и словоформ, но и указали, какое место каждый из этих вариантов занимает в литературном языке, как они соотносятся между собой по степени употребимости и принадлежности к нормам, свойственным разным поколениям носителей языка. Так, в словаре приводятся равноправные варианты (хрипе[н`и]е и хрипе[н`й]е); варианты, один из которых менее употребителен (эгои[зм] и *допуст.* эгои[зэм]); варианты, один из которых менее употребителен и относится к младшей норме, свойственной главным образом младшему поколению носителей литературного языка (дву[х`ја]русный и *допуст.*

млади. дву[xjɑ]русный); варианты, один из которых менее употребителен и относится к старшей норме, уходящей, свойственной главным образом старшему поколению (и[z]винить и *допуст. стари.* и[z']винить); варианты, характерные устарелому старомосковскому произношению (у[s]петь и *допуст. устарелое* у[s']петь); варианты из профессиональной речи (афазия, афазии || у *медиков* афазия, афазии). Также отмечаются варианты, характерные для беглой речи – при более быстром темпе, в том числе в слабой фразовой позиции, т.е. не под основным ударением фонетической синтагмы или фразы (стра[н]ый, в беглой речи возможно стра[н]ый). Ненормативные варианты в словаре приводятся с различными запретительными пометами, которые позволяют дифференцировать степень нарушения орфоэпической нормы: “не рекомендуется” (! *не рек.* крепле[нн]ый), “неправильно” (! *неправ.* гру[сч']ик), “грубо неправильно” (! *грубо неправ.* траги[з']м).

«Большой орфоэпический словарь русского языка» со всем многообразием зафиксированных в нем вариантов и системой помет к ним дает богатый материал для экспертов, способствующий выделению и квалификации индивидуализирующих признаков фонетической группы. Фиксация вариантов, характерных для беглой речи, делает словарь особо ценным нормативным источником при производстве криминалистической экспертизы звукозаписи, так как представленные на исследование фонограммы содержат преимущественно беглую речь дикторов. Тем не менее использование «Большого орфоэпического словаря русского языка» в экспертной практике осложнено рядом обстоятельств. Во первых, вследствие издательской ошибки словарь вышел не в полном объеме: в него не вошли части словарных статей на буквы Э и И, отсутствует словарная статья на букву Й. Во вторых, доступность этого издания ограничена в связи с его высокой стоимостью: необходимость значительных материальных затрат не позволят обеспечить словарем каждого эксперта-лингвиста. В третьих, большой объем издания замедляет процесс поиска, что нежелательно в условиях сжатых сроков производства экспертизы.

Значительному облегчению труда эксперта-лингвиста и объективизации его выводов могло бы способствовать наличие специализированного программного средства, хранящегося на рабочем столе ПК и служащего источником информации об эталонном кодифицированном произношении слов русского языка. С этой целью в научно-исследовательской лаборатории фонографических, радиоэлектронных и компьютерно-технических исследований государ-

ственного учреждения «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» ведется работа по созданию электронного словаря-справочника «Артикуляторная характеристика звуков в составе слов русского языка», базой для которого служит «Большой орфоэпический словарь русского языка». С учетом узкоспециальной направленности словаря-справочника для него отбирается лексика, актуальная для фигурантов криминалистической экспертизы звукозаписей, т.е. наиболее частотные в текстах дословного содержания фонограмм слова, нуждающиеся в орфоэпическом комментарии.

В словаре-справочнике представлена информация о нормативном произношении слов и всех их словоформ в виде транскрипционной записи, а также подробная артикуляторная характеристика звуков. Предусмотрена система грамматических и иных помет, указывающих, например, на принадлежность варианта беглому стилю речи, старшей или младшей норме и др. Используя электронный справочник, эксперт сможет быстро получить информацию о нормативном произношении искомого слова (словоформы) и артикуляторной характеристике звуков в составе этого слова (словоформы) для последующего сопоставления с произношением фигуранта экспертизы. Фиксация в словаре-справочнике всего многообразия вариантов дает возможность выделить в качестве идентификационных признаков не только нарушения нормы, но и предпочтения в выборе разного рода вариантов. Наличие детальной артикуляторной характеристики звуков позволит эксперту без существенных временных затрат выявить даже незначительные отклонения в артикуляции диктора и дать их качественное описание. Например, в словаре-справочке следующим образом представлена одна из словоформ существительного *минута*:

мнунт {суц. жс. род. мн. [м', й, н°, ѱ, т]}

[м'] – согласный, губно-губной, смычно-проходный, носовой, сонорный, мягкий.

[й] – гласный, безударный, нелабиализованный, переднего ряда, верхнего подъема, назализованный.

[н°] – согласный, переднеязычный, дорсальный, зубной, смычно-проходный, носовой, сонорный, твердый, лабиализованный.

[ѱ] – гласный, ударный, лабиализованный, заднего ряда, верхнего подъема, назализованный.

[т] – согласный, переднеязычный, дорсальный, зубной, импловивный, шумный, глухой, твердый.

Использование словаря-справочника «Артикуляторная характеристика звуков в составе

слов русского языка» при производстве криминалистической экспертизы звукозаписей будет способствовать более эффективному решению идентификационных задач, поскольку словарь:

1) избавит экспертов от необходимости самостоятельно определять нормативный звуковой состав слов (словоформ), позволяя сосредоточить внимание только на их реализации в речи диктора;

2) облегчит процесс выявления отклонений в артикуляции диктора, т.к. данный процесс будет сведен к обнаружению несоответствий перечню свойственных норме артикуляторных характеристик звуков, представленному в словаре-справочнике (например, в произношении словоформы *минут* таким несоответствием может оказаться отсутствие характерной нормы имплозивности конечного согласного);

3) обеспечит экспертов единым эталоном для сравнения с ним конкретных речевых реализаций, что позволит уклониться от субъективизма в трактовке понятия нормы и приведет к единообразию исследований, выполненных разными экспертами, а также одним экспертом в разное время.

В рамках криминалистической экспертизы звукозаписи лингвистическому анализу подвергается спонтанная речь дикторов, то есть речь, которая «возникает самопроизвольно, характеризуется неподготовленностью и ситуативной обусловленностью процесса говорения» [6]. В силу этого спонтанная речь отличается большим количеством отклонений от языковых норм. Так, в слове *часы* в первом предупредительном слоге нормативным является произношение нелабиализованного гласного переднего ряда верхне-среднего подъема [u³], однако в спонтанной речи в данной позиции встречаются редуцированный нелабиализованный гласный переднего-среднего ряда верхне-среднего подъема [ʏ] ([ч'ʏ]сы), нелабиализованный гласный средне-заднего ряда средне-нижнего подъема [ɐ] ([ч'ɐ]сы), нелабиализованный гласный переднего ряда среднего подъема [ɛ³] ([ч'ɛ³]сы) [5, с. 63]. Данный перечень вариантов не является исчерпывающим, возможны (в том числе и потенциально) иные речевые реализации.

В условиях белорусско-русского двуязычия основной причиной отклонения от норм русского языка является влияние белорусского. В результате этого влияния русский язык жителей Беларуси значительно отличается от литературного русского языка. Отмечается тенденция к тому, чтобы «региональный вариант русского языка, которым пользуется население Беларуси, превратился (в том числе с учетом его государственного статуса) в особый наци-

ональный вариант (нациолект) русского языка» [7].

В языке белорусов наблюдаются активные интерференционные процессы, охватывающие все языковые уровни. Фонетическая интерференция характеризуется особой устойчивостью в связи с тем, что при овладении русским языком в фонетике дольше всего сохраняется влияние белорусского, поскольку носители языка относятся к произношению наименее осознанно [8, с. 180]. Речь белорусов отличается от нормативной русской речи ряд фонетических особенностей [см.: 9, с. 121 – 159; 10, с. 52 – 60]. То, что эти особенности являются инструментом выражения не индивидуальной, а коллективной идентичности, накладывает ограничения на их использование при идентификации дикторов. Так, была отмечена малая идентификационная значимость типичных для жителей Беларуси отклонений от норм русского литературного произношения, поскольку эти отклонения не отвечают требованию специфичности идентификационного признака [11, с. 120]. Возможности диагностики по данным признакам также имеют некоторые ограничения. В частности, как показали проведенные исследования, нарушения орфоэпической нормы, возникшие под влиянием белорусского языка, не несут информацию об уровне образования говорящего и не могут способствовать решению данной диагностической задачи [12].

Степень проявления белорусско-русской языковой интерференции в речи жителей Беларуси может значительно различаться в зависимости от ряда обстоятельств. Если говорящий достаточно хорошо владеет двумя языками и артикуляция на неродном языке не представляет сложности, он способен осуществлять сознательный или несознательный выбор вариантов произношения. Так, сравнение таких видов речевой деятельности, как чтение и спонтанная речь, при которых возможность самоконтроля и переключения с одного языка на другой у говорящего разные, показало, что при чтении отклонения от орфоэпических норм русского языка встречаются реже, чем в спонтанной речи. Например, как выяснилось в ходе эксперимента, при чтении нормативный взрывной [ɹ] встречается в среднем на 21–25% чаще по сравнению со свойственным белорусскому языку фрикативным [ɣ] [8, с. 210]. С точки зрения криминалистической экспертизы звукозаписей чтение и спонтанная речь имеют малую лингвистическую сопоставимость, поэтому проводить идентификацию дикторов на столь различных материалах нецелесообразно. При чтении лингвистические индивидуализирующие признаки проявляются в недоста-

точной степени, в связи с чем для проведения идентификационных исследований не рекомендовано отбирать образы речи в форме чтения [13, с. 125].

Количество и характер отклонений от языковой нормы могут быть обусловлены коммуникативной ситуацией. Так, официальный стиль общения предполагает более строгое соблюдение норм русского языка, который воспринимается говорящими соответствующим данному стилю, что связано с доминированием русского языка в официальной сфере жизнедеятельности. В разговорах на бытовые темы, наоборот, допускается большее количество элементов белорусского языка. Например, было замечено, что при значительном преобладании в речи звуков [dз'] и [ц'] говорящие, переходя на «официальные» темы и описывая «официальные» ситуации, произносили нормативные для русского языка звуки [д'] и [т'] [14, с. 104 – 107].

Ситуативная обусловленность в выборе языковых средств наиболее ярко проявляется в случае так называемой речевой мимикрии. Термин мимикрия (от греч. *mimikós* – подражательный) заимствован из зоологии, где он означает подражательное сходство незащищенного организма с защищенным или с несъедобным; один из типов покровительственной окраски и формы [15, с. 362]. В лингвистике под речевой мимикрией понимают разновидность кооперативно-конформного речевого поведения, стремление подладиться под собеседника не только на уровне содержания речи, но и на уровне языкового оформления содержания [16]. По наблюдению В.В. Наумова, «ситуация речевого акта порой заставляет переключаться на форму выражения языкового материала, которая противоречит сложившимся речевым стереотипам индивида» [17, с. 52]. Типичные примеры речевой мимикрии можно

обнаружить в общении взрослых с маленькими детьми, когда взрослые используют особую лексику, меняют произношение, уподобляя свою речь детской.

Возможность речевой мимикрии при отборе образцов речи составляет важную проблему для производства криминалистической экспертизы звукозаписей [18, с. 24]. Сопоставление речевого материала, представленного на исходной (спорной) фонограмме и на фонограмме-образце, оказывается затруднительным из-за разницы коммуникативных ситуаций. На исходной фонограмме зафиксирована спонтанная непринужденная речь диктора в «естественных» условиях (диктор не знает о производимой звукозаписи). Отбор образцов речи осуществляется в официальных условиях, диктор при этом является фигурантом уголовного или гражданского дела. В такой ситуации речь диктора наиболее приближена к нормам литературного русского языка, а отклонения от них возможны в тех случаях, когда диктор данными нормами не владеет. Именно эти отклонения могут быть рассмотрены экспертом-лингвистом в качестве идентификационных признаков.

Таким образом, успешному проведению идентификации дикторов по речи способствует выявление фонетической группы признаков, которое предполагает обязательное соотнесение произношения с орфоэпической нормой, зафиксированной в авторитетном, современном и полном издании. При оценке отклонений от нормы с точки зрения их идентификационной значимости эксперту-лингвисту следует учитывать факторы, обуславливающие характер и регулярность этих отклонений, в частности, влияние белорусского языка и способность диктора осуществлять выбор языковых средств в зависимости от коммуникативной ситуации.

Список использованных источников

1. Система криминалистической идентификации говорящего по фонограммам устной речи «Фонэкси»: руководство пользователя. – М., 2003. – 156 с.
2. Рассоха, М.Н. К проблеме функций языка: функция идентификации / М.Н. Рассоха // Уч. записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. – № 1–2 (9). – 2012. – С. 40 – 47.
3. Бец, Ю.В. Речевая индивидуальность как семиотическая система (на материале письменной речи): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ю.В. Бец; ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет». – Ростов на/Д, 2009. – 23 с.

4. Назначение и производство фонографической экспертизы для идентификации дикторов по голосу и речи: метод. пособие для экспертов, следователей, судей и прокуроров / И.Г. Дода [и др.]; под ред. И.Г. Доды; ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь», ГЭКЦ МВД Респ. Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2009. – 157 с.
5. Кирдун, А.А. Методические рекомендации по проведению фонетического анализа звучащей речи фигурантов криминалистической экспертизы звукозаписей / А.А. Кирдун, А.В. Андреева; НПЦ Гос. ком. судебных экспертиз Респ. Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2014. – 155 с.

6. *Вишневская, Г.М.* Восприятие спонтанной иноязычной речи в условиях интерференции / Г.М. Вишневская // Проблемы спонтанной разговорной речи: сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тареза. – М., 1989. – Вып. 332. – С. 113–119.
7. *Норман, Б.Ю.* Русский язык в современной Беларуси: практика и норма / Б.Ю. Норман // Русский язык. – 2010. – № 6. – С. 8–18.
8. *Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў: [зб.] / Рэд. М.В Бірыла, А.Я. Супрун; Акад. навук БССР, Ін-т мовазн. імя Я. Коласа, Бел. дзярж. ун-т імя У.І. Леніна, Філалагічны ф-т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 261 с.*
9. *Русский язык в Беларуси / А.Е. Михневич [и др.]; под ред. А.Е. Михневича; БССР, Ин-т языкозн. им. Я. Коласа. – Минск: Наука и техника, 1985. – 272 с.*
10. *Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси / Л.П. Крысин [и др.]; науч. ред. А.Н. Булыко, Л.П. Крысин; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т языкозн. им. Я. Коласа, Бел. респ. фонд фундам. исслед. – Минск: Бел. наука, 1999. – 246 с.*
11. *Кирдун, А.А.* Критерии идентификационных лингвистических признаков устной речи фигурантов криминалистической экспертизы звукозаписей / А.А. Кирдун, А.В. Андреева, Д.С. Богинская // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судебных экспертиз Респ. Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2013. – Вып. 2/34. – С. 118–124.
12. *Андреева, А.В.* К проблеме диагностики по устной речи личностных характеристик фигурантов криминалистической экспертизы звукозаписей / А.В. Андреева // Фанетычная праграма слова ў функцыянальна-стылістычным і эксперыментальным аспектах: сучасны стан і перспектывы: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 20–21 лістап. 2012 г. / Дзярж. навук. установа «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». – Мінск: Права і эканоміка, 2012. – С. 102–106.
13. *Подготовка и назначение судебных экспертиз: пособ. для следователей, судей и экспертов / А.С. Рубис [и др.]. – Минск: Харвест, 2006. – 320 с.*
14. *Запрудскі, С.М.* Фанетычная варыянтнасць у вусным гарадскім маўленні (на матэрыяле запісаў у г.п. Хоцімску) / С.М. Запрудскі, Н.В. Яненка // Мова – Літаратура – Культура: матэрыялы VI Міжнар. навук. канф., Мінск, 28–29 кастр. 2010 г.: у 2 ч. / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2011. – Ч. 1. – С. 102–108.
15. *Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М.С. Гиляров. – 2-е изд., испр. – М.: Сов. энцикл., 1986. – 864 с.*
16. *Седов, К.Ф.* Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии / К. Ф. Седов // Тр. междунар. семинара «Диалог–2002» по компьютерной лингвистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7379>. – Дата доступа: 29.05.2014.
17. *Наумов, В.В.* Лингвистическая идентификация личности / В.В. Наумов. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 240 с.
18. *Кирдун, А.А.* Криминалистическая экспертиза звукозаписей Республики Беларусь как область приложения результатов лингвистических исследований / А.А. Кирдун // Фанетычная праграма слова ў функцыянальна-стылістычным і эксперыментальным аспектах: сучасны стан і перспектывы: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 20–21 лістап. 2012 г. / Дзярж. навук. установа «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». – Мінск: Права і эканоміка, 2012. – С. 21–27.

Дата поступления: 03.10.2014

Annotation

The article reveals the value of a codified language norm when detecting linguistic identification features in the speech of persons involved in the criminological audio expertise. The problem of choosing a source of standard Russian pronunciation suitable for the forensic practice is discussed. The article examines the peculiarities of using Russian language orthoepic norm violations arisen as a result of Belarusian-Russian language interference during the person identification.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОЙ ОХОТЕ

Шалькевич И.А.

Государственное учреждение
«Научно-практический центр
Государственного комитета
судебных экспертиз
Республики Беларусь»

При расследовании дел о незаконной охоте широко применяются специальные знания в форме проведения судебных экспертиз.

В качестве объектов экспертизы выступают вещественные доказательства по делу, образцы для сравнительного исследования, а также материалы уголовного дела, содержащие необходимую для эксперта информацию, объясняющую происхождение объектов, условия их обнаружения.

По делам рассматриваемой категории проводятся самые различные экспертизы: дактилоскопическая экспертиза; судебно-трасологическая экспертиза следов ног и обуви; судебно-трасологическая экспертиза следов транспортных средств; судебно-баллистическая экспертиза; криминалистическая экспертиза холодного оружия; судебно-химическая экспертиза; судебно-биологическая экспертиза; судебно-геномная экспертиза [1, с. 133 – 140].

Судебно-биологическая экспертиза по делам о незаконной охоте разрешает вопросы о наличии крови, волос, шерсти, пуха или перьев животных или птиц на представленных на исследование предметах (орудиях преступления, одежде, образцах, изъятых при осмотре места происшествия или в результате обыска). С ее помощью можно установить их родовую или видовую принадлежность, установить, не происходят ли они из единого источника [2, с. 142].

Судебно-геномная (генотипоскопическая) экспертиза исследует особенности строения генетического материала – молекул ДНК. Генетический материал одинаков во всех жидкостях и тканях организма, что позволяет идентифицировать биологические следы независимо от источника их происхождения (из крови, слюны и т.д.).

ДНК-анализ биологических следов человека помогает идентифицировать личность. Однако следует учитывать, что по делам о незаконной охоте заключение эксперта, хотя и правильное, может стать не прямым, а косвенным доказательством, которое доказывает вину лица только при наличии иных доказательств. Например, на окурке, найденном в лесу при осмотре места происшествия, обнаружены следы слюны. Но стоит иметь в виду, что этот окурочек мог попасть на место происшествия до или после совершения преступления.

Судебно-геномная экспертиза позволяет однозначно идентифицировать вид животного, пол животного (самец, самка), а также конкретную особь животного, от которой произошло пятно крови или другие биологические следы при условии наличия образца сравнения [3, с. 149].

Аннотация

В статье на основании изучения и анализа научной литературы и данных экспертной практики рассмотрены некоторые вопросы проведения судебных экспертиз по делам о незаконной охоте.

При назначении судебно-геномной экспертизы биологических образцов животного следует иметь в виду, что на разрешение эксперта необходимо ставить не только идентификационные, но и классификационные задачи, поскольку экспертное исследование неизвестного образца начинается с решения задач классификационного типа: установления семейства, вида животного; дифференциации образцов (следов) по принадлежности дикому или домашнему животному; установления половой принадлежности животного (самка, самец). Завершается исследование установлением принадлежности биологических следов конкретной особи животного.

На основе изучения 47 наблюдательных производств судебно-геномных и 30 наблюдательных производств судебно-биологических экспертиз за 2011 – 2013 гг. было установлено, что объектами незаконной охоты явились: кабан дикий – в 21 случае, косуля европейская – в 15 случаях, лось – в 12 случаях, олень благородный – в 5 случаях, лоша с эмбрионами – в 2 случаях, бурый медведь – в одном случае.

Опыт проведения экспертиз по делам о незаконной охоте показал, что особое значение для судебно-геномной экспертизы имеет качество образцов, представленных на исследование.

Биологические образцы, отобранные в поле, в лесу в виде фрагментов тканей диких животных, необходимо достаточно надежно консервировать добавлением горсти пищевой соли. Оптимально все отобранные образцы хранить в замороженном виде, а в случае отсутствия такой возможности – хранить и транспортировать образцы, засыпанные солью, при возможно более низкой температуре.

Образцы жидкой крови следует либо заморозить, либо высушить на марле без нагревания: добавление соли в жидкую кровь категорически запрещается [3, с. 151].

В криминалистической и уголовно-процессуальной литературе существуют различные понятия образцов для сравнительного исследования.

Профессор А.В. Дулов сформулировал понятия «образец», «проба», «сравнительный материал» [4, с. 165 – 167]. Образец – это предмет, обладающий основными свойствами и качествами большой группы аналогичных предметов. Итоги исследования образцов распространяются на группу предметов, не подвергавшихся исследованию.

Проба – это часть от целого для определения свойств, качеств всего объекта. Отбор проб производится:

- при отсутствии необходимости или практической невозможности в исследовании всей однородной массы (проба воды в реке, песка из карьера, проба от бетонной балки и т.д.);
- при выяснении качеств и свойств объектов растительного или животного мира;
- при выяснении качеств и свойств организма человека (или трупа).

Сравнительными материалами А.В. Дулов называет «следы идентифицируемых объектов или фиксированные результаты действий этих объектов, используемые в процессе экспертного исследования для суждения о тождестве следов и результатов действий, оставленных данным объектом в другом месте» [4, с. 167].

Профессор Г.И. Грамович под образцами понимает «различные объекты с отобразившимися на них признаками иных объектов или же объекты, обладающие своими собственными качествами и свойствами, используемые для идентификации или установления родовой (групповой) принадлежности лиц, животных, различных предметов, веществ, а также установления иных обстоятельств, облегчающих раскрытие и расследование преступления» [5, с. 32].

В словаре специальных терминов судебной экспертизы под образцами подразумеваются «используемые для сравнения материалы, содержащие отображения признаков идентифицируемого объекта» [6, с. 49].

По мнению А.И. Винберга, образцы для сравнительного исследования – это «самые различные объекты, воспроизводимые и изымаемые по постановлению следователя в целях сравнительного исследования» [7, с. 22].

Каждое из предложенных определений отображает сущность образцов для сравнительного исследования.

В литературе ведется спор, относятся ли образцы к вещественным доказательствам. Полагаем, следует согласиться с профессором А.В. Дуловым, который справедливо утверждает, что «образцы всегда являются вещественными доказательствами, они напрямую относятся к событиям расследуемого дела, и являются носителями определенных фактических обстоятельств или уже установленных следователем в ходе их изъятия, или тех, которые могут и должны быть выявлены в ходе экспертного исследования» [4, с. 169].

Согласно ст. 96 УПК Республики Беларусь, вещественными доказательствами признаются предметы, которые служили орудиями преступления, или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий, а также деньги и иные ценности, добытые преступным путем, и все другие пред-

меты и документы, которые могут служить средствами по обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств уголовного дела, выявлению виновных либо опровержению обвинения или смягчению ответственности обвиняемого [8]. Из текста статьи понятно, что образцы для сравнительного исследования можно отнести к вещественным доказательствам, так как они служат средствами к обнаружению преступления или установлению фактических обстоятельств дела.

Образцы для сравнительного исследования классифицируются по времени и условиям возникновения. С этих позиций различают образцы:

- 1) свободные – возникающие или создаваемые до возбуждения уголовного дела и вне связи с ним;
- 2) условно-свободные – возникающие после возбуждения уголовного дела, но не в связи с подготовкой материалов для экспертизы;
- 3) экспериментальные – полученные в связи с подготовкой материалов на экспертизу в процессе работы по уголовному делу [9, с. 216].

Согласно ст. 234 УПК Республики Беларусь следователь, дознаватель вправе получить образцы для сравнительного исследования у подозреваемого (обвиняемого). Это могут быть образцы слюны, крови, почерка, отпечатков пальцев и т.д. Получение образцов производится на основании мотивированного постановления следователя. Здесь речь идет об экспериментальных образцах [8].

Свободные и условно-свободные образцы для сравнительного исследования могут быть получены в результате производства иных следственных действий. По делам о незаконной охоте следы пальцев рук обычно получают в ходе осмотра места происшествия. Образцы почвы, стреляные гильзы можно получить и при осмотре участков местности и помещений, не являющихся местом происшествия, а также в ходе дополнительного осмотра места происшествия. Боеприпасы, гильзы, пули, дробь и картечь могут быть изъяты при обыске или выемке. Образцы крови животного по делам о незаконной охоте целесообразно изымать в ходе осмотра места происшествия (или осмотра трупа животных) непосредственно из туш животных, сделав об этом отметку в протоколе [1, с. 132].

Согласно ч. 1 ст. 226 УПК [8], экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия необходимы специальные знания в науке, технике, искусстве или ремесле.

Судебные экспертизы проводятся в соответствующих подразделениях Государствен-

ного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь и его территориальных органах.

Для производства специальных исследований о незаконной охоте в качестве специалистов могут быть привлечены работники различных организаций и учреждений.

Ветеринарные, зоологические исследования проводят специалисты системы органов, находящихся в подчинении Главного ветеринарного врача Республики Беларусь.

Кроме того, исследования по делам данной категории можно поручать научным работникам соответствующих профильных институтов Национальной академии наук Беларуси, научно-исследовательских институтов [2, с. 137 – 141].

Не менее важным моментом в назначении экспертизы является формулирование эксперту вопросов. Они должны вытекать из обстоятельств события и соответствовать специальным знаниям эксперта. Вопросы должны быть конкретными, ясными, четкими, перечисленными в определенной логической последовательности. Четкие и ясные вопросы, логическая последовательность способствуют быстрейшему пониманию экспертом существа дела, так как большой перечень всех возможных вопросов дезинформирует эксперта, затрудняет составление модели экспертного исследования, определение средств и методик.

Желательно формулировать вопросы сначала общего плана, а затем вопросы, уточняющие отдельные моменты. При назначении комплексных экспертиз, которые проводятся специалистами различных профилей, важно сгруппировать вопросы в соответствии с внутренней логикой знания. В случаях, когда установление природы исследуемого объекта требует использования методик нескольких областей знания, из которых одна связана с нарушением целостности объекта, вопросы следователя должны строиться так, чтобы вначале проводились те исследования, которые не приводят к разрушению объекта.

Не должны ставиться на разрешение эксперта вопросы:

- не требующие применения специальных знаний;
- правового характера, не входящие в компетенцию эксперта.

Стоит также отметить, что на разрешение экспертов в некоторых случаях ставились задачи, которые не входили в их компетенцию. Так, экспертные задачи по установлению давности образования биологических следов, возраста животного, причин и времени наступления смерти, наличия плода у самок и т.п. не входят в компетенцию судебно-геномной экспертизы

и могут быть решены специалистами в области ветеринарии [3, с. 150].

Рассмотрим примерный перечень вопросов, которые может задать следователь при назначении судебно-геномных и судебно-биологических экспертиз по делам о незаконной охоте.

На судебно-биологическую экспертизу (следов крови) могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Является ли вещество бурого цвета кровью?

2. Являются ли кровью объекты, изъятые в ходе осмотра автомобиля, участка лесного массива, гаража, помещения и т.д.?

3. Если это кровь, то происходит она от человека или животного?

4. Если от животного, то от дикого или домашнего?

5. Если это кровь, то каков генотип крови и от какого вида животного происходят пятна крови (видовая, половая принадлежность)?

6. Если определено семейство и род, то одной или разным особям принадлежат представленные на исследование образцы бурого цвета (в случае, когда представлено несколько объектов)?

7. Если определено семейство и род животного, то могла ли эта кровь принадлежать животному, часть которого была обнаружена и изъята в ходе осмотра автомобиля, участка лесного массива, гаража, помещения и т.д.?

8. Имеются ли на представленных на исследование предметах (автомобильном коврике, ведре, одежде, ноже, топоре, соскобах) следы крови?

9. Если да, то являются ли данные следы кровью дикого животного или человека?

10. Если это кровь дикого животного, то могла ли она произойти от (следователь указывает в постановлении определенный вид животного) лося, косули европейской, кабана, зайца и т.д.?

11. Не является ли мясо, обнаруженное у подозреваемого (обвиняемого), (следователь указывает в постановлении определенный вид животного) мясом лося, косули европейской, кабана, зайца и т.д.?

12. Какому количеству диких животных принадлежат представленные на исследование обнаруженные пятна веществ темно-красного цвета?

На комплексную судебно-биологическую экспертизу и судебно-геномную экспертизу волос могут быть поставлены такие вопросы, как:

1. Являются ли обнаруженные нитевидные объекты волосами?

2. Если да, то от кого они происходят, от человека или животного?

3. Если от животного, то какому виду принадлежат?

4. Являются ли фрагменты волос, изъятые на объекте №1 и на объекте №2, волосами животного, если да, то какого именно вида и принадлежат ли они одному и тому же виду и одному и тому же животному?

5. Если образцы вещества бурого цвета и фрагменты волос являются кровью и волосами животного, то происходят ли они от особи животного, фрагмент (уха, ноги, головы и т.д.) которого представлен на исследование?

Объектами исследования являлись:

1) образцы вещества бурого цвета (на ватных или марлевых тампонах);

2) образцы мяса от туш убитых животных;

3) образцы мяса, фарша, изъятые в ходе осмотра места происшествия (лесного массива квартала лесничества, жилища, законного владения, гаража, багажного отделения автомобиля и т.д.);

4) останки частей тела убитых животных (голова, ребра с мясом, фрагменты частей тела животных);

5) фрагменты волос (нитевидные объекты), образцы слюны подозреваемых граждан;

6) образцы слюны собак;

7) окурки сигарет;

8) пачки сигарет;

9) предметы орудий охоты и предметы одежды с предполагаемым нахождением на них биологических образцов, пригодных для исследования (металлический трос, автомобильные коврики, топор, нож, лопатка, сапоги, брюки, куртка, перчатки с возможным нахождением на них биологических образцов, пригодных для исследования).

Результативность экспертного исследования во многом зависит от качества объектов и образцов для исследования.

При проведении судебно-биологической экспертизы следов крови по делам о незаконной охоте наибольшие трудности при установлении видовой принадлежности представляет исследование старых пятен, т. е. таких пятен, которые под влиянием физических (высокой температуры, ультрафиолетового облучения) или химических (кислот, щелочей, йода, ацетона, формалина) факторов видоизменяются. Поэтому направлять на исследование вещественные доказательства необходимо в кратчайшие сроки.

Для судебно-биологической экспертизы образцы сравнения волос животного (15-20 шт.) следует отбирать с различных участков тела животных (голова, груди, брюха, спины, бо-

ков, ног, хвоста и др.) путем выщипывания или стрижки у самого корня. Каждый образец помещается в отдельный пакет, который заклеивается и подписывается с указанием участка тела, с которого он взят. Волосы лучше выщипывать, потому что при срезании часто не сохраняется прикорневая часть волоса, которая содержит определенную информацию. Если у животного шерсть имеет разную окраску, длину, толщину, форму (прямую, извитую), в пробах должны быть представлены все разновидности волос [3, с. 149].

Направляя на исследование пятно крови на марле, а также смывы крови с предметов-носителей, необходимо в обязательном порядке направлять контрольный кусочек этой же марли в чистом виде, упаковав образцы и смывы отдельно от контрольных образцов чистой марли [3, с. 150].

Как правило, в ходе следствия обнаруживаются останки туш животных, которые уже начали разлагаться, поэтому рекомендуется отбор биологических образцов осуществлять не на ватные тампоны, а делать вырезки из наименее измененных частей туши с акцентом на более плотные ткани (хрящи, сосуды и др.).

Генотипирование волос в судебно-геномной экспертизе представляет определенную сложность, поэтому не рекомендуем изымать волосы животного в качестве сравнительного образца для генотипирования.

Таким образом, при условии правильного предоставления объектов исследования и образцов сравнения при производстве судебных экспертиз повышается достоверность и объективность выводов. Некачественный образец сравнения, отобранный для проведения судебно-геномной экспертизы, сводит на нет доказательственную силу всего экспертного исследования.

На все вопросы следователей в постановлениях о назначении экспертизы изученных наблюдательных производств были получены ответы, за исключением случаев, когда на представленных объектах исследования генетического материала, пригодного для проведения сравнительно-идентификационного исследования и установления видовой принадлежности животных, не имелось, либо генетического материала человека, пригодного для генотипоскопического исследования, не было.

Так, например, сотрудниками МРИ в лесном массиве были обнаружены останки животного. Чуть позже в этот же день был задержан браконьер, который передвигался на снегоходе. В ходе осмотра снегохода в багажном отсеке было обнаружено мясо животного. По материалам проверки по факту обнаружения

в лесном массиве разделанной туши животного (предположительно лося) была назначена экспертиза, на разрешение которой были поставлены вопросы:

1. Пригодны ли для экспертизы обнаруженные и изъятые биологические образцы дикого животного (предположительно особи лося) и мяса?

2. Какова видовая принадлежность животного?

3. Принадлежат ли изъятые биологические образцы одному или разным животным?

В распоряжение экспертов предоставили следующие вещественные доказательства: фрагмент шкуры животного в полимерном пакете, изъятый в ходе осмотра места происшествия, фрагмент мышечной ткани (мяса) в полимерном пакете, изъятый в ходе осмотра снегохода.

Согласно заключению эксперта представленные на исследование биологические ткани пригодны для проведения идентификационного исследования и происходят от самки животного вида Лось, а также согласно полученным результатам, представленное на исследование мясо, изъятное в ходе осмотра снегохода, и фрагмент шкуры, изъятый в ходе осмотра останков животного, обнаруженного в лесном массиве, происходят от одной и той же особи самки лося [10].

Данное заключение эксперта послужило источником доказательства по факту незаконной охоты.

В литературе предлагается по делам о незаконной охоте выработать новые виды судебных экспертиз. Так, по мнению И.И. Пиндюра, все вопросы, требующие специальных познаний в любой области (трасологии, биологии, ветеринарии, охотоведении), касающиеся объектов животного происхождения (трупы животных, их части, волосы, пятна крови), должны разрешаться териологической экспертизой [11, с. 107].

Однако В.В. Егошин справедливо не соглашается с этим мнением, так как теорией и практикой уже выработаны виды экспертиз и соответствующая терминология. «Как бы ни назвать эту экспертизу, все равно придется обращаться к экспертам-криминалистам, биологам, химикам и т.д. Введение новых терминов лишь приведет к путанице и затягиванию срока производства экспертизы» [1, с. 140].

В то же время В.В. Егошин полагает, что по делам о незаконной охоте в ряде случаев необходимо назначать охотоведческую экспертизу, производство которой следует поручить лицам, обладающим специальными познаниями в области охотоведения. На разре-

шение экспертизы можно ставить следующие вопросы:

1. Какова причина и давность гибели животного? (вопрос разрешается совместно с экспертом-ветеринаром).

2. Какое животное добыто? (его вид, род, семейство).

3. Каков размер популяции данного вида животного (птицы) в данном регионе?

4. Для добычи каких животных используются изъятые у подозреваемого оружие, боеприпасы, орудия и приспособления?

5. Каков размер ущерба, причиненного государственному охотничьему фонду?

6. Можно ли признать причиненный ущерб крупным? [1, с. 141].

Однако, на наш взгляд, имеющиеся в настоящее время виды экспертиз позволяют решить достаточно широкий круг вопросов, необходимых для успешного расследования дел о незаконной охоте.

Таким образом, в Беларуси имеются все необходимые виды судебных экспертиз для успешного расследования дел о незаконной охоте, а при условии правильного предоставления объектов исследования и образцов сравнения при производстве судебных экспертиз повышается достоверность и объективность выводов.

Список использованных источников

1. *Егошин, В.В.* Методика расследования незаконной охоты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.В. Егошин. – М., 2002. – 222 л.

2. *Наумова, В.В.* Экологические преступления. Некоторые вопросы уголовно-правовой и криминалистической характеристики, особенности расследования / В.В. Наумова, В.К. Потапов. – М.: ЦОТЖ, 2005. – 178 с.

3. Экспертное исследование вещественных доказательств по делам, связанным с безлицензионным отстрелом диких животных (браконьерством) / И.С. Цыбовский [и др.] // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭИК Министерства юстиции Республики Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2011. – Вып. 2/30. – С. 148 – 154.

4. *Дулов, А.В.* Права и обязанности участников судебной экспертизы / А.В. Дулов. – Минск, 1962. – 407 с.

5. *Грамович, Г.И.* Тактика использования специальных познаний в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособие / Г.И. Грамович. – Минск: МВШ МВД СССР, 1987. – 196 с.

6. Словарь специальных терминов судебной экспертизы / авт.-сост. Г.В. Михайленко [и др.]; под общ. ред. А.С. Рубиса. – Минск: Тесей, 2007. – 420 с.

7. *Винберг, А.И.* Производные вещественные доказательства и образцы для сравнительного исследования в советском уголовном процессе / А.И. Винберг // Соц. законность. – 1966. – №3. – С. 22.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З.: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 11 авг. 2014 г. // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

9. Криминалистика. Том 2. Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений. – Волгоград, 1994.

10. См. заключение эксперта ГУ «ЦСЭИК Министерства юстиции Республики Беларусь» № 1147 от 28.06.2013 г. судебно-генетической экспертизы по материалам проверки ЕК-№913 от 30.04.2013 г.

11. *Пиндюк, И.И.* К вопросу о териологической экспертизе по делам о незаконной охоте / И.И. Пиндюк // Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии. – Киев, 1980.

Дата поступления: 02.10.2014

Annotation

Several issues in forensic expertise conducting in the cases of illegal hunting are presented on the basis of scientific literature review and analysis, as well as forensic practice data.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛОВА «СУДЕБНАЯ»

Ковган Ж.И.

адъюнкт

научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

Эффективность борьбы с преступностью во многом зависит от использования достижений науки и техники в той или иной области знаний в доказательственном процессе. Одним из «проводников» этих достижений являются эксперты. Их знания помогают правоохранительным органам доказывать отдельные факты правонарушения. С этой целью назначаются различные экспертизы. В данной статье выясним происхождение названия «судебная экспертиза» и почему она именуется таковой.

Отдельные авторы, среди которых В.Я. Колдин [1, с. 413 – 428], Г.И. Грамович [2, с. 448 – 464], А.Г. Филиппов [3, с. 246 – 260], не вдаются в полемику по указанным вопросам и в своих трудах не разграничивают понятия «судебная экспертиза» и «экспертиза», используя их в качестве синонимов. Однако, другие ученые считают, что «судебная экспертиза» – эта экспертиза отличная от других видов экспертиз. Рассматриваемое понятие используется в актах законодательства, но в большинстве случаев оно употребляется без определяющего слова «судебная». Ни один процессуальный кодекс Республики Беларусь не содержит словосочетание «судебная экспертиза». За исключением случаев, когда исследуемое определение употребляется в отношении медицинских и психиатрических экспертиз. Например, в статьях 221 «Назначение экспертизы судом» Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК); 10.16 «Порядок назначения экспертизы» Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – ПИКоАП); 226 «Основания назначения экспертизы» Уголовного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК). Таким образом, можно констатировать отсутствие единообразия в употреблении понятий «судебная экспертиза» и «экспертиза», как в литературе, так и в законодательстве. Рассмотрим более детально некоторые спорные вопросы, касающиеся исследуемой дефиниции.

В литературе отсутствует единое мнение о том, что следует понимать под «судебной экспертизой». Например, в учебниках по криминалистике большинство авторов, рассматривая судебную экспертизу, ограничиваются изложением порядка ее применения только в рамках уголовно-процессуального законодательства [2, с. 448 – 464; 4, с. 19; 5, с. 236;

114

Аннотация

В статье исследованы сложившиеся в литературе подходы к понятию «судебная экспертиза», проведен анализ нормативных документов, регулирующих порядок производства судебной экспертизы, предложено отказаться от применения слова «судебная» в отношении экспертизы.

6, с. 8]. По мнению А.Г. Филиппова (2007 г.), судебная экспертиза – «это следственное действие, состоящее в производстве в установленном законом порядке исследований тех или иных объектов специалистами в науке, технике, искусстве или ремесле и дачи ими заключений по вопросам, возникающим в ходе расследования по уголовным делам» [3, с. 246]. Считаем, что данное толкование слишком сужает сферу применения судебной экспертизы.

По мнению некоторых авторов, рассматриваемая экспертиза может применяться по уголовным и гражданским делам [7, с. 97]. А.Р. Шляхов (1979 г.) писал: судебная экспертиза – это «процессуальное действие, состоящее в исследовании обстоятельств дела, проводимом по поручению следователей и судов в предусмотренном законодательном порядке сведущими лицами в науке, технике, искусстве или ремесле для установления фактических данных, служащих в форме заключения эксперта средством судебного доказывания, а в конечном итоге – установления объективной истины по уголовным и гражданским делам» [8, с. 7]. На первый взгляд данное определение загромождено излишними уточнениями, которые вытекают из норм закона. Например, назначение заключения эксперта раскрыто в законодательстве. Однако, данные признаки являются существенными и без них не будет раскрыта сущность рассматриваемой дефиниции.

Отдельные авторы в своих работах указывают на то, что судебную экспертизу можно использовать в сфере гражданского, хозяйственного и уголовного процессов. Так, по мнению Т.В. Сахановой (2000 г.) «не всякое специальное исследование приобретает характер судебной экспертизы, а такое, которое используется в сфере гражданского (арбитражного или уголовного) процесса» [9, с. 47]. Автор под судебной экспертизой понимает «специальное исследование, назначаемое определением суда (судьи) при наличии общего (процессуального) и специального оснований, проводимое сведущим лицом – экспертом в определенной процессуальной форме для получения судебного доказательства по делу (заключения эксперта)» [9, с. 47].

Некоторые ученые пишут о том, что судебная экспертиза характерна для административного, гражданского, хозяйственного и уголовного процессов [10, с. 7]. Е.Р. Россинская (2011 г.) высказывает только мнение о сущности рассматриваемой дефиниции, которая, по мнению автора, заключается «в анализе по заданию следователя, дознавателя, суда, лица или органа, осуществляющего производство

по делу об административном правонарушении, сведущим лицом (экспертом) предоставляемых в его распоряжение материальных объектов экспертизы (вещественных доказательств), а также различных документов в целях установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела» [10, с. 7 – 8]. Как представляется, данное мнение наиболее полное относительно возможности применения судебной экспертизы в административных, гражданских, хозяйственных и уголовных процессах.

Анализ криминалистической и другой литературы позволил выделить отличительные черты судебной экспертизы, которыми ее наделяют ученые. В научной литературе авторы, характеризуя судебную экспертизу, в качестве основного источника, регулирующего порядок ее производства, указывают процессуальное законодательство [4, с. 19; 6, с. 9; 10, с. 29; 11, с. 6; 12, с. 7].

Другой важной характеристикой рассматриваемой дефиниции является использование специальных знаний при проведении экспертизы. Большинство авторов указывают, что для проведения экспертного исследования необходимы специальные знания в различных областях науки, техники, искусства и ремесла [4, с. 20; 10, с. 29; 11, с. 6; 12, с. 7]. Отдельные авторы список используемых областей знаний оставляют открытым, указывая в конце всех перечислений фразу следующего содержания: «и иных сферах деятельности» [6, с. 8]. В то же время некоторые другие авторы считают, что эксперты должны обладать не специальными знаниями, а познаниями [8, с. 4; 13, с. 4 – 5; 14, с. 4]. В ГПК и Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК) в отношении эксперта используется термин «познания» (ст. 96 «Эксперт» ГПК; ст. 70 «Эксперт» ХПК). В УПК и ПИКоАП употребляется термин «знания» (п. 1 ст. 61 «Эксперт» УПК; п. 2 ст. 10.16 «Порядок назначения экспертизы» ПИКоАП). Следует отметить, что ранее в УПК РСФСР также употреблялся термин «познания». Таким образом, можно констатировать отсутствие единообразия в употреблении рассматриваемых дефиниций в законодательстве. В связи с тем, что существует большое количество публикаций по данной тематике, в настоящей статье не целесообразно приводить суждения сторонников различных мнений, поэтому выскажем собственное видение данного вопроса. В толковом словаре русского языка термин «знание» означает «результат познавательной деятельности» [15, с. 245], а «познание» – «совокупность сведений в какой-нибудь области» [15, с. 539]. Отсюда следует, что

два рассматриваемых понятия взаимосвязаны между собой – первый термин включает второй. «В философии знание рассматривается как продукт общественной и духовной деятельности людей. В современной гносеологии познание – это процесс получения человеком нового знания, открытие неизвестного ранее» [16, с. 7 – 8]. Для проведения экспертиз эксперту необходимо обладать определенным «набором» информации о достижениях в определенной области науки, техники, искусства, ремесла и иных сферах деятельности, а не заниматься их изучением одновременно с осуществлением исследования, так как данный процесс может затянуться на неопределенный период. Считаем, что в контексте с понятием «эксперт» логичнее применять слово «знание» как результат познания.

В качестве признаков судебной экспертизы в литературе ученые выделяют также: заключение эксперта, представляющее собой источник (самостоятельный вид) доказательства [4, с. 20; 6, с. 9; 9, с. 46; 10, с. 29; 11, с. 6; 12, с. 7; 13, с. 4], специальный субъект, который проводит исследование – эксперт [6, с. 8; 9, с. 46; 13, с. 5].

Отдельные авторы в качестве отличительных признаков рассматриваемой дефиниции не только выделяют черты, которые характеризуют экспертизу в целом как процессуальное явление, но и определяют ее индивидуальные характеристики. К ним относятся: самостоятельный характер экспертного исследования [17, с. 421]; индивидуальная ответственность эксперта [14, с. 11], объективность и всесторонность исследования [14, с. 16] и т.д. Такой разброс мнений ученых свидетельствует о том, что ряд вопросов, относящихся к понятию «судебная экспертиза», требуют дополнительного изучения.

Остановимся на самом слове «судебная». В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова указано, что слова «судебный, судебная, судебное» «по значению связаны с судом, с совершением правосудия, с рассмотрением дел в суде» [15, с. 777]. И действительно, в теории русского дореформенного процесса термин «судебная экспертиза» трактовался как «источник убеждения судьи», который «заменил мнение судьи или следователя» [18, с. 304].

На сегодняшний день произошло много изменений в законодательной базе, поэтому рассмотрим современное видение законодателя по исследуемому вопросу. Экспертиза может назначаться как судом, так и правоохранительными органами. В связи с этим определим, какие органы являются судебными. Для этого обратимся к ст. 109 Конституции Республики

Беларусь, как к основному Закону Республики Беларусь, имеющему высшую юридическую силу. В соответствии с ним судебная власть в Республике Беларусь принадлежит судам [19], осуществляющим правосудие посредством конституционного, гражданского, административного, экономического и уголовного судопроизводства. Остановимся на понятии «судебная экспертиза» в рамках гражданского, административного, хозяйственного и уголовного процессов.

В ГПК в качестве средства доказывания предусмотрено экспертное заключение (§5 «Производство экспертиз» гл. 22 «Средства доказывания» ГПК). Экспертиза назначается только судом «при подготовке дела к слушанию или в ходе судебного разбирательства» (ст. 216 «Цели проведения экспертизы» ГПК) [20]. То же самое характерно и для хозяйственного процесса (ст. 92 «Назначение экспертизы» гл. 8 «Доказательства и доказывание обстоятельств по делу» ХПК) [21].

В ПИКоАП заключение эксперта рассматривается законодателем как источник доказательств (п. 2 ст. 6.3 «Доказательства» гл. 6 «Предмет доказывания. Доказательства. Оценка доказательств» ПИКоАП) [22]. При рассмотрении административных правонарушений не только судья, но и органы, ведущие административный процесс, к которым законодатель относит: налоговые органы, таможенные органы, органы внутренних дел, органы Комитета государственного контроля Республики Беларусь и другие (ст. 3.1 «Суд, орган, ведущий административный процесс, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях» ПИКоАП), наделены правом назначать экспертизы и самостоятельно принимать решение о мерах административного взыскания, которые следует применить к правонарушителю (гл. 11 «Рассмотрение дел об административных правонарушениях» ПИКоАП).

В уголовном процессе экспертиза также является одним из источников доказательства (ст. 95 «Заключение эксперта» гл. 10 «Доказательство» УПК) [23]. В статье 226 «Основания назначения экспертизы» УПК предусмотрено, что она может назначаться при производстве дознания, предварительного следствия, т.е. на стадиях досудебного производства. В то же время в ст. 334 «Проведение экспертизы в судебном заседании» УПК предусмотрена возможность назначения экспертизы судом.

Таким образом, можно говорить о том, что в гражданском и хозяйственном процессах все экспертизы по праву можно назвать судебными, но в административном и уголовном это на

первый взгляд кажется сомнительным. С целью выяснения, какие экспертизы проводятся в административном и уголовном процессах, когда их проведение назначается не судом, изучим нормативную базу и литературу на предмет того, что относится к административному и уголовному процессам, а что к административному и уголовному судопроизводствам соответственно.

В ПИКоАП названия стадий производства не содержат слова «судебный». «Порядок деятельности ... участников по делу об административном правонарушении» называется административным процессом (ст. 1.4 «Разъяснение отдельных терминов настоящего Кодекса» ПИКоАП). К участникам административного процесса законодатель относит не только лиц органа, ведущего административный процесс, но и судью [22]. Это свидетельствует о том, что понятия «административный процесс» и «административное судопроизводство» взаимосвязаны. Так, Д.В. Уткин в своем диссертационном исследовании пишет о том, что рассматриваемые дефиниции тождественны [24, с. 11]. В то же время ряд ученых, среди которых Д.Н. Бахрах и В.Д. Сорокин, считают, что данные понятия не могут быть синонимами, так как административный процесс осуществляется не судебным органом, а административное судопроизводство – судебным [25]. Данный вопрос до сих пор остается дискуссионным.

Все стадии уголовного процесса можно разделить на досудебное (возбуждение уголовного дела и предварительное расследование) и судебное производство (производство в суде первой инстанции, кассационное производство, исполнение приговора, надзорное производство, производство по вновь открывшимся обстоятельствам). Согласно ст. 6 «Разъяснение некоторых понятий и наименований, содержащихся в настоящем Кодексе» УПК досудебное производство – «ускоренное производство и производство со дня поступления заявления, сообщения о преступлении до передачи уголовного дела прокурору для направления в суд для рассмотрения по существу либо прекращения производства по делу, а также подготовка материалов по уголовному делу частным обвинителем и стороной защиты». В качестве участников досудебного производства выступают орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор, которые при наличии необходимости уполномочены назначать экспертизу без участия суда. В то же время «при решении вопроса, возбуждать дело или не возбуждать уголовное дело, начинать или не начинать процесс, орган дознания, следователь и прокурор непременно учитывают и не могут

не учитывать перспективу рассмотрения дела в суде» [26, с. 41]. По мнению А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, применение понятия «судебная» к слову «экспертиза» «на этапе досудебного производства означает, что полученное таким образом письменное заключение эксперта может использоваться в суде наравне с другими доказательствами, добытыми в ходе судебного заседания, и без производства там собственного экспертного исследования» [20]. Получается, что «термин «судебная» выступает атрибутом экспертизы, ее дополнительным свойством, обусловленным особой социальной сферой применения и потому обуславливающим ее особую форму (правовую). Данный атрибут предопределяет видовые признаки экспертизы как правового явления» [27, с. 35]. В то же время, несудебные экспертные заключения приобщаются к материалам дела в качестве иных документов, которые также относятся к источникам доказательств (ст. 88 «Доказательства» УПК).

Обратимся также к соотношению понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство». По мнению российского ученого Б.Т. Безлепкина, понятия «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» являются синонимами. Аргументируя свое мнение, он ссылается на то, что ранее «главный источник уголовно-процессуального права и в Российской империи, и в Советском Союзе в своем названии содержал понятие «судопроизводства» (Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.)» [28, с. 4]. Аналогичного мнения придерживается также И.В. Тыричев [29, с. 8]. В то же время М.А. Шостак [30, с. 8] и Х.У. Рустамов [31, с. 12] отмечают, что «уголовный процесс» понятие более широкое по содержанию, включающее в себя «уголовное судопроизводство».

ПИКоАП и УПК регулируют деятельность как судебных, так и несудебных органов, названия кодексов содержат слова «процессуально» и «процессуальный» соответственно. Согласно словарю С.И. Ожегова, термин «процесс» означает «ход, развитие какого-нибудь явления ...» [32, с. 931]. Опираясь на указанное значение рассматриваемой дефиниции, считаем, что понятия «административный процесс» и «уголовный процесс» более широкие по отношению к «административному судопроизводству» и «уголовному судопроизводству» соответственно. Отсюда следует, что термин «судебная» сужает возможности использования экспертизы, ограничивая ее применение рамками суда. В то же время, в соответствии

с п. 422⁴ гл. 41¹ Положения о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 01.09.2010 № 450, под «судебно-экспертной деятельностью» понимается «возмездное оказание услуг судам (судьям), органам дознания, следователям, прокурорам, иным участникам уголовного, гражданского, хозяйственного, административного процесса в установлении фактических обстоятельств дела, подлежащих доказыванию по делам, рассматриваемым в суде, делам об административных правонарушениях, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и иных сферах деятельности» [33]. Однако, в Едином квалификационном справочнике должностей служащих указано следующее.

Судебный эксперт-специалист «производит судебные и другие экспертизы на основании специальных познаний в науке, технике, искусстве, ремесле, иных сферах деятельности, возникающие в судебно-правовой практике ... в пределах специальной компетенции и в соответствии с законодательством Республики Беларусь» [34].

Эксперт «проводит экспертизы изделий, материалов и продукции различного назначения, товаров и услуг, проектно-сметной, нормативной и другой документации на основании специальных знаний в науке, технике, архитектуре и строительстве, экологии, иных сферах деятельности ... в пределах компетенции и в соответствии с законодательством Республики Беларусь и иными нормативными правовыми актами» [34].

Анализируя приведенные выше понятия, можно констатировать, что законодатель наделяет разными полномочиями судебного эксперта-специалиста и эксперта. Слово «судебный эксперт» используется в отношении судебно-правовой практики, в то время как понятие «эксперт» не ограничено сферой применения (законодатель только лишь приводит открытый список экспертиз, которые уполномочен проводить эксперт).

На практике указанные предписания не применяются. Например, в названии Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ) хоть и содержится слово «судебный», что по логике должно свидетельствовать о проведении в нем экспертиз, назначаемых только в судебных целях, но в действительности в ГКСЭ выполняют экспертизы, которые назначают правоохранительные органы, а также на договорной основе для физических и юридических лиц. Возможно по этой причине названия должностей в рассма-

триваемом учреждении не содержат слова «судебный», а просто именуется как «эксперт», «старший эксперт» и т.д. Таким образом, одно и то же лицо может проводить как судебные, так и другие экспертизы, которые регулируются различными актами законодательства.

На основании проведенного анализа можно заключить, что экспертиза, с учетом приведенных отличительных черт, которые выделяют ученые, а также предписаний законодательства, необоснованно называется в литературных источниках и некоторых нормативных правовых актах «судебной» в отношении административного и уголовного процессов. В данной ситуации следовало предложить ввести понятия «досудебная экспертиза» и «судебная экспертиза», выбрав в качестве критерия классификации орган (лицо), их назначивший. Однако, такая классификация не имеет никакой теоретической и практической ценности, т.к. данные экспертизы регулируются одним и тем же законодательством, в котором они используются в качестве синонимов. Это означает, что и процедура производства досудебной и судебной экспертиз будет абсолютно одинаковой. В отношении гражданского и административного процессов экспертиза по праву может называться «судебной». Однако, если исследуемое понятие применять для гражданского и административного процессов, может возникнуть терминологическая путаница. В одних случаях (хозяйственном и гражданском процессах) суд будет назначать судебные экспертизы, а в других (уголовном и административном процессах) – экспертизы.

Подводя итоги, можно констатировать следующее: отсутствует единый подход к определению понятия «судебная экспертиза»; ученые пытаются выделить различное количество отличительных черт; в законодательстве в одних случаях термин «экспертиза» употребляется с определяющим словом «судебная», а в других – без него. С целью установления возможных причин отсутствия единообразия в употреблении рассматриваемых дефиниций, в статье проведен анализ отдельных понятий, имеющих к ней отношение, а также приведены мнения авторов по вопросам, освещенным в данной работе. Все это позволило сделать вывод о необоснованности применения слова «судебная» в отношении экспертиз, назначаемых в рамках административного и уголовного процессов. В то же время в рамках гражданского и хозяйственного процессов использование исследуемой дефиниции правомерно. В целях недопущения терминологической путаницы в перечисленных процессах следует использовать единое понятие «экспертиза».

Список использованных источников

1. Колдин, В.Я. Формы и тактика использования специальных знаний при расследовании преступлений / В. Я. Колдин // Криминалистика: учебник / Т.С. Волчецкая [и др.]; отв. ред. Н.П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2005. – Гл. 19. – С. 413 – 428.
2. Анищенко, И.А. Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений. Назначение и производство экспертизы / И.А. Анищенко, Г.И. Грамович // Криминалистика: учебник / И.А. Анищенко [и др.]; под ред. Г.Н. Мухина. – Минск, 2006. – Гл. 25. – С. 448 – 464.
3. Филиппов, А.Г. Тактика назначения и порядок производства судебных экспертиз / А.Г. Филиппов // Криминалистика: учебник / В.В. Агафонов; под ред. А.Г. Филиппова. – М., 2007. – Гл. 19. – С. 246 – 260.
4. Зинин, А.М. Предмет и объекты судебной экспертизы / А.М. Зинин, Н.П. Майлис // Судебная экспертиза: учебник / А.М. Зинин, Н.П. Майлис. – М., 2002. – С. 18 – 22.
5. Балашов, Д.Н. Понятие судебной экспертизы и основания ее назначения и производства / Д.Н. Балашов, Н.М. Балашов, С.В. Маликов // Криминалистика: учебник / Д.Н. Балашов, Н.М. Балашов, С.В. Маликов. – М., 2005. – С. 236 – 237.
6. Кирвель, В.К. Понятие и виды судебных экспертиз. Тактика назначения и проведения судебной экспертизы / В.К. Кирвель // Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений. Тактика назначения и проведения судебной экспертизы: лекция / В.К. Кирвель. – Минск, 2010. – С. 8 – 20.
7. Белкин, Р.С. Краткая энциклопедия / Р.С. Белкин. – М.: Большая рос. энцикл., 1993. – 111 с.
8. Шляхов, А.Р. Основные черты судебной экспертизы / А.Р. Шляхов // Судебная экспертиза: организация и проведение: моногр. / А.Р. Шляхов. – М., 1979. – С. 3 – 7.
9. Саханова, Т.В. Сущность судебной экспертизы / Т.В. Саханова // Судебная экспертиза: моногр. / Т.В. Саханова. – М., 2000. – С. 17 – 47.
10. Россинская, Е.Р. Теоретические, процессуальные и организационные основы судебной экспертизы / Е.Р. Россинская // Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: моногр. / Е.Р. Россинская. – 3-е изд., доп. – М., 2011. – С. 7 – 323.
11. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза – основная процессуальная форма использования специальных знаний в судопроизводстве / Е.Р. Россинская [и др.] // Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб. пособие для студентов вузов / Е.Р. Россинская [и др.]; под общ. ред. Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили. – М., 2007. – С. 4 – 7.
12. Россинская, Е.Р. Сущность, задачи и объекты судебной экспертизы / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина // Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – М., 2010. – С. 3 – 19.
13. Орлов, Ю.К. Экспертиза как основная форма использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве / Ю.К. Орлов // Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): учеб. пособие / Ю.К. Орлов. – М., 1995. – Гл. 1 – С. 4 – 26.
14. Палиашвили, А.Я. Экспертиза как основная форма использования специальных познаний судом / А.Я. Палиашвили // Экспертиза в суде по уголовным делам / А. Я. Палиашвили. – М., 1973. – С. 3 – 19.
15. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка: ок. 30 000 слов / В.В. Виноградов [и др.]; под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 911 с.
16. Шапиро, Л.Г. Понятие и структура специальных знаний / Л.Г. Шапиро, В.В. Степанов // Специальные знания в уголовном судопроизводстве: моногр. / Л.Г. Шапиро, В.В. Степанов. – М., 2008. – С. 7 – 8.
17. Смирнов, А.В. Понятие судебной экспертизы. Условия для ее назначения / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский // Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2008. – С. 421 – 424.
18. Белкин, А.Р. Экспертное исследование доказательств / А.Р. Белкин // Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: моногр. / А.Р. Белкин. – М., 2005. – Гл. 7. – С. 303 – 366.
19. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
20. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 4 дек. 2013 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.
21. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 4 дек. 2013 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.
22. Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь: принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г.: одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г.: текст Кодекса по состоянию на 4 дек. 2013 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.
23. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 4 дек. 2013 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

24. Уткин, Д.В. Административное судопроизводство в современном правовом государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Д.В. Уткин; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2004. – 24 с.
25. Слепченко, Е.В. Административное судопроизводство: понятие, единство и дифференциация // Е.В. Слепченко // Юридическая библиотека юристлиб. [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_6627.html. – Дата доступа: 23.02.2014.
26. Ларин, А.М. Осуществление правосудия только судом / А.М. Ларин, Э.Б. Мельникова, В.М. Савицкий // Уголовный процесс России. Лекции-очерки / А.М. Ларин, Э.Б. Мельникова, В.М. Савицкий; под ред. В.М. Савицкого. – М., 1997. – С. 37 – 42.
27. Саханова, Т.В. Экспертиза в гражданском процессе (теоретическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. / Т.В. Саханова. – Красноярск, 1998. – 402 л.
28. Безлепкин, Б.Т. Понятие уголовного процесса (уголовного судопроизводства) и другие категории / Б.Т. Безлепкин // Уголовный процесс России: учеб. пособие / Б.Т. Безлепкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004. – С. 4 – 9.
29. Тыричев, И.В. Уголовный процесс и правосудие / И.В. Тыричев // Уголовный процесс: учебник для вузов / Л.Б. Алексеева [и др.]; под общей ред. П.А. Лупинской. – М., 1995. – С. 8 – 9.
30. Шостак, М.А. Понятие и задачи уголовного процесса / М.А. Шостак // Уголовный процесс. Общая часть: ответы на экзаменац. вопр. / М.А. Шостак. – 5-е изд., доп. – Минск, 2011. – С. 7 – 10.
31. Рустамов, Х.У. Понятие уголовно-процессуальной формы и сущность ее дифференциации / Х.У. Рустамов // Уголовный процесс. Формы: учеб. пособие для вузов / Х.У. Рустамов. – М., 1998. – С. 11 – 26.
32. Ожегов, С.И. Толковый словарь / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2013. – 1360 с.
33. Положение о лицензировании отдельных видов деятельности: утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 01.09.2010 № 450 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.
34. Выпуск 1 Единого квалификационного справочника должностей служащих «Должности служащих для всех видов деятельности»: постановление М-ва труда Респ. Беларусь от 30 дек. 1999 г., № 159; в ред. от 28.12.2013 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

Дата поступления: 10.10.2014

The article explores the current literature approaches to the concept of «judicial expertise», conducted by the analysis of normative documents regulating the procedure for the judicial examination proposed to refuse from the use of the word «judicial» in terms of examination.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

**ПСИХИЧЕСКИЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА ВСЛЕДСТВИЕ
УПОТРЕБЛЕНИЯ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ У ПОТЕРПЕВШИХ:
СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА, ПРАКТИКА
ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ****Кринчик Т.Ю.**

канд. мед. наук

Управление судебно-психиатрических
экспертиз управления
Государственного комитета
судебных экспертиз
Республики Беларусь
по Минской области

Аннотация

В настоящей работе приводятся результаты обследования потерпевших, которым проводились судебно-психиатрические экспертизы в управлении судебно-психиатрических экспертиз. Рассматриваются примеры вынесения экспертных решений при производстве судебно-психиатрических экспертиз в отношении потерпевших, при расстройствах, вызванных употреблением алкоголя.

Несмотря на огромный интерес к проблемам потерпевших в мире и в Республике Беларусь, в традиционной судебно-психиатрической литературе экспертизе указанной категории лиц уделяется недостаточное внимание. Так, в доступных пособиях по судебной психиатрии разделы, посвященные жертвам преступлений, занимают 1 – 5 % от всего текста. О расстройствах, связанных с употреблением психоактивных веществ у потерпевших, информации крайне мало. В работах по судебной психиатрии преимущественно рассматриваются вопросы виктимности потерпевших, возникновения у них психических расстройств в результате криминальной агрессии, решаются экспертные задачи о способности потерпевших с психическими расстройствами давать показания, правильно понимать характер и значение совершенных в отношении них действий и оказывать сопротивление, участвовать в судебно-следственных действиях. Все проанализированные исследования имеют узкую направленность и охватывают лишь отдельные категории потерпевших (например, исключительно потерпевших по половым преступлениям, несовершеннолетних жертв сексуального насилия, потерпевших с конкретными нозологическими формами – легкой умственной отсталостью, шизофренией, шизотипическим расстройством).

В исследованиях Н.К. Харитоновой, Т.И. Кадиной [1], Т.А. Смирновой [2], А.Ю. Березанцева [3; 4], С.А. Потапова [5] имеются сведения о том, что лица, страдающие шизофренией, шизотипическим расстройством, а также лица, злоупотребляющие алкоголем, становятся жертвами противоправных действий значительно чаще, чем психически здоровые лица и лица, страдающие другими психическими расстройствами. Н.К. Харитонова и Т.И. Кадина [1] подчеркивают, что лица, злоупотребляющие алкоголем, часто подвергаются имущественным преступлениям.

Информация о распространенности у потерпевших психической патологии очень скудна. По данным А.Ю. Березанцева [3], у 128 обсле-

дованных потерпевших диагностировались следующие патологии: органические психические расстройства (34,38 %), умственная отсталость различной степени (26,56 %), шизофрения (24,22 %), расстройства личности (10,16 %), психические и поведенческие расстройства в связи с употреблением психоактивных веществ (4,69 %). Результаты исследования А.Ю. Березанцева несколько расходятся с данными о распространенности психических расстройств у потерпевших, полученными в ходе нашего исследования [6]. Этот факт можно объяснить тем, что автор обследовал только потерпевших с психическими расстройствами. Распространенность психических и поведенческих расстройств у потерпевших, характер криминальных ситуаций с их участием не находят широкого отражения в исследованиях и требуют дальнейшего изучения.

Нами было обследовано 170 потерпевших, которым назначались амбулаторные судебно-психиатрические, комплексные судебные психолого-психиатрические, комплексные судебно-медицинские и психолого-психиатрические экспертизы [6].

Цель исследования – определить распространенность и характер психических расстройств у потерпевших с целью повышения качества оказания им психопрофилактической помощи, защиты их прав и законных интересов.

Одной из задач исследования было определение распространенности и характера психических расстройств у потерпевших, которым назначались судебно-психиатрические, комплексные судебные психолого-психиатрические, комплексные судебно-медицинские и судебно-психиатрические экспертизы, комплексные судебно-медицинские и психолого-психиатрические экспертизы.

Результаты исследования. Психические и поведенческие расстройства у потерпевших, которым назначались судебно-психиатрические, комплексные судебные психолого-психиатрические, комплексные судебно-медицинские и судебно-психиатрические, комплексные судебно-медицинские и психолого-психиатрические экспертизы, были обнаружены нами в 49,4 % случаев. Наиболее распространенными

явились органические, в том числе и симптоматические, психические расстройства (20,0 %), психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя (10,6 %), умственная отсталость (10,0 %). Существенно реже встречались психогенные психические расстройства (5,9 %), шизофрения и близкие к ней расстройства (4,1 %), расстройства поведения (3,5 %). Из всех диагностированных у потерпевших психических и поведенческих расстройств 18 (21,4 %) находились в прямой причинно-следственной связи с совершенными в отношении них противоправными действиями.

Итак, из 170 потерпевших у 18 человек (10,6 %) выставлялись диагнозы из рубрики F1 МКБ-10 «Психические и поведенческие расстройства вследствие употребления ПАВ». Речь пойдет только о расстройствах, связанных с употреблением алкоголя.

Из 18 потерпевших указанной группы 7 человек ранее попадали в поле зрения нарколога либо состояли на психиатрическом учете.

В отношении потерпевших из указанной группы совершались следующие виды преступлений:

- преступления против половой неприкосновенности или половой свободы – 1;
- преступления против собственности – 5;
- преступления против жизни и здоровья – 10;
- дорожно-транспортные происшествия (далее – ДТП) – 2.

Под ДТП подразумевались такие виды преступлений, как злоупотребление властью или служебными полномочиями, умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения, умышленное причинение легкого телесного повреждения; для каждого из этих видов преступлений характерно наличие в криминальной ситуации дорожно-транспортных происшествий.

Диагнозы из рубрики F1 МКБ-10 («Психические и поведенческие расстройства вследствие употребления психоактивных веществ»), которые выставлялись обследованным потерпевшим, а также характер криминальной агрессии приведены в таблице.

Таблица

<i>Вид преступления</i> \ <i>Диагноз</i>	Синдром зависимости от алкоголя	Состояние отмены алкоголя с делирием	Острая неосложненная алкогольная интоксикация	Расстройство личности вследствие употребления алкоголя
Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы			1	
Преступления против собственности	2		1	2
Преступления против жизни и здоровья	6	1	1	2
ДТП	1	1		

При производстве экспертиз решались следующие экспертные вопросы.

1. Беспомощное состояние (констатировалось у 1 потерпевшей в ситуации изнасилования при острой неосложненной алкогольной интоксикации).

2. Способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания.

3. Взаимосвязь криминальной агрессии и возникновения психического расстройства. Как показала экспертная практика, не актуален вопрос о причинно-следственной связи между характером криминальной агрессии и возникновением психического расстройства (0 человек из 18, что закономерно для данной группы расстройств).

Рассмотрим группы потерпевших по отдельным нозологическим формам.

Синдром зависимости от алкоголя – 9 потерпевших.

В данной группе в 6 случаях были совершены преступления против жизни и здоровья. В отношении всех потерпевших было вынесено решение о способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания.

Состояние отмены алкоголя с делирием – 2 потерпевших.

В этих ситуациях выносились решения о неспособности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания.

Расстройство личности вследствие употребления алкоголя, синдром зависимости от алкоголя – 4 потерпевших.

В отношении всех потерпевших было вынесено решение о способности правильно вос-

принимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания.

Острая неосложненная алкогольная интоксикация – 3 потерпевших.

В качестве клинического примера предлагается рассмотреть конкретные экспертные ситуации.

Пример 1. К., 39 лет. Потерпевший по уголовному делу, возбужденному в отношении неустановленных лиц, которые причинили К. легкие телесные повреждения, не повлекшие за собой кратковременного расстройства здоровья, и материальный ущерб. *Соматически здоров. На учете у нарколога и психиатра не состоит. Имеет среднее специальное образование. Женат. К. обратился в дежурную часть около 22.30, пояснил, что его избили двое мужчин, похитили у него деньги и сигареты. Из показаний К. известно, что после работы он поехал в Р., на вокзале выпил 150 гр. вина. Из Р. приехал в М., в кафе выпил 500 г. водки. На вокзале посмотрел расписание, после чего пошел к выходу. Около выхода стояли двое мужчин, один из которых попросил закурить. Подэкспертный ответил, что сигарет у него нет. В дальнейшем его показания расходятся. 1) «Что происходило на вокзале, я помню смутно, так как к этому времени употребил большое количество спиртного. Помню, что какой-то мужчина, возможно, молодой парень, нанес мне удар рукой в лицо, и я упал. Что происходило до этого, я пояснить не могу, так как не помню этого. Почему ... мне нанесли удар рукой в лицо, я пояснить затрудняюсь, потому что не помню обстоятельств, которые предшествовали этому. При этом я не исключаю, что сам спровоцировал на это кого-то. В том, что у меня похитили деньги,*

я заблуждался». 2) «Обстоятельства, происшедшие со мной...я почти не помню». Свидетель Н. показал, что К. вел себя вызывающе, находился в нетрезвом состоянии. Свидетель Д. на допросе утверждал, что К. находился в нетрезвом состоянии, в грубой форме попросил, чтобы ему налили спиртного. Свидетель отказал, тогда мужчина выразился в его адрес нецензурной бранью. Свидетель встал и оттолкнул мужчину. Согласно протоколу медицинского освидетельствования у подэкспертного диагностировалось алкогольное опьянение, содержание алкоголя в выдыхаемом воздухе составляло 2,56 промилле. Отмечено: дисфоричен, на вопросы отвечает не всегда по существу, несколько заторможен. В сознании, ориентирован всесторонне правильно. Речь ускорена, несколько смазана, связность изложения изменена. Лицо гиперемировано, склеры инъектированы. При освидетельствовании в управлении судебно-психиатрических экспертиз пояснил, что после работы выпил в Р. 0,5 л водки и поехал в М., где в кафе выпил еще около 100 г водки. «Потом провал. Из кафе вышел в 6 вечера. В 10 вечера зашел на вокзал, чтобы посмотреть расписание. Где был все это время, не знаю. На вокзале ориентировался более-менее. Выпить не просил, но помню смутно, местами. Выходя, почувствовал удар в область левой щеки, видел руку и очертания мужчины, которого узнал на следствии. После удара провал. Дальше поднялся, вышел на улицу, хотел закурить, но сигарет не обнаружил, денег тоже не было. Решил, что деньги украли, пошел в милицию. На следующий день обнаружил в куртке деньги и сигареты». С учетом многоосевой версии международной классификации психических и поведенческих расстройств 10-го пересмотра (МКБ-10), К. был установлен следующий диагноз. Ось 1. Без психических расстройств. Ось 2. Самообслуживание – 0 (нет нарушения функции). Трудовая деятельность – 0 (нет нарушения функции). Деятельность в семье и дома – 0 (нет нарушения функции). Жизнедеятельность в широком социальном смысле – 0 (нет нарушения функции). Ось 3. Аномальные психосоциальные факторы отсутствуют. К. каким-либо психическим расстройством не страдал в период совершения в отношении него противоправных действий и не страдает в настоящее время. В исследуемый период времени К. находился в состоянии острой неосложненной алкогольной интоксикации. Об этом свидетельствуют данные о недавнем употреблении им алкоголя в достаточно высокой дозе, развитие на этом фоне помрачения сознания до степени легкой оглушенности, за-

торможенности (из протокола медицинского освидетельствования: на вопросы отвечает не всегда по существу, несколько заторможен), расторможенности потребностей и влечений, смазанности речи, гиперемии лица, а также подтверждение состояния алкогольного опьянения протоколом медицинского освидетельствования. В пользу острой неосложненной алкогольной интоксикации свидетельствуют также показания самого исследуемого о том, что события, связанные с совершением в отношении него противоправных действий, он помнит смутно, а также свидетельские показания (свидетель Д. показал, что подэкспертный находился в состоянии алкогольного опьянения, в грубой форме просил, чтобы ему налили спиртного; свидетели Н. и Ш. показали, что К. находился в нетрезвом состоянии; подозреваемый Н. на допросе утверждал, что потерпевший вел себя вызывающе). С учетом характера перенесенного состояния (острой неосложненной алкогольной интоксикации), нарушения способности к восприятию окружающей действительности, помрачения сознания в исследуемой ситуации и, вследствие этого, неспособности к воспроизведению обстоятельств происшедшего К. не способен правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания.

Пример 2. М., 15 лет. Потерпевшая по уголовному делу, возбужденному в отношении Г., обвиняемого по ст. 167 в насильственных действиях сексуального характера. Учащаяся 9 класса, из благополучной семьи. Соматически здорова, вне поля зрения психиатров и наркологов. Характеризуется крайне положительно, хорошо учится, посещает секции. На допросе исследуемая пояснила, что встретила новый год с родителями, после чего вместе с подругами отправилась в д. Ш., где отмечали Новый год знакомые. «Придя в дом, мы сели за стол и вместе с присутствовавшими в доме молодыми людьми начали растивать спиртные напитки... За все время я примерно выпила 6-7 рюмок вина и водки вместе. От выпитого спиртного я сильно опьянела и не заметила, как мои подруги ушли из вышеуказанного дома. Затем я не помню, что со мной происходило. Сегодня утром около 10 часов меня разбудил доктор (женщина), она спросила, как меня зовут и что со мной случилось. Данные свои я назвала, а рассказать, что произошло, не могла пояснить. Почему я была без нижней одежды, я также не могу объяснить, доктор помогла мне одеться и мы поехали в больницу». На допросе 12.03.2009 г. М. свои показания не меняла, сообщила, что во время

застолья пила вино и водку, 400 грамм в общей сложности, а может и больше... «От выпитого спиртного я быстро опьянела. Стала не ориентироваться в обстановке. Звуки музыки, песни – все слилось в одно. Я не помню, что потом со мной происходило, и как вела себя. Очнувшись я утром, около 6 часов в спальном комнате дома, где отмечала Новый год. Лежала я на кровати, у которой в халате стоял доктор, он приводил меня в чувство. Я обратила внимание, что я была накрыта какой-то курткой, которую отбросила в сторону. С меня были сняты трусы и брюки, которые лежали рядом на этой кровати. Доктору я не могла объяснить, что произошло со мною. Я не знала как я очутилась на кровати... Объяснить это могу только тем, что от употребленного спиртного я сильно опьянела, в связи с чем потеряла ориентацию... Раньше у меня такого не случалось. Да и вообще я до этого случая не употребляла спиртные напитки». Из свидетельских показаний: «М. была сильно пьяна и вся в рвотных массах... находилась в бесчувственном состоянии, не реагировала на то, что происходило вокруг... она была сильно пьяна, ничего не соображала». Свидетель Н. (врач акушер-гинеколог) показала, что исследуемая была заторможена, на вопрос, что произошло, ничего конкретно не сказала, сообщила, что ничего не помнит, «не была трезвой». Из показаний свидетеля С. (врача-терапевта) известно, что М. была заторможена, движения у нее были шаткими, сообщила, что употребила вино, затем ничего не помнит. Жалоб на состояние здоровья не предъявила, «не отошла от алкогольного опьянения». Г. на допросе утверждал, что исследуемая пришла в 2 часа ночи, употребляла спиртные напитки. Сидела на веранде в состоянии алкогольного опьянения, ее кто-то завел в дом и положил на кровать. Она упала с кровати, тогда Г. снова положил ее на кровать. Решил совершить с ней половой акт вопреки ее воле, так как она спала пьяная. Снял с нее брюки и трусы, указательный палец левой руки засунул во влагалище, сделав несколько движений пальцем. Почувствовал, что из влагалища пошла кровь, испугался и более никаких действий не предпринимал. Относительно исследуемых противоправных действий во время освидетельствования повторила показания, данные на следствии. Утверждала, что отмечала Новый год с родителями, была трезва, затем пошла в гости, где выпила 100 г вина и около 300 г водки, сильно опьянела. «Мы пошли танцевать. Помню, что я танцевала. Когда пришла в себя, лежала на кровати, было светло, увидела доктора. Чувствовала себя плохо, очень кружи-

лась голова. Сама оделась, поехала в больницу. Что произошло, не знаю. В больнице рассказали, что изнасиловали». Объективно: на экспертизу пришла самостоятельно. Выглядит соответственно своему возрасту. Жалоб на состояние психического здоровья не предъявляет. Сомато-неврологически: без особенностей. Психическое состояние: сознание ясное, контакту доступна, спокойна, стеснительна, несколько замкнута. Речь внятная, грамматически и логически правильная. Мимика живая, выразительная. В месте, времени, собственной личности ориентируется верно. Психотической симптоматики нет. Память, внимание и интеллект не нарушены. Анамнестические сведения излагает подробно, последовательно, называет основные значимые даты своей жизни. Мышление с чертами конкретности. Способность к анализу, обобщению и абстрагированию несколько ограничена. Правильно передает переносный смысл распространенных пословиц и метафор, значения более сложных не понимает. Уровень общеобразовательных знаний невелик, однако исследуемая имеет хорошую общежитийскую осведомленность. Сообщила, что живет с родителями и старшим братом, учится в 9 классе, отношения со взрослыми и сверстниками конфликтного характера не носят. Эмоционально адекватна, фон настроения ровный. Понимает цель настоящего освидетельствования, знает свой статус по уголовному делу. Относительно исследуемых противоправных действий повторяет показания, данные на следствии. Утверждает, что отмечала Новый год с родителями, была трезва, затем пошла в гости, где выпила 100 г вина и около 300 г водки, сильно опьянела. «Мы пошли танцевать. Помню, что я танцевала. Когда пришла в себя, лежала на кровати, было светло, увидела доктора. Чувствовала себя плохо, очень кружилась голова. Сама оделась, поехала в больницу. Что произошло, не знаю. В больнице рассказали, что изнасиловали». Объясняет, чем изнасилование отличается от добровольного вступления в половую связь. Имеет хорошее представление о функциональных особенностях полов, физиологии половых отношений, общепринятых представлениях о возрасте начала половой жизни. Считает, что человек, который совершил в отношении нее насильственные действия, поступил «плохо», так как сделал это против ее воли, осознает цели и мотивы обвиняемого. Говорит, что после случившегося чувствует себя «нормально», отношения с окружающими людьми не изменились. Критична к своему состоянию и следственной ситуации. С использованием многоосевой версии

МКБ-10 на момент освидетельствования М. можно установить следующий диагноз: Ось 1. Клинические психопатологические синдромы: без психических расстройств. Ось 2. Специфические расстройства психического развития: без психических расстройств. Ось 3. Уровень интеллекта в пределах нормы. Ось 4. Соматических нарушений нет. Ось 5. Проблемы, связанные с сексуальным насилием (Z 61.4). Указанная категория (Z-код) не относится к психическим и поведенческим расстройствам, однако представляет возможным отразить аспекты неблагоприятной психосоциальной ситуации исследуемой, ее прошлого опыта, с целью прогнозирования факторов риска психических расстройств в будущем. Ось 6. Общая оценка нарушения психосоциальной продуктивности: отличное социальное функционирование. М. в период совершения в отношении нее противоправных действий находилась в состоянии острой неосложненной алкогольной интоксикации, о чем свидетельствуют данные в материалах уголовного дела об употреблении алкоголя в достаточно высокой дозе, развитие на этом фоне помрачения сознания до степени глубокой оглушенности, заторможенности, резкой слабости, прояв-

лений интоксикации в виде рвоты, головокружения, отсутствие сопротивления действиям преступника, попыток защитить себя, неспособность к восприятию происходящих событий, установлению контакта с окружающими, критической оценке своих поступков. С учетом характера и тяжести перенесенного состояния, запоминания исследуемых событий, помрачения сознания в криминальной ситуации и, вследствие этого, неспособности к воспроизведению обстоятельств преступления, к самопроизвольной регуляции своего поведения, М. была не способна понимать характер и значение совершаемых с ней действий и оказывать сопротивление, а также не способна правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания.

Заключение. Несмотря на то, что при определенных нозологических формах были вынесены сходные экспертные решения, судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших является одним из самых сложных и неоднозначных видов экспертиз. Алгоритмы вынесения экспертного решения при расстройствах, вызванных употреблением психоактивных веществ, требуют дальнейшей разработки.

Список использованных источников

1. Харитоновна, Н.К. Виктимность лиц, злоупотребляющих алкоголем / Н.К. Харитоновна, Т.И. Кадина // Здоровье нации и национальная безопасность: материалы и тезисы выступ. Междунар. конф. Криминал. ассоц. – М., 2004. – С. 98 – 99.
2. Смирнова, Т.А. Больные шизофренией – жертвы насилия (проблема виктимности) / Т.А. Смирнова // Серийные убийства и социальная агрессия: тезисы докл. конф., Ростов н/Д, 20 – 22 сент. 1994 г. / Ростов. гос. мед. ун-т; редкол.: А.С. Андреев [и др.]. – Ростов н/Д: РГМУ, 1994. – С. 94 – 95.
3. Березанцев, А.Ю. Виктимологическая и судебно-психиатрическая оценка психических расстройств у потерпевших / А.Ю. Березанцев, Т.Ю. Филатов // Психиатрия и современное общество : материалы III съезда психиатров и наркологов Республики Беларусь / М-во здравоохранения Респ. Беларусь, Белорус. психиатр. ассоциация, ГУ «РНПЦ психического здоровья»; редкол.: С.А. Игумнов [и др.]. – Минск: РНПЦ, 2009. – С. 15 – 17.
4. Березанцев, А.Ю. Особенности судебно-психиатрической оценки потерпевшего, страдающего шизофренией (клинико-психопатологический и виктимологический аспекты) / А.Ю. Березанцев, Т.Ю. Филатов, О.Н. Гусева // Сборник № 46 / ГНЦ ССП им. В.П. Сербского. – М.: ГНЦ ССП Росздрава, 2008. – С. 13 – 25.
5. Потапов, С.А. Виктимность психически больных / С.А. Потапов // Серийные убийства и социальная агрессия: тезисы докл. конф., Ростов н/Д, 20 – 22 сент. 1994 г. / Ростов. гос. мед. ун-т; редкол.: А.С. Андреев [и др.]. – Ростов н/Д : РГМУ, 1994. – С. 86 – 87.
6. Кринчик, Т.Ю. Судебно-психиатрическая оценка психических расстройств у потерпевших: дис. ...канд. мед.наук: 14.01.06 / Т.Ю. Кринчик. – Минск, 2011. – 162 л.

Дата поступления: 08.10.2014

Annotation

In the present paper the results of a survey of victims who were undergone forensic psychiatric examination in the management of forensic psychiatric examinations. Examples of expert determination of forensic psychiatric examinations in respect of victims caused by alcohol abuse have been regarded.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ СОВЕРШЕНИЯ
НЕНАСИЛЬСТВЕННЫХ И НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
У ЛИЦ С ДИССОЦИАЛЬНЫМ РАССТРОЙСТВОМ ЛИЧНОСТИ****Семенов В.Н.**

Управление судебно-психологических
экспертиз главного управления
судебно-психиатрических
экспертиз центрального аппарата
Государственного комитета
судебных экспертиз
Республики Беларусь

Аннотация

В статье обсуждается проблема выделения в структуре диссоциального расстройства личности психологических свойств, которые могут служить надежными предикторами совершения ненасильственных и насильственных правонарушений. Сформулированы дискриминантные уравнения, описывающие риск совершения ненасильственного и насильственного правонарушения у преступников с диссоциальным расстройством личности.

Явление «криминалотаксиса», описанное Г.В. Назаретяном, связано с тем, что наличие психических аномалий не только увеличивает риск криминального поведения, но и влияет на его характер [1, с. 48]. По наблюдениям отечественных и зарубежных исследователей, лишь некоторые формы расстройства личности характеризуются высоким риском криминального поведения. Из этого следует, что патопсихологическая структура одних расстройств личности препятствует, а других – способствует криминальному поведению. Диссоциальное расстройство личности (далее – ДРЛ) наряду с истерическим и эмоционально-неустойчивым относят к формам расстройств личности, характеризующимся высоким риском криминального поведения [2 – 4; 7 – 13]. Облигатные патопсихологические свойства ДРЛ проявляются в пренебрежении социальными нормами, черством и равнодушном отношении к чувствам окружающих, неспособности извлекать положительные уроки из собственного негативного опыта, низкой переносимости фрустрационных воздействий и готовности к незамедлительному агрессивному поведению в ответ на незначительные фрустрации. В своих неудачах и проблемах такие лица обвиняют окружающих, а своему антисоциальному поведению находят благовидные объяснения.

В реальной жизни поведение лиц с ДРЛ представляет собой континуум, на одном конце которого находятся лица, ведущие пассивный и эксплуатирующий образ жизни, а на другом – жестокие убийцы [7 – 15]. Наиболее обширную группу в поведенческом континууме образуют лица с ДРЛ, которые наряду с асоциальным поведением совершают криминальные действия различного характера. Объективным подтверждением этого факта могут служить данные о предельно высокой частоте встречаемости лиц с ДРЛ среди контингента пенитенциарных учреждений. В работах Р. Хаэра, Э. Вайдинг, Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриевой и Г.В. Назаретяна оценка распространенности ДРЛ варьирует в широких пределах от 30 до 90% [1; 5; 6; 8; 12]. Вариативность криминального поведения, наблюдаемая у лиц с ДРЛ, может маскировать различия в проявлении облигатных патопсихологических свойств и соответствующую им специфичность криминальных действий.

Оценка характера и структуры криминального поведения при ДРЛ, по данным различных исследований, является неоднозначной. Часть исследователей сходятся во мнении о том, что при ДРЛ в основном совершаются ненасильственные преступления [2; 4; 9 – 11]. Другая часть исследователей указывают на факт высокой частоты насильственных преступлений среди лиц с ДРЛ [16; 17]. Эти данные послужили основанием для М. Dolan, М. Doyle и М. Stone рассматривать ДРЛ в качестве значимого предиктора совершения насильственно-агрессивных правонарушений [16; 17]. За вариативностью асоциальных и криминальных паттернов поведения у лиц с ДРЛ могут скрываться различия в структурной организации и проявлении их психологических свойств. При этом вопрос о специфических факторах риска совершения преступниками с ДРЛ насильственных и ненасильственных правонарушений до сих пор является недостаточно исследованным.

Дискуссионность вопроса о специфике криминального поведения лиц с ДРЛ, отсутствие однозначных научных данных о характере проявления облигатных патофизиологических свойств у преступников с ДРЛ, совершающих ненасильственные и насильственные правонарушения, определили объект, предмет и цель настоящего исследования. *Объектом* исследования стали лица с ДРЛ, совершившие насильственные правонарушения. *Предмет* исследования составили облигатные патофизиологические свойства лиц с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения. *Цель* исследования в контексте обсуждаемой проблемы состояла в выявлении у преступников с ДРЛ облигатных патофизиологических свойств, являющихся предикторами совершения насильственных правонарушений.

Организация и методика исследования

На первом этапе исследования путем операционализации диагностических критериев, используемых в МКБ-10 для постановки диагноза ДРЛ, был определен комплекс психодиагностических методов и перечень измеряемых с их помощью психологических характеристик, представленный следующими 29 психометрическими показателями, разделенными на 8 групп: 1. *Нравственные чувства*: совесть (СВ), чувство вины (ЧВ) и эмпатия (ЭМП); 2. *Общительность* (ОБЩ); 3. *Асоциальные и антисоциальные эмоциональные переживания*: негативизм (НГ), подозрительность (ПОД), обида (ОБ) и индекс враждебности (ИВ); 4. *Асоциальность* (АС); 5. *Общий и частные показатели интернальности*: общая

интернальность (ОИ), интернальность в области достижений (ИД), неудач (ИН), семейных отношений (ИСО), производственных отношений (ИПО), межличностных отношений (ИМО) и здоровья (ИЗ); 6. *Формы агрессивного поведения и показатель общей агрессивности*: физическая (ФА), вербальная (ВА) и косвенная (КА) агрессия и индекс агрессивности (ИА); 7. *Варианты фрустрационных эмоциональных реакций*: раздражение (РЗДР), гнев (ГН), страх (СТР) и бессилие (БС); 8. *Варианты поведенческих реакций в ситуации фрустрации*: активная агрессия (АА), ассертивная реакция (АР), пассивная агрессия (ПА), подавленная агрессия (ПДА) и бегство-уход (БУ).

На втором этапе в соответствии с целью исследования были сформированы три выборки, общая численность которых составила 174 человека мужского пола. Все испытуемые были разделены на три группы: основную (группа 1) и две контрастные (группа 2 и группа 3). Группа 1 (n=56) состояла из испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения. Средний возраст испытуемых в этой группе составил 29,5±7,4 лет (от 17 до 48 лет). Во вторую группу (n=58) вошли испытуемые с ДРЛ, совершившие ненасильственные правонарушения. Средний возраст испытуемых в этой группе составил 27,1±6,5 лет (от 17 до 48 лет). Группа 3 (n=60) состояла из испытуемых, не имеющих психических расстройств, и не привлекавшихся к уголовной ответственности. Средний возраст испытуемых в этой группе составил 26,6±7,1 (от 17 до 43 лет). Способ формирования выборок являлся случайным.

Результаты исследования и их обсуждение

Для выделения и отбора среди психологических характеристик, измеренных в группах испытуемых с ДРЛ и без ДРЛ, переменных-предикторов и построения на их основе дискриминантных функций, позволяющих предсказать риск совершения ненасильственных и насильственных правонарушений для каждой из трех групп, нами была использована статистическая процедура дискриминантного анализа. В результате использования дискриминантного анализа независимых психологических переменных были построены три дискриминантные функции, описывающие риск совершения ненасильственных преступлений для испытуемых из группы 2 и группы 3, риск совершения насильственных правонарушений для испытуемых из группы 1, группы 2 и группы 3.

В ходе дискриминантного анализа независимых психологических переменных, соответствующих многомерной нормальности по критерию М Бокса ($p=0,880$), в группах испытуе-

мых с ДРЛ, совершивших ненасильственные правонарушения, и без ДРЛ на втором шаге были выделены две дискриминантные переменные ИВ ($p=0,000$) и СТР ($p=0,000$), значимо отличающие между собой две группы по критерию Лямбда Уилкса и коэффициенту канонической корреляции ($r=0,583$) средней силы. На основе выделенных дискриминантных переменных была построена дискриминантная функция, имеющая вид:

$$d=-2,094+0,567 \times \text{ИВ}-0,109 \times \text{СТР}$$

При этом значение центроида дискриминантной функции для лиц с ДРЛ, совершивших ненасильственные правонарушения, составило 0,724, а для представителей нормативной группы – (-0,699). Таким образом, высокий уровень враждебного отношения к окружающим в сочетании с дефицитом переживания чувства страха в ситуации фрустрации позволяют корректно классифицировать 77,1% испытуемых по двум группам.

Дискриминантный анализ независимых психологических переменных, соответствующих многомерной нормальности по критерию М Бокса ($p=0,054$), в группах испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, и без ДРЛ на четвертом шаге позволил выделить четыре дискриминантные переменные ИВ ($p=0,000$), ПДА ($p=0,000$), БС ($p=0,000$) и ПА ($p=0,000$), значимо отличающие между собой две группы по критерию Лямбда Уилкса и коэффициенту канонической корреляции ($r=0,689$) средней силы. На основе выделенных дискриминантных переменных была построена дискриминантная функция, имеющая вид:

$$d=-1,028+0,518 \times \text{ИВ}-0,060 \times \text{БС}+0,089 \times \text{ПА}-0,126 \times \text{ПДА}$$

При этом значение центроида дискриминантной функции для лиц с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, составило 0,975, а для представителей нормативной группы – (-0,910). Таким образом, высокий уровень враждебного отношения к окружающим, сопровождающийся выраженным переживанием чувства гнева в сочетании с дефицитом чувства беспомощности в ситуации фрустрации и

недостаточной способностью к сдерживанию, подавлению агрессии и злости, к их косвенному и отсроченному выражению в ситуации фрустрации позволяют корректно классифицировать 81,0% испытуемых по двум группам.

При дискриминантном анализе независимых психологических переменных, соответствующих многомерной нормальности по критерию М Бокса ($p=0,862$), в группах испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные и ненасильственные правонарушения, на втором шаге были выделены две дискриминантные переменные ГН ($p=0,001$) и ПДА ($p=0,001$), значимо отличающие между собой две группы по критерию Лямбда Уилкса и коэффициенту канонической корреляции ($r=0,356$) умеренной силы. На основе выделенных дискриминантных переменных была построена дискриминантная функция, имеющая вид:

$$d=0,536+0,061 \times \text{ГН}-0,112 \times \text{ПДА}$$

При этом значение центроида дискриминантной функции для лиц с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, составило – 0,384, а для испытуемых с ДРЛ, совершивших ненасильственные правонарушения, – (-0,371). Таким образом, высокий уровень переживания гнева в сочетании с дефицитом способности к сдерживанию, подавлению агрессии и злости, к их косвенному и отсроченному выражению в ситуации фрустрации позволяют корректно классифицировать 64,0% испытуемых по двум группам.

Таким образом, по результатам дискриминантного анализа независимых психологических переменных, измеренных в группах лиц с ДРЛ, совершивших ненасильственные и насильственные правонарушения, и у представителей нормативной группы, были получены три дискриминантных уравнения, описывающих риск совершения ненасильственных и насильственных правонарушений. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о существовании в структуре ДРЛ облигатных патопсихологических свойств, которые существенно увеличивают риск совершения ненасильственных и насильственных правонарушений.

Список использованных источников

1. Назаретян, Г.В. Невменяемость: уголовно-релевантные психические состояния / Г.В. Назаретян. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 48.
2. Агрессия и психические расстройства: в 2 т. / Т.Б. Дмитриева [и др.]; под ред. Т.Б. Дмитриевой [и др.]. – М.: РИО ФГУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2006. – Т. 1. – 374 с.
3. Гельдер, М. Оксфордское руководство по психиатрии: в 2 т. / М. Гельдер [и др.] / Пер. с англ. Т. Кучинская, Н. Полищук. – К.: Сфера, 1999. – Т. 2. – 436 с.

4. *Обросов, И.Ф.* Расстройства личности у осужденных в местах лишения свободы (клинико-динамический и медико-социальные аспекты): дис. ... д-ра мед. наук: 14.00.18 / И.Ф. Обросов; Гос. науч. центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. – М, 2004. – 356 л.
5. *Viding, E.* Annotation: Understanding the development of psychopathy / E. Viding // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – 2004. – Vol. 45, №. 8. – P. 1329 – 1337.
6. *Viding, E.* Evidence for substantial genetic risk for psychopathy in 7-year-olds / E. Viding [et al.] // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – 2005. – Vol. 46, №. 6. – P. 592 – 597.
7. *Кернберг, О.Ф.* Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии / О.Ф. Кернберг / Пер. с англ. М.И. Завалова. – М.: Независимая фирма Класс, 2000. – 464 с.
8. *Короленко, Ц.П.* Личностные расстройства / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – СПб.: Питер, 2010. – 400 с.
9. *Мак-Вильямс, Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Н. Мак-Вильямс / Пер. с англ. М.В. Глушенко [и др.]. – М.: Независимая фирма «Класс», 2001. – 480 с.
10. *Хазр, Р.Д.* Лишенные совести / Р.Д. Хазр / Пер. с англ. Б.Л. Глушак. – М.: ООО И.Д. Вильямс, 2007. – 288 с.
11. *Cleckley, H.M.* The Mask of Sanity / H.M. Cleckley. – St. Louis: C.V. Mosby Co., 1976. – 469 p.
12. *Hare, R.D.* Psychopathy as a Risk Factor for Violence / R.D. Hare // *Psychiatric Quarterly*. – 1999. – Vol. 70, №. 3. – P. 181 – 197.
13. *Hare, R.D.* The PCL-R Assessment of Psychopathy. Development, Structural Properties, and New Directions / R.D. Hare, C.S. Neumann // *Handbook of psychopathy* / C.J. Patrick; edited by C.J. Patrick. – New York: The Guilford Press, 2006. – P. 58 – 88.
14. *Белялов, Ф.И.* Психические расстройства в практике терапевта / Ф.И. Белялов. – М.: МЕДпресс-информ, 2005. – 256 с.
15. Когнитивная психотерапия личностных расстройств / А. Бек, А. Фримен; под ред. А. Бека, А. Фримена / Пер. с англ. С. Комаров. – СПб.: Питер, 2002. – 544 с.
16. *Dolan, M.* Violence risk prediction / M. Dolan, M. Doyle // *British Journal of Psychiatry*. – 2000. – Vol. 177, №. 4. – P. 303 – 311.
17. *Stone, M.H.* Violent crimes and their relationship to personality disorders / M.H. Stone // *Personality and Mental Health*. – 2007. – Vol. 1, №. 2. – P. 138 – 153.

Дата поступления: 08.10.2014

Annotation

130

The article discusses the problem of allocating the structure dissociative personality disorder psychological properties, that can serve as reliable predictors of non-violent and violent offenses. Formulated discriminant equations, describing the risk of non-violent and violent offenses at criminals with dissociative personality disorder.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДАННЫМ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТРАВМА КАК ФАКТОР РИСКА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ И ЖИЗНИ СПОРТСМЕНОВ

Артюшкевич В.С.

Государственный комитет
судебных экспертиз
Республики Беларусь

Главное управление
судебно-медицинской экспертизы

Аннотация

На основании данных литературы и собственных наблюдений проведен анализ наиболее часто встречающейся спортивной травмы. Указаны механогенез, патоморфология, клиническое течение и исход травмы.

Спортивный травматизм является неотъемлемой частью многих видов профессионального и любительского спорта. Причинами и предрасполагающими факторами спортивной травмы являются неудовлетворительное состояние спортивных сооружений; недостатки в организации и проведении тренировочного процесса и соревнований; использование предельных и запредельных нагрузок; ненадежная и неквалифицированная страховка спортсмена; недостаточная разминка; неквалифицированный медицинский контроль за здоровьем и физическим состоянием спортсменов; допуск к тренировке и соревнованиям больных и не полностью выздоровевших; прием запрещенных стимуляторов, нарушение спортивного режима, неспортивное, агрессивное поведение по отношению к сопернику с целью добиться победы любым способом.

Диагностикой и лечением травмы занимаются спортивные врачи, травматологи – ортопеды, хирурги, неврологи; нередко – тренеры и сами спортсмены. Не всегда повреждениям уделяется должное внимание в надежде на самоизлечение. Судебно-медицинская экспертиза спортивной травмы с целью определения степени тяжести телесных повреждений проводится крайне редко. Как правило, экспертиза осуществляется в случаях летальных исходов спортсменов.

Спортивный травматизм в силу своей актуальности находится в поле зрения судебных медиков. Изучаются механогенез, частота травмы, причины летальных исходов [1 – 4]. Несмотря на имеющиеся публикации, проблема спортивной травмы остается актуальной и требует дальнейшего исследования. На основании данных литературы и собственных наблюдений проведен анализ клинико-морфологических признаков травм при различных видах спорта и близких к ним по механизму травматических повреждений.

В структуре спортивной травмы преобладают повреждения мягких тканей в виде ссадин, кровоподтеков, ран, которые по степени тяжести относятся к легким телесным повреждениям. Повреждения мышц, сухожилий, связок (разрывы и растяжения) возникают вследствие прямой механической травмы или резких мышечных сокращений при беге, прыжках в длину и высоту, игре в футбол, баскетбол, у штангистов, борцов, прыгунов в воду, гимнастов. В абсолютном большинстве случаев эти повреждения имели бесконтактные с противником происхождения.

Значительное место в структуре спортивной травмы занимают повреждения суставов: голеностопного, колен-

ного, локтевого, плечевого. Этот вид травмы наиболее часто встречается у футболистов, хоккеистов, гимнастов, борцов, штангистов, бегунов, теннисистов. Травма обычно сопровождается разрывом связочного аппарата, повреждениями хрящей, кровоизлиянием в полость сустава. Нелеченные повреждения суставов переходят в хроническую форму. Механизм суставных повреждений обычно обусловлен чрезмерными, форсированными движениями в суставах, а также резким не скоординированным сокращением мышц, ведущим к перенапряжению фиброзной капсулы сустава и его связок [3].

Первое место среди травматических повреждений занимает коленный сустав, что типично для травмы футболистов, хоккеистов, горнолыжников, баскетболистов, бегунов, штангистов. Травма сустава обычно характеризуется повреждением менисков, боковых и крестообразных связок. Типичным для механизма повреждения менисков является одновременное отведение, легкое сгибание и ротирование кнаружи голени в коленном суставе с последующим ее разгибанием. При этом медиальный диск смещается вглубь сустава, происходит резкое напряжение большеберцовой связки. Прикрепленный к ней мениск подвергается резкой тяге и разрывается в продольном направлении или отрывается от большеберцовой связки [3; 5]. Повреждения крестообразных связок возникают при повороте голени внутрь, когда происходит скручивание связки вокруг ее продольной оси, а также резком переразгибании голени в коленном суставе с последующим напряжением передней крестообразной связки и поперечное ее сжатие вследствие сдавления межмышечковым возвышением. Повреждение боковых связок коленного сустава возникает при резком отведении или приведении разогнутой голени при фиксированном бедре. Такие повреждения отмечаются у футболистов, борцов, баскетболистов [5].

У волейболистов, ватерполистов, баскетболистов, вратарей, толкателей ядра, метателей диска обычно травмируются пальцы рук в результате растяжения связок межфаланговых суставов и разрывов сухожилий на уровне дистальных суставов фаланг. Повреждения лучезапястного сустава возникают при падении на вытянутую вперед руку, что отмечается у спортсменов при игре в волейбол, футбол, гандбол. Травмы локтевого сустава наблюдаются при падении на ладонь при слегка согнутой в локте руке. Травмы плечевого сустава возникают при падении и сильном ударе по наружной поверхности верхней трети плеча у велосипедистов; при резком рывке за руку у борцов. Плечевой

сустав повреждается при падении на вытянутую вперед руку у волейболистов, футболистов. Страдают плечевые суставы у пловцов.

Тяжелым видом спортивной травмы являются переломы костей скелета. К специфическим повреждениям относятся ротационные переломы плечевой кости, возникающие при метании диска, молота, а также отрывные переломы бугорка большеберцовой и подвздошной кости у бегунов.

Переломы костей верхних и нижних конечностей наблюдаются у футболистов, бегунов, велосипедистов, мотоциклистов, хоккеистов. Повреждения позвоночника, чаще всего в шейном отделе, наблюдаются у борцов, гимнастов, прыгунов в воду; у спортсменов, занимающихся лыжной акробатикой.

Повреждения надкостницы в виде ушибов и разрывов встречаются чаще чем принято думать. Надкостница хорошо снабжена нервными волокнами и нервными окончаниями, поэтому весьма чувствительна к травматическому воздействию. Повреждения надкостницы возникают при прямом травматическом воздействии (удар по ногам футболиста, особенно при отсутствии защитных щитков) или опосредованно у бегунов, прыгунов в длину, высоту, баскетболистов вследствие большой физической нагрузки на нижние конечности, преимущественно на большеберцовую кость. Травма надкостницы характеризуется микроразрывами надкостницы, поднадкостничными и внутринадкостничными кровоизлияниями, асептическим воспалением, образованием периостальных структур, утолщением надкостницы.

Травма головы в виде повреждения кожного-мышечного лоскута, ушиба и сотрясения головного мозга, а также тяжелая черепно-мозговая травма встречаются при падении со спортивных снарядов и движущихся мотоциклов и велосипедов; прыжках в воду; столкновениях соперников; боксерских поединках. В большинстве случаев травма головы носит случайный характер, однако тяжесть ее от этого не уменьшается. Черепно-мозговая травма отличается разнообразием морфологических и клинических проявлений, течением и исходом. Головной мозг, в силу анатомо-физиологических и топографических особенностей, как никакой другой орган, чрезвычайно чувствителен к травматическому воздействию. Травма головного мозга приводит к быстрому нарушению жизнедеятельности организма [6].

Гимнастика занимает ведущее место в структуре спортивного травматизма. Наиболее частыми являются ушибы различных участков тела и повреждения суставного аппарата, преимущественно верхних конечностей.

Упражнения, выполняемые на параллельных брусьях, коне, помимо ушибов о спортивный снаряд, могут сопровождаться растяжением связок лучезапястного, локтевого, голеностопного, коленного суставов; вывихами пальцев кистей, плечевого сустава. При занятиях на кольцах повреждения возникают в области плечевого сустава, могут произойти разрывы ключично-акромиального сочленения, пучков большой грудной, дельтовидной, надключичной мышц. Падение гимнастов со спортивных снарядов и приземление на голову обычно сопровождается кровоизлияниями под оболочки и в вещество головного мозга, переломами костей черепа. Травма головы часто сочетается с переломами шейного и грудного отделов позвоночника. Черепно-мозговая и спинальная травмы обычно относятся к тяжким телесным повреждениям, требуют длительного лечения, нередко заканчивается инвалидностью.

Спортивная травма у боксеров имеет специфические особенности. Она локализуется, как правило, в области головы и обусловлена многими факторами. К ним относятся: сила удара кулаком в боксерской перчатке и зона приложения травматического воздействия, частота наносимых ударов в голову, весовая категория соперников, квалификация и функциональное состояние спортсмена и др. Наиболее типичными повреждениями при ударе в область лица являются рассечение кожи в области надбровной дуги, слизистой оболочки губ, перелом костей носа. Удары, наносимые перчаткой в область лба, волосистую часть головы, как правило, следов не оставляют, что затрудняет клиническую диагностику черепно-мозговой травмы.

Как известно, правила проведения боксерских поединков допускают нанесение ударов в голову, которые носят целенаправленный характер, поскольку при поражении головного мозга противник быстро выводится из борьбы. Поэтому тренировка спортсмена направлена не только на освоение тактики боя, но и на наращивание силы удара, который в зависимости от весовой категории и квалификации спортсмена достигает 500 – 600 кг.

Чем короче время соударения, тем большая энергия передается поражаемой части тела, тем больше объем поражения [4]. Это в полной мере относится к боксерскому удару. О силе травматического воздействия свидетельствуют рассечение мягких тканей лица во время боксерского поединка.

Вследствие ударов в голову и падения на ринге у боксеров возникают различной степени травмы головного мозга – от легких с нерезко выраженной симптоматикой с быстро про-

ходящими функциональными расстройствами до тяжелых форм черепно-мозговой травмы, иногда с летальным исходом.

Травма головы может осложняться состоянием нокаута и нокаута, которые возникают при нанесении ударов в нижнюю челюсть, лоб, височные и теменные области. Нокаунт и состояние «гроччи» (нокаунт стоя) характеризуется кратковременной (от долей секунды до 10 сек.) потерей сознания и пространственной ориентации. Эти состояния носят функциональный, кратковременный характер вследствие сотрясения головного мозга.

Нокаут характеризуется мгновенным нарушением сознания продолжительностью около 10 сек. и более. В тяжелых случаях сознание не восстанавливается в течение минут, часов и суток. Нокаут развивается вследствие сотрясения головного мозга, смещением и ушибом его полушарий и ствола о серповидный отросток, намет мозжечка, свод и основание черепа [3].

Вследствие ударов в голову, приводящих к летальному исходу, у боксеров отмечались признаки черепно-мозговой травмы, характеризующейся подбололочными и внутримозговыми кровоизлияниями в полушариях и стенках желудочков, стволе мозга, мозжечке.

На основании клинических данных и результатов лабораторных исследований [4] установлено, что травма головного мозга не обязательно вызывается ударом в голову большой силы. Многократные, часто повторяющиеся, относительные слабые, подпороговой силы удары приводят к сотрясению мозга, которое вначале быстро проходит, не имея четкой клинической картины. Первоначальные функциональные нарушения возникают в сосудистом русле головного мозга в момент травмы. Они характеризуются спазмом сосудов, последующим паралитическим расширением, дистонией, венозным стазом, нарушением проницаемости и плазматическим пропитыванием сосудистой стенки, отдельными периваскулярными и очаговыми кровоизлияниями в веществе и оболочках головного мозга.

Повторяющаяся в течение длительного времени (месяцев, лет) травма головы приводит, вследствие кумулятивного действия, к органическим изменениям головного мозга. В веществе мозга отмечаются периваскулярные и мелкоочаговые кровоизлияния, вследствие повышенной проницаемости сосудистой стенки нарастает периваскулярный и перицеллюлярный отек, развиваются дистрофические и некротические изменения невроцитов, появляются очаги клеточного опустошения. Со временем болезнь приобретает форму травматической энцефалопатии. У больных наблюда-

ется астения, аффективные расстройства, дисмнезия, головные боли, расстройство сна.

Микротравмы головного мозга не всегда диагностируются в силу отсутствия или наличия слабо выраженной клинической симптоматики, которой не придается должного значения. Длительное время заболевание может протекать скрыто, малосимптомно и проявиться через несколько лет после прекращения занятий боксом. Травматическая энцефалопатия в силу неспецифичности клинических признаков редко диагностируется, не проводится ее судебно-медицинская экспертиза, хотя по существу ее можно отнести к профессиональным заболеваниям боксеров.

Мотоцикл в силу своей неустойчивости, скоростных характеристик, незащищенности водителя относится к травмоопасному виду транспорта. Механизм травмы зависит от скорости мотоцикла в момент ДТП, резкой остановки и поворота при столкновении с неподвижным предметом или движущимся транспортным средством, ротации мотоциклиста при падении и ударе о части мотоцикла и дорожное покрытие.

При ударе о детали мотоцикла у водителя возникают полосовидные ссадины и кровоподтеки в мягких тканях передней и внутренней поверхностей бедер, ушиблено-рваные раны наружных половых органов и промежности, переломы костей голеней. Среди наших наблюдений имел случай, когда удар о рукоятку мотоцикла привел к разрыву бедренной артерии.

Ветрозащитное стекло мотоцикла может играть роль дополнительного травмирующего фактора. При ударе о его край у мотоциклиста возникают ссадины, кровоподтеки, раны лица, шеи, грудной клетки.

Единственной защитой головы водителя является травмобезопасный шлем, который, имея определенный запас прочности, смягчает и гасит силу удара, во многих случаях предотвращает травму головы, но не исключает ее. При высокой скорости соударения головой о твердый предмет защитный шлем не выдерживает силы удара и растрескивается. В наших наблюдениях имели место случаи тяжелой черепно-мозговой травмы при целостности шлема.

Согласно исследованиям [7], при использовании мотоциклетного шлема тяжесть черепно-мозговой травмы у мотоциклистов уменьшается, но при этом увеличивается тяжесть повреждений шейного отдела позвоночника.

При падении с движущегося мотоцикла и ударе о дорожное покрытие, твердые неподвижные предметы у водителя отмечались множественные повреждения в виде ссадин, кровоподтеков, рвано-ушибленных ран, вывихи

плечевых суставов, переломы костей верхних и нижних конечностей, ребер, позвоночника. Повреждения локализовались в различных участках тела, чаще в области головы. Как правило, наблюдалась черепно-мозговая травма в виде переломов костей черепа, кровоизлияний под оболочки и в вещество головного мозга.

Черепно-мозговая травма нередко сочеталась с травмой позвоночника в результате прямого и непрямого силового воздействия. Непрямое повреждение позвоночника и спинного мозга наблюдалось преимущественно в шейном отделе. Это происходило вследствие резкого запрокидывания головы (по типу хлыстообразного повреждения) в случаях резкой остановки мотоцикла при ударе о неподвижный предмет или встречный транспорт. При резком движении головы назад или вперед возможны подвывихи, вывихи и переломовывихи в шейном отделе позвоночника.

Велосипедная травма имеет свои особенности. При движении с большой скоростью и наезде на препятствие с последующим падением на дорожное покрытие у спортсменов наблюдаются множественные ссадины, ушибы различных участков тела, черепно-мозговая травма, переломы шейных и грудных позвонков. В нашей практике имел место случай столкновения велосипедистов при встречном движении во время соревнований. Оба спортсмена получили тяжелую черепно-мозговую травму с летальным исходом одного из велосипедистов.

Однако, и при небольшой скорости движения (20-30 км/ч) у велосипедистов при падении на дорожное покрытие наблюдаются обширные ссадины, кровоподтеки преимущественно по наружно-боковой поверхности тела, ушибленные раны в области лица, локтевого и коленного суставов. При ударе животом о руль велосипеда, дорожное покрытие, твердый выступающий предмет у велосипедистов могут травмироваться печень, поджелудочная железа, селезенка.

Спортивный травматизм при водных видах спорта многообразен по механизму, тяжести и исходу. Вода – агрессивная среда. В результате утопления в республике ежегодно погибает около тысячи человек.

Наиболее тяжелую травму получают прыгуны в воду. При прыжках в воду чаще всего возникают ушибы различных участков тела. Прыжки «солдатиком» опасны возможностью травмы шокогенной зоны (мошонки и яичек). Удар о воду плашмя ведет к разрывам мышц, повреждениям органов брюшной полости. При прыжках вниз головой могут возникать переломы рук, вывихи плечевых суставов, переломы ребер, позвоночника.

При прыжках в воду и нырянии на мелководье часто происходит повреждение шейного отдела позвоночника, нередко сочетающееся с травмой головы. Головной и спинной мозг представляют единую нервную систему, анатомически связанную. Поэтому повреждение спинного мозга, чаще шейного отдела, обычно сочетается с травмой головного мозга.

Повреждения шеи возникают не только в результате удара головой о дно водоема, но и от удара головой в воду. В этих условиях под действием продолжающегося двигаться туловища происходит чрезмерное сгибание или разгибание шейного отдела позвоночника, что приводит к его повреждению.

Согласно клиническим данным [8], среди больных с позвоночно-спинно-мозговой травмой 32% составили пациенты с травмой шейного отдела позвоночника, из них 55,6% получили травму при нырянии в воду.

Повреждения позвоночника характеризуются длительными сроками лечения, снижением трудоспособности, высокой первичной инвалидностью.

Травмоопасным видом спорта является футбол. Футбольный травматизм является результатом борьбы игроков за владение мячом. Наиболее часто травмируются голень и коленный сустав. В борьбе за верховой мяч игроки наносят друг другу травму головы. Черепно-мозговую травму нередко получают в борьбе за мяч. Футбольный мяч массой 400 г и скорости полета около 100 км/ч представляет опасный травмирующий снаряд. При сильном ударе в шокогенную область может наступить шок, удар в голову вызывает кратковременную потерю сознания по типу нокаута. Удар в область грудной клетки ногой, мячом может привести к ушибу и сотрясению сердца, рефлекторной его остановке. В большинстве случаев летальные исходы у футболистов наступают в результате черепно-мозговой травмы и повреждений органов брюшной полости. Известны случаи смерти игроков во время футбольных матчей от острой сердечной недостаточности вследствие перенапряжения миокарда.

Бег относится к одному из наименее травматичных видов спорта. По кинематике и

механизму воздействия на организм он имеет специфические особенности. Давление на ноги при беге в три раза превышает массу тела. Длительное интенсивное занятие бегом способствует развитию варикозной болезни. Возникающая при беге механическая нагрузка падает на голеностопные и коленные суставы, позвоночник. В суставах повреждаются связочный аппарат, хрящи; в межпозвоночных дисках могут возникать микротрещины. При длительном беге, особенно по дороге с жестким покрытием, страдают надкостница костей голени. В ней появляются микротрещины, кровоизлияния; появляются боли в области передней поверхности голени.

При беге на короткие дистанции могут возникать разрывы межмышечковых волокон голени, бедра как результат их форсированного сокращения.

При барьерном беге чаще всего повреждаются голеностопные, реже – коленные суставы. Сочетание большой скорости и нагрузки на одну ногу при отталкивании, преодолении барьера и приземлении может вызвать растяжение связок голеностопного сустава, вывих стопы, перелом лодыжек. Столкновение с барьером нередко приводит к падению бегуна, травме верхних и нижних конечностей, головы, туловища [3].

Заключение. Спортивная травма в зависимости от характера повреждений квалифицируется как легкие телесные повреждения (ссадины, кровоподтеки), менее тяжкие и тяжелые повреждения (переломы костей скелета, разрывы внутренних органов, черепно-мозговая травма), требующие длительного лечения и нередко заканчивающиеся инвалидностью.

В основе профилактики спортивного травматизма лежат систематический медицинский контроль за здоровьем и функциональным состоянием спортсмена; соблюдение спортивного режима и регламента соревнований; проведение квалифицированной разминки и страховки спортсменов при выполнении физических упражнений; использование физических нагрузок, адекватных функциональному состоянию спортсмена.

Список использованных источников

1. *Белых, А.Н.* О смертельных повреждениях шейного отдела позвоночника при занятиях спортивной борьбой / А.Н.Белых // Судебно-медицинская экспертиза и криминалистика на службе следствия.– Ставрополь, 1971. – Вып.6. – С. 278 – 281.
2. *Исаев, Ю.Л.* Клинико-анатомическая характеристика повреждений, полученных при прыжках в воду / Ю.Л. Исаев // Судебно-медицинская экспертиза на службе следствия.– Ставрополь, 1967. – Вып. 5. – С. 111 – 115.
3. Судебно-медицинская травматология/ Руководство под ред. А.П.Громова, В.Г.Науменко. – М.: Медицина, 1977. – 368 с.
4. *Панов, И.Е.* Закрытая травма головного мозга у боксеров / И.Е. Панов, В.Г. Науменко // Судебно-медицинская экспертиза. – 1979. – №4. – С. 12 – 16.
5. *Миронова, З.С.* Повреждение менисков, боковых и крестообразных связок коленного сустава при занятиях спортом / З.С.Миронова. – М.: Медицина, 1962. – 70 с.
6. *Попов, В.Л.* Черепно-мозговая травма / В.Л.Попов. – Л.: Медицина, 1988. – 240 с.
7. *Франке, К.* Спортивная медицина / К.Франке. – М., 1981. – 120 с.
8. *Лобода, В.А.* Хирургическое лечение больных с позвоночно-спинно-мозговой травмой/ В.А.Лобода, В.Д.Бокан // Организация оказания нейротравматической помощи при спинальной травме: Материалы респ. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Центра спинальной травмы ГУ БелНИИТО. – Минск, 2004 – С. 73 – 75.

Дата поступления: 23.09.2014

**СУДЕБНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**

**АВТОМАТИЗАЦИЯ
ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
АВТОМАТИЗАЦИЯ
ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ****АРМ «ЭКСПЕРТ-ДАКТИЛОСКОПИСТ» –
ПРИМЕРЫ РЕШЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ЗАДАЧ****Водолазов А.В.****Завгороднев С.М.****Лысянный Ю.Ю.****Сиверский Ф.А.****Ревинский В.В.**

д-р техн. наук, доцент

Государственное учреждение
«Научно-практический центр
Государственного комитета
судебных экспертиз
Республики Беларусь»**Аннотация**

В статье приводится описание примеров использования АРМ «Эксперт-Дактилоскопист» для решения идентификационных вопросов судебно-дактилоскопической экспертизы. Дается сравнение процессов проведения дактилоскопических исследований без использования программных средств, с использованием не криминалистических программных средств и с использованием специализированного программного средства АРМ «Эксперт-Дактилоскопист».

Основной задачей судебно-дактилоскопической экспертизы является идентификация человека по папиллярным узорам кожи, отобразившимся в следах рук и босых ног. В процесс дактилоскопической идентификации могут быть включены предшествующие непосредственно экспертному исследованию стадии: выявления, фиксации, изъятия, транспортировки, хранения следов. Непосредственно же экспертное исследование дактилоскопических следов состоит из отдельного и сравнительного изучения признаков папиллярных узоров и их оценки с точки зрения достаточности для формулирования вывода судебной экспертизы.

Методика судебно-дактилоскопической экспертизы предусматривает изучение двух обязательных групп признаков: общих и частных. Факультативной можно назвать группу микропризнаков, таких как поры, особенности конфигурации границ папиллярных линий, детали строения отдельных частных признаков. К их исследованию прибегают в случаях, когда невозможно сформулировать вывод, основываясь на результатах исследования общих и частных признаков.

На основании обобщения мнений различных авторов и содержания отдельных публикаций в специальной и научной литературе [1 – 5], к общим признакам следует отнести: тип и вид узора, взаиморасположение частей и элементов узора (прежде всего, центра узора и дельты), общее направление потоков папиллярных линий, степень равномерности потока папиллярных линий, размер (геометрическая величина) узора, ширину папиллярных линий и промежутков между ними (в узоре в целом или в отдельных его частях), степень выраженности папиллярных линий (четкость отображения в следе границ папиллярных линий), общее количество частных признаков (в узоре в целом или в отдельной его части), величину следа (определяется общим количеством условных «эталонных отрезков» длиной по 4 мм каждый, на которые могут быть разделены все отобразившиеся в следе папиллярные линии. Признак предложен Л.Г. Эджубовым [6]).

Из перечисленных общих признаков исследуются и (или) находят свое отражение в заключениях экспертов далеко не все. В одних случаях это происходит вследствие недостаточного качества и полноты поступивших на исследование следов, в других – вследствие экспертной оценки основных (тип, вид, строение центра узора и дельты) общих признаков, как достаточных для формирования внутреннего убеждения эксперта.

Классификация частных признаков дактилоскопических узоров менее формализована. Существующие классификации значительно различаются как по количеству, так и по наименованию признаков. В то же время существует ряд общепринятых частных признаков, наиболее часто встречающихся в практике: начало и окончание папиллярной линии, слияние и разветвление, точка, островок, фрагмент, мостик, крючок, папиллярная точка [7]. Отдельные частные признаки встречаются чаще других и могут отобразиться в любой зоне папиллярного узора, другие встречаются гораздо реже и отображаются только в центре либо в дельте узора. Важнейшей задачей изучения частных признаков папиллярного узора является оценка их идентификационной значимости. Эксперту необходимо определить достаточность выявленных частных признаков с точки зрения качества и количества для проведения идентификационного исследования, а на стадии оценки результатов проведенного исследования – для формулирования идентификационного вывода.

Дактилоскопическая идентификация подразумевает проведение сравнения исследуемых следов рук (ног) со следами, представленными в качестве образцов. Сравнение имеет целью обнаружить совпадения и выявить различия в общих и частных признаках. Метод проведения сравнительного исследования (визуальное сравнение от общих признаков к частным и от наиболее информативного участка к менее информативным) закрепился в практике судебно-дактилоскопической экспертизы в первой половине XX в.

В настоящее время исследование следов и оттисков рук в рамках проведения судебно-дактилоскопических экспертиз также проводится визуальным методом. В ручном варианте проведения экспертизы используются следующие инструменты: для изучения взаиморасположения частей и элементов узора – увеличительные приборы (4-10-кратного увеличения), специальные лупы для измерения линии Гальтона, препаровальные иглы для слежения за направлением взгляда и исключения возможности пропуска папиллярной линии; для опре-

деления общего направления потоков папиллярных линий, степени равномерности потока папиллярных линий, размера узора, ширины линий узора и промежутков между линиями – простейшие измерительные инструменты (линейка, транспортир, пропорциональный циркуль); определение степени выраженности папиллярных линий, равно как и подсчет общего количества частных признаков, происходит визуально с помощью увеличительных приборов, препаровальной иглы и пишущего инструмента для создания разработки следа; для определения типа и вида узора дополнительных инструментов, как правило, не требуется. Частные признаки определяются визуально с их отметкой на копии изображения следа каким-либо удобным для эксперта графическим способом.

Для исследования вышеперечисленных признаков могут также использоваться различные программные средства. Например, графические редакторы Photoshop, ACDSee и их аналоги. Одним из существенных преимуществ, которым они обладают, являются широчайшие возможности работы с цифровыми изображениями следов: масштабирование, вращение по осям, регулирование контраста, яркости, применение различного рода фильтров изображений, перевод в негативное изображение, наложение сетки, измерений линейных и угловых величин и многое другое, что, безусловно, облегчает проведение визуального исследования. Значительно упрощается процесс подсчета папиллярных линий и общего количества частных признаков. Эффективнее становится и создание разработки следа.

Однако естественным ограничением использования этих программ является тот факт, что они не интегрированы в процесс проведения судебно-дактилоскопической экспертизы. Эксперты используют их исходя из возможностей конкретной версии программного обеспечения (далее – ПО), собственного уровня знаний по работе с программными средствами и своих представлений о пределах их использования. Обработанные с помощью ПО изображения сохраняются на носитель информации (жесткий диск, флеш память или оптический диск), после чего с использованием уже текстового редактора вставляются в текст заключения эксперта, либо в фототаблицу. Результаты проведенного сравнительного исследования отражаются в заключении эксперта в виде изображений сравниваемых следов с нанесенными на них разметкой частными признаками. Разметка делается либо с использованием возможностей текстовых редакторов, либо от руки на уже распечатанном изображении сле-

дов. Перенос в текст заключения результатов измерений, полученных при исследовании следов, требует от эксперта дополнительных действий.

В настоящее время специализированным программным средством для работы с цифровыми изображениями дактилоскопических следов и оттисков рук являются комплексы ведения автоматизированных учетов. Например, автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система «Дакто-2000». При ее разработке требования методики проведения судебно-дактилоскопической экспертизы практически не принимались во внимание, т.к. объективные факторы не позволяют объединить деятельность по ведению дактилоскопических учетов и производство судебно-дактилоскопических экспертиз.

Создание специализированного продукта (программы, аппаратно-программного средства и т.п.) для решения специфических задач судебно-дактилоскопической экспертизы остается актуальной на сегодняшний день задачей. Успешное ее решение лежит в плоскости как разработки принципов построения такой системы с точки зрения методики проведения судебно-дактилоскопической экспертизы, так и дальнейшего совершенствования математического аппарата обработки изображений следов папиллярных узоров.

Разработанное автоматизированное рабочее место «Эксперт-Дактилоскопист» (далее – АРМ) базируется на методиках решения идентификационной задачи судебно-дактилоскопической экспертизы. В основе использования АРМ лежат стадии судебно-дактилоскопической экспертизы.

На предварительной стадии: в АРМ вводится информация из постановления о назначении судебно-дактилоскопической экспертизы: дата изъятия следов (дата дактилоскопирования), данные о проверяемых лицах, сведения об объектах следоносителях и т.д. Убедившись в соответствии полученных объектов объектам, указанным в постановлении о назначении экспертизы, пользователь вносит в АРМ цифровые изображения представленных следов. Наиболее целесообразно получать цифровое изображение с использованием планшетных сканеров.

С введения цифрового изображения следа руки в АРМ эксперту доступны функции для решения задач стадии отдельного исследования. В процессе исследования АРМ автоматически определяет тип папиллярного узора, отмечает на изображении дельту (дельты) и центр папиллярного узора, а также определяет направления потоков папиллярных линий

в них. К специализированным инструментам также относятся: измерение общего размера следа; измерение ширины папиллярных линий и (или) промежутков между ними; измерение угловых величин; измерение расстояния между центром узора и дельтой как в абсолютной величине (в миллиметрах), так и в относительной (количество папиллярных линий); подсчет плотности папиллярных линий в определенном участке узора; автоматическое определение начал/окончаний, слияний/разветвлений, а также подсчет их общего количества.

Для исследования оттисков на дактилокартах на стадии отдельного исследования в АРМ «Эксперт-Дактилоскопист» дополнительно к описанным выше функциям имеются: автоматическое распознавание на изображении дактилокарт участков с оттисками пальцев рук, автоматическое же их кадрирование и занесение в соответствующие наименованию пальца слоты.

Все операции, выполненные АРМ в автоматическом режиме, могут быть изменены пользователем в ручном режиме. Результаты, полученные с помощью функционального наполнения АРМ, формируют специальную визуально-текстовую форму, содержащую:

- изображение следа руки (оттиска пальца), на котором, по выбору пользователя, может отображаться либо не отображаться разметка частных признаков;
- таблицу с результатами измерений, информацию о типе папиллярного узора.

Эту форму можно определить, как «расширенную разработку следа». Ее создание, согласно методике, является основным промежуточным результатом стадии отдельного исследования. Использование АРМ «Эксперт-Дактилоскопист» позволяет получить ее без необходимости импорта (экспорта) цифровых изображений между различными ПО, в унифицированной форме, полностью готовой к выводу на печать.

В соответствии с методикой, эксперт оценивает результаты отдельного исследования следов и приходит к выводу либо о пригодности, либо о непригодности следов для проведения сравнительного исследования. Сравнение начинается с общих признаков, затем переходит на частные, а после, в необходимых случаях, на еще более мелкие детали папиллярного узора, такие как поры, строение папиллярных линий, особенности частных признаков. С точки зрения топографии следа, сравнение частных признаков целесообразнее всего начинать с участка наиболее насыщенного ими. Как правило, это центр узора и дельта (дельты).

Традиционным способом проведения сравнительного исследования является визуальное восприятие изображений следов экспертом. При этом используются дактилоскопические лупы и препаровальные иглы. При исследовании более мелких деталей папиллярного узора могут понадобиться приборы с большим увеличением. Результаты сравнительного исследования представляют собой расположенные на одном листе изображения сравниваемых следов с разметкой совпадающих частных признаков, которая может быть выполнена как в ручную, так и с помощью какого-либо ПО.

Широкий спектр общедоступных компьютерных программ позволяет минимизировать необходимость использования увеличительных приборов, т.к. сканеры высокого разрешения обеспечивают возможность исследовать практически любые признаки папиллярных узоров по изображению на мониторе компьютера. Помимо облегчения визуального восприятия, современное ПО позволяет одновременно работать с несколькими изображениями, вращать их, корректировать качественные характеристики (яркость, контраст и т.д.), кадрировать, отмечать признаки, подготавливать изображения для печати. Описание сравнительного исследования формируется в текстовом редакторе («Word» и аналоги). В текстовом редакторе готовится и фототаблица: цифровые изображения импортируются в документ, размещаются на одном уровне и в одном масштабе на странице, снабжаются пояснительными подписями и разметкой частных признаков при помощи имеющейся в редакторе библиотеки символов. В некоторых случаях эксперту проще изготовить разметку признаков вручную, уже после распечатывания фототаблицы.

Сравнительное исследование в АРМ «Эксперт-Дактилоскопист» проводится в двухоконном режиме. Изображения следов автоматически приводятся к одному масштабу и выравниваются, используя информацию о расположении интегральных точек папиллярного узора (центр узора, дельта) и направлении их потоков. На изображения, по желанию эксперта, могут накладываться слои с указанием совпадающих и несовпадающих частных признаков папиллярного узора (начал/окончаний и слияний/разветвлений). Имеются различные фильтры визуальной коррекции цифровых

изображений следов, которые можно применить ко всему следу или к отдельному его участку.

Результаты сравнения заносятся в стандартный бланк фототаблицы. Бланк представлен в виде шаблона, содержание и структуру которого эксперт может изменять в соответствии с имеющейся необходимостью. Изображения сравниваемых следов и контрольных снимков располагаются на листе по правилам, предъявляемым к фототаблице судебно-дактилоскопической экспертизы. Синхронно с формированием приложения с разметкой происходит формирование листа с контрольными изображениями следов. Разметка частных признаков на двух изображениях происходит автоматически, однако эксперт располагает возможностью добавить либо убрать некоторые из отмеченных признаков. Согласно требованиям методики, АРМ позволяет отобразить на помещенных в фототаблицу изображениях не только совпадающие, но и различающиеся частные признаки.

Таким образом, АРМ «Эксперт-Дактилоскопист» совмещает в себе возможности графических редакторов в части исследования и подготовки для печати цифровых изображений следов, с возможностями текстовых редакторов в части формирования приложений к заключению эксперта. При этом АРМ обладает рядом специфических, предназначенных только для решения задач судебно-дактилоскопической экспертизы, функций: автоматическое определение общих и частных признаков папиллярного узора, изготовление «расширенной разработки следа», проведение сравнительного исследования следов папиллярных узоров. Применение АРМа упростит работу эксперта, избавив его от необходимости использовать несколько программных продуктов. Облегчит выполнение некоторых трудоемких задач, в частности, подсчет количества частных признаков в папиллярном узоре и изготовление изображений с разметкой признаков. Его использование позволит сделать заключение судебно-дактилоскопической экспертизы более наглядным, гарантируя полноту исследования и упрощая оценку его результатов участниками судебного процесса. АРМ «Эксперт-Дактилоскопист» также будет способствовать унификации подхода к проведению судебно-дактилоскопических экспертиз.

Список использованных источников

1. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – М.: Мегатрон XXI, 2000. – 2-е изд. доп. – 334 с.

2. Корноухов, В.Е. Дактилоскопическая экспертиза: Современное состояние и перспективы развития / В.Е. Корноухов, В.К. Анциферова, Г.П. Морозова. – Красноярск, 1990. – 416 с.

3. Самищенко, С.С. Современная дактилоскопия: проблемы и тенденции развития: моногр. / С.С. Самищенко. – М.: Акад. управления МВД России, 2002. – 456 с.

4. Судебно-трасологическая экспертиза: Дактилоскопическая экспертиза: учеб.-метод. пособие / Ю.П. Голдованский, С.И. Поташник, Л.Г. Эджубов; Отв. ред. Х.М. Тахо-Годи. – М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1971. – Вып. 2. – 70 с.

5. Корниенко, Н.А. Следы человека в криминалистике: учеб.-метод. пособие / Н.А. Корниенко. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с.

6. Статистическая дактилоскопия. Методические проблемы / Под ред. Л.Г. Эджубова. – М.: Городец, 1999. – 184 с.

7. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: практ. пособие / под ред. канд. юрид. наук, доц. И.А. Анищенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 200 с.

Дата поступления: 20.10.2014

Annotation

This article describes some examples of using the AWS «Fingerprint expert» to address identification issues of forensic fingerprint examination. It provides a comparison of fingerprint research processes without using software tools, with the use of non-forensic software tools and with the use of the specialized software tool – AWS «Fingerprint expert».

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА АВТОМАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТРОЕНИЯ ВЕСОВОЙ ФУНКЦИИ С УЧЕТОМ ТОПОЛОГИЧЕСКОГО ОКРУЖЕНИЯ СОВПАВШИХ ТОЧЕК НА ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ

Завгороднев С.М.

Коляда А.А.

д-р физ.-мат. наук

Ревинский В.В.

д-р техн. наук, доцент

Государственное учреждение
«Научно-практический центр
Государственного комитета
судебных экспертиз
Республики Беларусь»

144

Аннотация

В статье рассмотрены отдельные аспекты построения весовой функции с учетом топологического окружения совпавших точек на дактилоскопических изображениях. Итоговая весовая функция строится для оценки меры идентичности сравниваемых дактилоскопических изображений по извлекаемым из них наборам особых деталей (особых точек) на основе предложенного ранее метода гнездового кодирования дактилоскопических изображений.

На современном этапе развития дактилоскопических идентификационных технологий проблема создания эффективных методологических, алгоритмических и программных средств сравнения отпечатков пальцев имеет первостепенную важность [1 – 7]. Процедуры выполнения данной операции производят оценку меры идентичности сравниваемых дактилоскопических изображений по извлекаемым из них наборам особых деталей (особых точек), которые в литературе встречаются под названием локальные характеристики, частные признаки или просто точки [1; 8; 9]. Осуществляемый анализ наборов особых деталей (особых точек), как правило, включает сравнение не только параметров, определяющих местоположения особых точек, но и числовых характеристик, описывающих геометрию-топологическую конфигурацию конструируемых тем или иным образом их окрестностей (метод гнездового кодирования) [1 – 5; 8; 9].

Одним из методов сравнения отпечатков пальцев является метод геометрического сравнения набора особых деталей (особых точек) на образце и кандидате.

Ниже приведен пример сравнения двух фрагментов особых деталей (особых точек), выделенных из отпечатков пальцев (рисунок 1).

**Рисунок 1 – Пара сравниваемых фрагментов
особых деталей (особых точек), выделенных
из отпечатков пальцев при кодировании
пространственных координат**

В соответствии с алгоритмом геометрического сравнения данная пара (а, в) является идентичной.

В случае учета топологического окружения данных особых точек получается другой результат (рисунок 2).

Рисунок 2 – Пара сравниваемых фрагментов особых деталей (особых точек), выделенных из отпечатков пальцев с учетом их местоположения на папиллярных линиях при кодировании пространственных и топологических координат

Из рисунка 2 видно, что данные два фрагмента особых деталей (особых точек), выделенных из отпечатков пальцев с учетом их местоположения на папиллярных линиях – не совпадают.

Как известно из опыта работы экспертов и литературных источников, сравнение отпечатков пальцев на их идентичность основано не на геометрическом расположении особых деталей (особых точек), а на основе их топологических связей.

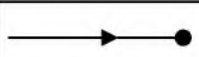

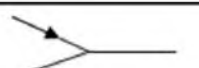
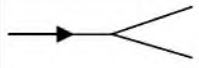
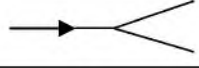
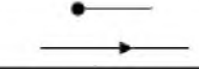
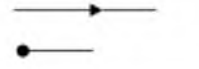
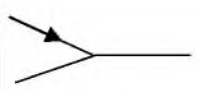

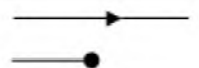
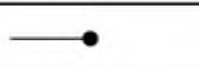
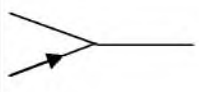
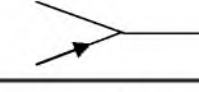
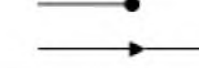

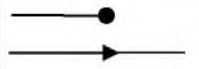
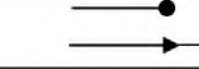
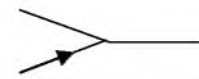
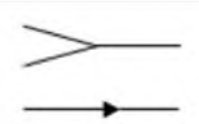

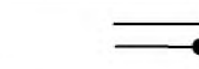
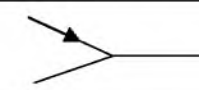

Предложенный алгоритм сравнения отпе-

чатков пальцев основан на топологическом описании особых деталей (особых точек) [10; 11]. Одной из существенных проблем топологического сравнения отпечатков пальцев является трансформация типов особенностей, возникающих при следообразовании, что приводит к необходимости учета вариаций топологических особенностей папиллярных линий (в дальнейшем называемых «событиями») на образце и кандидате. Перечень совпадающих кодов событий приведен в таблице 1.

Таблица 1 – Перечень совпадающих кодов событий на образце и кандидате при их сравнении

Код события	Событие на образце	Описание событий на образце	События на кандидате, коррелирующие с событиями на образце	Коэффициент корреляции
0		возврат в исходную точку		1
1		резерв		
2		начало справа		1
				0,5
				0,5
3		начало слева		1
				0,5
				0,5

Продолжение таблицы 1

4		окончание линии		1
				0,5
				0,5
5		разветвление линии		1
				0,5
				0,5
6		линия примыкает справа		1
				0,5
				0,5
7		линия примыкает слева		1
				0,5
				0,5
8		резерв		
9		окончание слева		1
				0,5
				0,5
10		окончание справа		1
				0,5
				0,5

Весовой коэффициент K для двух рассматриваемых событий вычисляется следующим образом:

– по кодам событий из таблицы 2 извлекаем коэффициент IC и если он равен 0, то события не совпадают и весовой коэффициент $K=0$;

- если $IC \neq 0$, то
- $K=12*IC$, если $D2 \leq Dis$;
- $K=8*IC$, если $D2 \leq Dis+2.0*Disp$;
- $K=4*IC$, если $D2 \leq Dis+4.0*Disp$;
- $K=2*IC$, если $D2 > Dis+4.0*Disp$;

где $D2$ – разность расстояния от центральной точки рассматриваемой топологической окрестности [11] на образце до точки встреченного события на образце и расстояния от центральной точки рассматриваемой топо-

логической окрестности на кандидате до точки встреченного события на кандидате;

$Disp=2.5$;

Dis – 5% расстояние от центральной точки рассматриваемой топологической окрестности на образце до точки встреченного события на образце.

В результате вычисляем весовые коэффициенты K совпадения событий для топологических окрестностей двух рассматриваемых точек. При сложении данных весовых коэффициентов получаем значение весовой функции для рассматриваемых топологических окрестностей [11], в дальнейшем используемое для оценки меры идентичности сравниваемых дактилоскопических изображений.

Список использованных источников

1. Биометрические идентификационные технологии. Методы и алгоритмы: моногр. / С.М.Завгороднев [и др.]; под. общ. ред. акад. А.Ф.Чернявского. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2011. – 205 с.
2. Sparrow, M.K. A topological approach to the matching of single fingerprints: development of algorithm for use in latent fingerprints / M.K. Sparrow, P.J. Sparrow // NBS Special publication 126-500. – 1985. – P. 1 – 61.
3. Tico, M. Fingerprints matching using an orientation-based minutia descriptor / M. Tico, P. Kuosmanen // IEEE Trans. on Pattern Analysis and Machine Intelligence. – 2003. – Vol. 25, N 8. – P. 1009 – 1014.
4. Adjacent orientation vector based fingerprints minutiae matching system / G.S. Ng, X. Tong, X. Tang, D. Thi // 17Int. Conf. Pattern Recognition (ICPR 04). – 2004. – Vol. 1. – P. 528 – 531.
5. Fingerprints deformation models using minutiae locations and orientations / Yi Chen, Sarat Daas, Aron Ross, Anil Jain // Vacl – motion. – 2005. – 1., N7. – P. 150 – 155.
6. Zhang, W.W. Fingerprint image enhancement algorithm based on AM-FM model / W.W. Zhang, Y.S. Wang // 2 Int. Conf. on "Image and Graphic". – Hefei, 16-18 Aug., 2002.– Proc. SPIE, 2002. – Vol. 4875. – Pt.2. – P. 731 – 736.
7. Neil, Yager. Evaluation of fingerprints orientation field registration algorithms / Yager Neil, Amin Adnan // 17 Int. Conf. on Pattern Recognition (ICPR'04). – Vol. 4. – P. 641 – 644.
8. Завгороднев, С.М. Гнездовой алгоритм сравнения дактилоскопических изображений на основе реперных точек / С.М. Завгороднев, А.А. Коляда, В.В. Ревинский // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Респ. Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2013. – Вып. 1/33. – С. 197 – 205.
9. Завгороднев, С.М. Использование математического аппарата корреляционной функции для оптимизации гнездового алгоритма сравнения дактилоскопических изображений / С.М. Завгороднев, А.А. Коляда, В.В. Ревинский // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Респ. Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2013. – Вып. 1/33. – С. 206 – 217.
10. Завгороднев, С.М. Метод гнездового кодирования дактилоскопических изображений (предварительная обработка) / С.М. Завгороднев, А.А. Коляда, В.В. Ревинский // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Респ. Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2012. – Вып. 2/32. – С. 189 – 196.
11. Завгороднев, С.М. Метод гнездового кодирования дактилоскопических изображений (алгоритм получения кода) / С.М. Завгороднев, А.А. Коляда, В.В. Ревинский // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Респ. Беларусь»; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2012. – Вып. 2/32. – С. 197 – 203.

**СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
АВТОМАТИЗАЦИЯ
ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ****ПРИМЕНЕНИЕ АЛГОРИТМА КОРРЕЛЯЦИОННОЙ ОБРАБОТКИ
ЦИФРОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА
СРАВНЕНИЯ ОТТИСКОВ ПЕЧАТЕЙ И ШТАМПОВ****Козлов В.Л.**

д-р техн. наук, доцент

Белорусский государственный
университет**Рубис А.С.**

д-р юрид. наук, доцент

Академия МВД Республики Беларусь

Ропот Р.М.

адъюнкт

научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

В современном процессе развития криминалистического исследования отпечатков печатей и штампов неотъемлемой составляющей являются разработки в области оптимизации и расширения возможностей цифровой обработки изображений. Совершенствование алгоритмов преобразования изображений с применением функций математического анализа полученных данных занимает важное место в данном направлении. Создание новых специализированных программных средств, в сочетании с возможностями уже имеющегося программного обеспечения (далее – ПО), позволит не только расширить круг решаемых экспертных задач, но и повысить качество, наглядность и обоснованность выводов, получаемых в ходе исследований отпечатков печатей и штампов.

Изучение цвето-тоновых параметров цифровых изображений отпечатков печатей и штампов является одним из перспективных направлений цифровой обработки отпечатков удостоверительных печатных форм, т.к. делает возможным получение данных, которые недоступны при использовании других методов исследования. Цифровой анализ колористических характеристик изображений позволяет получать информацию, отражающую степень и характер распределения красящего вещества в штрихах, с максимально высокой точностью и достоверностью. Данное обстоятельство обусловлено процессом оцифровки изображений, суть которой заключается в преобразовании оптического сигнала в цифровой, в результате чего интенсивность цвета в каждой точке изображения (пикселе) представляется сложным цифровым кодом. Так, например, изображение фрагмента штриха размером всего 0,5x0,5мм, полученное при сканировании с разрешением 1200 dpi, состоит более чем из 550 пикселей, каждый из которых (при выборе формата TIFF) может быть «окрашен» в один из 65536 оттенков. Индивидуальный цифровой «пиксельный» код в таком случае будет состоять более чем из тридцати шести миллионов

Аннотация

Использование возможностей современных компьютерных средств и специализированного программного обеспечения является перспективным направлением криминалистического исследования отпечатков печатей и штампов. Разработка новых программ с применением функций корреляционной обработки данных позволит расширить возможности, повысить качество, достоверность и наглядность проводимых в данном направлении исследований. В статье изложены теоретические основы и принципы компьютерной реализации алгоритма сравнения цвето-тоновых параметров изображений отпечатков печатей и штампов на основе применения методов корреляционного анализа.

комбинаций. Преобразование такого рода цифровых данных в криминалистически значимую информацию возможно только путем использования специализированного ПО, алгоритмы работы которого позволяют осуществлять необходимый подсчет и интерпретацию соответствующих параметров изображения.

В настоящей статье раскрываются особенности компьютерной реализации алгоритма сравнения цвето-тоновых параметров изображений оттисков печатей и штампов на основе применения методов корреляционного анализа.

Предлагаемый процесс цифровой обработки оттисков печатей и штампов предусматривает:

- 1) фиксацию изображения путем сканирования (получение цифрового образа изображения оттиска);
- 2) применение алгоритмов обработки, предусмотренных используемым ПО (преобразование отсканированного изображения оттиска);
- 3) сохранение всех параметров отсканированного оттиска без искажений и потерь с последующей экспертной интерпретацией полученных результатов (анализ изображения).

Сканирование как способ получения цифровых образов позволяет получать цифровые изображения оттисков печатей и штампов, максимально соответствующие реальному изучаемому объекту по своим геометрическим, топографическим и колористическим характеристикам. Кроме того, устройство планшетных сканеров, по сравнению с традиционной фотографией, позволяет исключить проблемы фокусировки, обеспечивает высокую стабильность освещения, а также минимизирует влияние «сбивающих» факторов при получении цифровых образов изображений. В процессе сканирования оттисков печатей и штампов с целью дальнейшего исследования их колористических характеристик необходимо выполнение ряда требований:

- соблюдение инструкций и правил работы со сканирующим устройством;
- использование соответствующего ПО;
- учет состояния сканируемого документа;
- выполнение необходимых подготовительных действий в зависимости от качественных и количественных характеристик изображения;
- соответствующая профессиональная подготовка пользователя.

Сканирование оттисков печатей и штампов должно осуществляться при максимально возможном разрешении (но не менее 600 dpi), учитывая то обстоятельство, что его показатель не

должен превышать значения максимального оптического разрешения используемого сканера. Формат хранения изображений может быть различным (JPEG, TIFF, PXC, PNG, BMP и др.). Однако проведенные экспериментальные исследования показали, что одним из наиболее корректных форматов, применяемых при регистрации изображений оттисков печатей и штампов и отвечающих всем необходимым требованиям, является несжатый растровый графический формат TIFF.

Этап преобразования изображений можно условно разделить на две стадии: предварительную, которая заключается в приведении сравниваемых изображений в соответствие определенным параметрам для проведения дальнейшего исследования; и основную, предусматривающую непосредственный пиксельный анализ изображений.

Предварительная обработка может быть осуществлена путем использования различного рода универсального ПО («Adobe Photoshop», «Microsoft Paint» и т.п.). Однако анализ специальной литературы показал, что наиболее распространенным графическим редактором, применяемым при технико-криминалистических исследованиях документов (включая исследование оттисков печатей и штампов), является программный продукт «Adobe Photoshop» [1 – 4]. Данный графический редактор предусматривает широкий перечень инструментов адаптивной обработки изображений, обладает большим количеством специальных фильтров и функций, а также позволяет осуществлять протоколирование всех проводимых действий. Однако использование возможностей «Adobe Photoshop» при осуществлении цифровой обработки сканированных изображений оттисков печатей и штампов предлагаемым нами методом сводится к минимальному набору функций: кадрирование изображения (применяются инструменты «Рамка», «Поворот холста» – при необходимости); сохранение отредактированного изображения; протоколирование проведенных операций (функция «Журнал Photoshop»). Заметим, что минимализм действий в данном случае обусловлен необходимостью максимально сохранить все первоначальные параметры изображения без каких-либо искажений и потерь.

Основная стадия этапа преобразования изображений заключается в непосредственном сравнении отсканированных изображений исследуемых оттисков, используя алгоритмы корреляционного типа. Для реализации корреляционного анализа степени совпадения колористических параметров двух изображений

было разработано программное приложение на языке объектно-ориентированного программирования С++ (далее – программное приложение «CIPSS», от англ. Comparing Images of Prints of Seals and Stamps – сравнение изображений оттисков печатей и штампов).

Поскольку корреляционный анализ предусматривает исследование зависимости как минимум между двумя объектами (признаками, факторами) [5, с.642], интерфейс предлагаемого программного приложения «CIPSS» имеет два синхронизированных рабочих окна.

Левое окно предназначено для ввода исследуемого изображения, т.е. изображения, чьи цвето-тоновые характеристики подлежат непосредственному изучению (установлению), а правое – для ввода изображения-эталона, т.е. изображения, посредством параметров которого происходит установление степени совпадения (различия).

После активации программы осуществляется ввод изображений, для чего необходимо перейти к вкладке «Открыть», поочередно в каждом рабочем окне (рисунок 1).

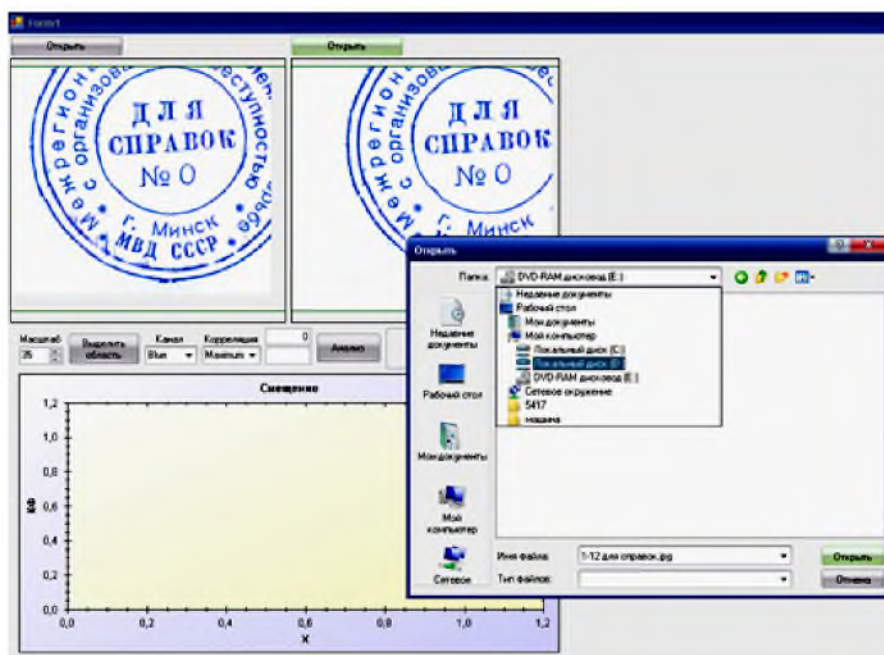

Рисунок 1 – Вид интерфейса программного приложения «CIPSS» при активации вкладки «Открыть»

После ввода изображений необходимо произвести настройку ряда параметров, для чего предусмотрены следующие функции:

- изменение размера изображений в окне «Масштаб»;
- выбор вида корреляционной функции (далее – КФ) в окне «Корреляция». Данная опция позволяет пользователю определять КФ в зависимости от необходимости получения конкретных результатов, отражающих либо степень совпадения (вкладка «Maximum»), либо степень различия (вкладка «Minimum»);
- определение спектрального диапазона анализа цветовых параметров изображения в окне «Канал». Выбор цветового канала позво-

ляет получать наиболее точное значение КФ отдельно в красном, зеленом и синем участках спектра, а также в их общем диапазоне, в зависимости от цветности реального изображения.

Поскольку процесс нанесения оттисков печатей и штампов на документ сопряжен с возможным наличием факторов, влияющих на качество отображения оттисков печатей и штампов (перекос, нажим, скорость, неравномерная подложка и пр.), при исследовании двух оттисков с использованием корреляционного анализа возникает необходимость правильного выбора сравниваемых областей, отвечающих принципу сопоставимости. Выполнение дан-

ной задачи реализуется при помощи вкладки «Выделить область». Вкладка «Выделить область» один из модулей предлагаемого программного приложения, функцией которого является как обеспечение ручного выделе-

ния исследуемой области в левом окне (рисунок 2 – зеленая рамка), так и автоматический (синхронный) захват аналогичного участка изображения в правом окне (рисунок 2 – желтая рамка).

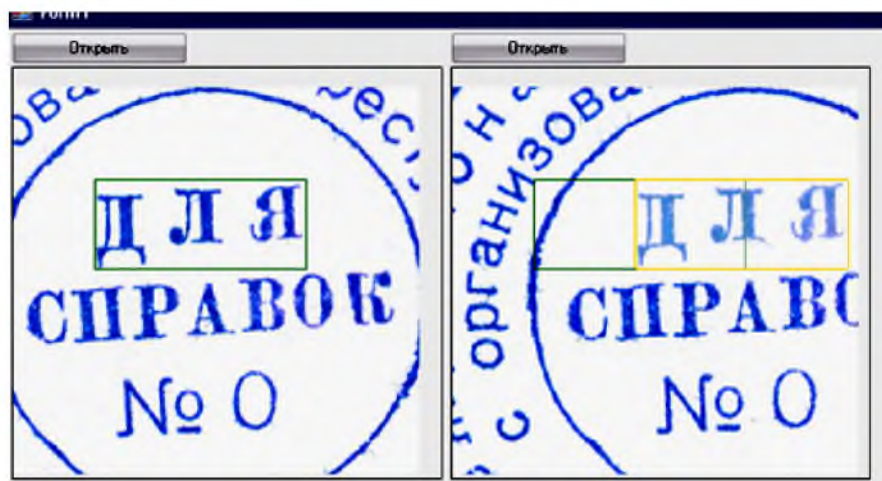

Рисунок 2 – Вид рабочего окна при выделении области, подлежащей анализу

Производство непосредственно корреляционного анализа цвето-тоновых параметров изображений обеспечивает активация вкладки «Анализ». Осуществление указанной функции

достигается путем вычисления значения двумерной нормированной КФ между выделенными фрагментами изображений в соответствии с выражениями (1), (2):

$$R(\Delta u, \Delta v) = \frac{\sum_{x,y} (I_1(x,y) - \bar{I}_1)(I_2(x + \Delta u, y + \Delta v) - \bar{I}_2)}{\sqrt{\sum_{x,y} (I_1(x,y) - \bar{I}_1)^2 \sum_{x,y} (I_2(x + \Delta u, y + \Delta v) - \bar{I}_2)^2}}, \quad (1)$$

$$\bar{I}_n = \frac{\sum_{x,y} I_n(x,y)}{x_{\max} y_{\max}}, \quad (2)$$

где I_1 – сигнал исследуемого изображения; I_2 – сигнал эталонного изображения; $x_{\max}, y_{\max}$ – размер сканирующего окна; $\bar{I}_1, \bar{I}_2$ – средние значения сигнала в первом и втором окне сканирования; $\Delta x, \Delta y$ – сдвиг по горизонтали и вертикали, соответственно, $n = 1, 2$. Нормированная кросс-корреляция (normalized cross-correlation) применима в случае, когда одно изображение отличается от другого не только относительным сдвигом, но и подвержено монотонному амплитудному преобразованию.

Так как при сканировании оттисков возможно различие взаимного положения эта-

лонного и исследуемого, то для максимальной эффективности анализа необходимо приведение в соответствие одного окна изображения относительно другого по горизонтали. Каждую итерацию второе окно сдвигается на один пиксель вдоль оси X в системе координат изображения и вычисляется соответствующее значение КФ. График зависимости значения КФ от сдвига между рабочими окнами в пикселях представлен в диалоговом окне «Смещение», где по оси X отображается расстояние в пикселях, а по оси Y – значение КФ (рисунок 3).

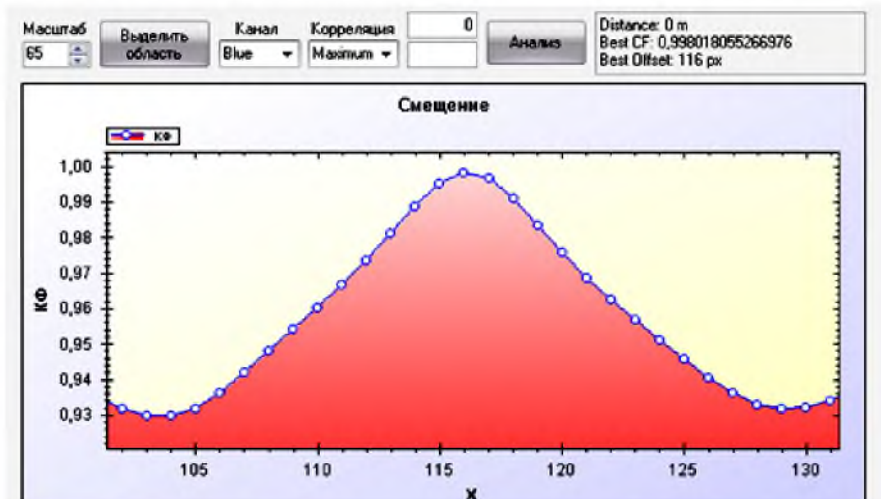

Рисунок 3 – Вид диалогового окна «Смещение» с графиком зависимости значения КФ

Выбирая вид используемой КФ, необходимо, чтобы она была нормированная и двухмерная. Нормировка применяется, чтобы устранить влияние на точность измерений различий яркости и контрастности в первом и втором окнах анализа (рабочих окнах). Приведение в соответствие исследуемых областей изображений отпечатков в рабочих окнах программного

приложения по осям X и Y необходимо, чтобы исключить возможное различие взаимного положения изображений эталонного и исследуемого отпечатков при их сканировании.

Результат проведенного автоматического корреляционного анализа отображается в диалоговом окне справа от вкладки «Анализ» (рисунок 4).

153

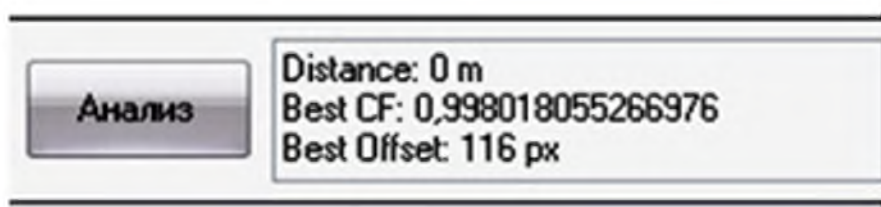

Рисунок 4 – Вид диалогового окна с результатами исследования (красной чертой отмечено полученное значение КФ)

Если выделенные фрагменты изображения полностью совпадают, то значение КФ будет близко к единице, например, 0,99983... Отклонение значения КФ от величины 0,99 является характеристикой степени совпадения (различия) колористических параметров эталонного и исследуемого изображений. Величина 0,99 выбрана в качестве максимального значения КФ, т.к. даже при сравнении изображения самого с собой, за счет дискретности анализа, будут наблюдаться минимальные различия.

Кроме того, значения КФ в третьем знаке после запятой являются результатом «шумов» и погрешностей, возникающих при регистрации и преобразовании изображений.

Применение разработанного программного приложения «СIPSS» является одним из этапов цифровой обработки отпечатков печатей и штампов, а полученные результаты корреляционного анализа колористических характеристик изображений отпечатков требуют соответствующей экспертной интерпретации. Поскольку ис-

следуемые параметры должны быть доступны и просты для понимания лицам, не обладающим специальными познаниями в данной области знаний, был разработан алгоритм преобразования результатов исследования оттисков печатей и штампов, получаемых при помощи разработанного программного приложения «CIPSS». Данный алгоритм реализуется посредством выражения (3), целью применения которого является определение в процентном соотношении показателя совпадения цвето-тоновых параметров сравниваемых изображений оттисков печатей и штампов на основе значения КФ:

$$P_c = \frac{K_{max}}{1 - K^1} \quad (3)$$

где P_c – показатель совпадения; K_{max} – максимальное значение КФ (постоянная величина, равная 0,99); K^1 – рабочее значение КФ, получаемое в ходе корреляционного анализа любых исследуемых изображений оттисков печатей и штампов.

Наиболее типичные результаты исследования цифровых изображений оттисков печатей и штампов посредством применения программного приложения «CIPSS», сведены в таблицу.

Таблица – Зависимость показателя совпадения колористических характеристик изображений оттисков печатей и штампов от значения КФ при сравнении изображений в программном приложении «CIPSS»

Значение КФ (K^1)	0,99	0,98	0,97	0,96	0,95	0,94	0,93	0,92	0,91
Показатель совпадения (P_c), %	99	49,5	33	24,75	19,8	16,5	14,14	12,4	11

Достоверность приведенных в таблице значений подтверждается экспериментальными исследованиями и может быть проверена при помощи других способов обработки изображений. С криминалистической точки зрения, значение КФ не менее 0,99 свидетельствует о полном совпадении колористических характеристик исследуемых изображений, значение КФ равно 0,98, может свидетельствовать о вероятном совпадении либо различии (вероятность составляет примерно 50%), значения же КФ 0,97 и ниже свидетельствуют о различии исследуемых характеристик.

Результаты представленной разработки по осуществлению процесса сравнения цвето-тоновых параметров изображений оттисков печатей и штампов состоят в нижеследующем:

1. Разработан новый способ сравнительного анализа колористических характеристик изображений оттисков печатей и штампов.

2. Предлагаемое решение реализуется при помощи специально разработанного программного приложения «CIPSS», обеспечива-

ющего обработку всех цифровых параметров отсканированного оттиска, максимально отражающих степень и характер распределения красящего вещества в штрихах оттисков печатей и штампов. Применение такого рода ПО повышает наглядность и объективность экспертиз.

3. Использование математических алгоритмов корреляционной обработки цвето-тоновых параметров изображений оттисков позволяет получать высокоточные и достоверные результаты, близкие, практически, к предельным значениям КФ.

4. Анализ степени совпадения (различия) цвето-тоновых параметров оттисков печатей и штампов путем цифровой обработки их изображений может явиться полезным инструментом при решении диагностических и идентификационных экспертных задач, а в совокупности с другими методами исследования – расширить и круг вопросов по установлению тождества оттисков удостоверительных печатных форм.

Список использованных источников

1. Бочарова, О.С. Перспективы применения сканеров и растрового графического редактора «Adobe Photoshop» в задачах СТЭД / О.С. Бочарова, Д.В. Липень // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь». – Минск, 2005. – Вып. 2(19). – С. 173 – 174.
2. Бочарова, О.С. Основные положения методики экспертно-криминалистического исследования полиграфической продукции в случае нарушения авторских и смежных прав / О.С. Бочарова, Д.В. Липень // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь». – Минск, 2005. – Вып. 1(18). – С. 214 – 216.
3. Четверкин, П.А. Методы цифровой обработки слабовидимых изображений при технико-криминалистическом исследовании документов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / П. А. Четверкин. – М., 2009. – 246 л.
4. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: учеб. пособие / Н.В. Ефременко [и др.]; под ред. Н.В. Ефременко; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск, 2012. – 343 с.
5. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1980. – 1600 с.

Дата поступления: 30.09.2014

Annotation

Application of modern computer means and specialized software is a promising direction criminalistic research of prints of seals and stamps (PSS). Development of new programs with the use the correlation functions of data processing will expand the capabilities and improve the quality, reliability and visibility of conducted research in this direction. The article presents the theoretical foundations and principles of computer implementation of the algorithm comparing the color-tone of image parameters PSS based on application of the correlation analysis.

**СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
АВТОМАТИЗАЦИЯ
ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИЗНАКОВ МОНТАЖА
ВИДЕОЗАПИСЕЙ СТАНДАРТА H.264 С ПРИМЕНЕНИЕМ
МЕТОДОВ ВЕКТОРНОГО АНАЛИЗА**

Шандриков В.В.

Управление
Государственного комитета
судебных экспертиз
Республики Беларусь
по Витебской области

Наличие видеозаписи при рассмотрении дела в суде является зачастую решающим фактором для установления истины. Можно без преувеличения утверждать, что видеозапись – это наиболее объективный вид доказательств, не зависящий от внутренних убеждений и интерпретаций участников уголовного процесса. Неудивительно, что часто именно видеозапись в суде становится объектом спора между сторонами. Предметом спора, конечно же, является ее содержимое. Когда сторона обвинения строит все свои утверждения на записи камер наружного наблюдения (просто потому, что других доказательств в деле нет), последнее, что остается стороне защиты, – объявить эту запись фальшивкой, созданной с применением средств цифрового монтажа. В данной работе показано, как определить, имеются ли в видеозаписи признаки монтажа и что, собственно говоря, представляют собой эти признаки. Вся работа была основана на исследовании записей стандарта H.264.

Общий обзор стандарта кодирования видеозаписи H.264

Здесь мы будем говорить об исследовании видеозаписей камер наружного наблюдения. Следует отметить, что ведение видеонаблюдения – «изобретение» далеко не последнего времени. Первые системы аналогового видеонаблюдения на основе формата VHS были построены еще в 80-х гг. прошлого века. Затем, в связи с бурным развитием вычислительной техники, ему на смену пришли системы записи цифрового видео (видеорегистраторы). Подлинная революция произошла в 2003 г. с выходом нового стандарта видео H.264. В данной работе мы не будем подробно останавливаться на особенностях стандарта, тем более, что его полное описание занимает около 500 страниц. Интересующийся читатель может также обратиться к источнику [1]. Здесь стоит только сказать, что в новом стандарте было реализовано техническое решение, которое просто и изящно устранило извечный компромисс «сте-

Аннотация

Показана принципиальная возможность поиска признаков монтажа в видеопотоках стандарта H.264 методами векторного анализа. Проведены соответствующие эксперименты, в ходе которых показаны локальные изменения характеристик векторных полей фреймов при удалении либо добавлении фрагментов, написано программное обеспечение для подтверждения основной концепции.

пень сжатия/качество видео». Благодаря ему, видеозаписи высокого качества стало возможным передавать в режиме реального времени в Интернет без сбоя и задержек. Это решение называется «компенсация движения на основе блоков». Следует признать, что это калька, причем не очень удачная, с английского *block based motion compensation*, однако, мы будем в тексте пользоваться именно ей. Компенсация движения позволяет эффективно сжимать видео, основываясь на содержимом записи, а не на количестве информации, содержащейся в ней. Далее, термином «фрейм» (*frame*) будет обозначаться единица кодирования, т.е. один статический кадр видео. Последовательность фреймов есть видеопоток (*video sequence*). Фрейм разбит на участки, называемые макроблоками (*macroblock*). Размер макроблока – 8x8 или 16x16 сэмплов (*samples*). Термин «сэмпл» семантически близок к термину «пиксел», но не совпадает с ним. Для нашего обсуждения это различие не имеет значения.

Предсказание, компенсация движения и монтаж в видеозаписи стандарта H.264

Дадим краткий обзор свойств стандарта H.264, позволяющих получить высокую степень сжатия видеопотока без потерь его качества. Стандарт представляет собой довольно сложную иерархическую совокупность структур данных. Для нашего обсуждения нам нужно подробно разобрать лишь одну его сущность – фрейм.

В стандарте H.264 присутствуют фреймы трех видов:

I-фреймы (*intra frames*). Это вполне самодостаточный вид фрейма, который содержит в себе всю необходимую информацию для кодирования. Это означает, что для его декодирования не требуется чтения ссылочной информации из других фреймов. Первый фрейм видеопотока есть всегда I-фрейм. Именно на наличие I-фреймов основаны т.н. «быстрая перемотка» и предпросмотр в H.264.

P-фреймы (*predictive frames*). Простые фреймы предсказания. Эти фреймы являются ссылочными, т.е. указывают на I-фреймы или на другие P-фреймы.

B-фреймы (*bipredictive frames*). Двухнаправленные фреймы предсказания. Это также ссылочные фреймы, но они могут указывать на фреймы, находящиеся как в «прошлом», так и в «будущем», т.е. имеющие последовательные номера как меньше, так и больше текущего.

Рассмотрим последовательность фреймов H.264 под названием «классическая группа изображений» (*Classic Group of Pictures, GOP*).

Классическая группа начинается с I-фрейма. P-фреймы присутствуют в потоке через равные промежутки. Эти промежутки заполнены B-фреймами. P-фреймы ссылаются друг на друга последовательно в направлении увеличения номера фрейма, а ссылки на B-фреймы могут происходить в обоих направлениях. Следует отметить, что GOP – это только один из вариантов структур предсказаний в H.264. Например, поток вообще может не содержать B-фреймов (т.н. структура *Low Delay*). Это обеспечивает более низкую задержку при декодировании и воспроизведении. Платой за это является, очевидно, более низкая точность предсказания и, соответственно, качество воспроизведения.

Как было отмечено выше, H.264 использует предсказание на основе блочной компенсации движения. Забегая вперед, отметим, что именно это свойство стандарта дает возможность экспертного исследования признаков монтажа в H.264. Исходный фрейм разбивается на макроблоки размерами 8x8 либо 16x16 сэмплов. Тогда перемещение объекта на видеозаписи – это изменение координат его макроблоков при переходе от одного фрейма к другому. Каждый макроблок фрейма, таким образом, имеет соответствие в соседнем фрейме. Разница между координатами макроблока в исходном фрейме и последующем есть вектор движения (*motion vector, MV*).

Представим два последовательных фрейма с номерами 1 и 2. Пусть на фрейме 1 макроблок MB имеет координаты $(x1, y1)$, а на фрейме 2 – $(x2, y2)$. Вектор

$$mv=(x2-x1, y2-y1)$$

назовем вектором движения (*motion vector, MV*) макроблока MB.

Вычислим векторы движения для каждого макроблока B-фрейма и закодируем их в P-фрейме. Тогда размер P-фрейма будет намного меньше, чем размер B-фрейма, что и является (упрощенно) основой сжатия в H.264.

Что же дает такой подход к сжатию видеопотока с точки зрения возможности монтажа? Ответ очевиден: *монтаж потока H.264 можно осуществлять путем простого «копипастинга», т.е. вырезания и вставки фрагментов, в шестнадцатеричном редакторе.* При этом точки разрывов будут практически незаметны для зрителя. Эксперименты, проведенные с видеопотоками H.264 с различных регистраторов, подтвердили это. При достаточно малой длине видеопотока (под этой длиной мы будем понимать расстояние в фреймах между двумя I-фреймами) вырезание случайного

фрагмента из видеофайла стандарта H.264, записанного камерой наружного наблюдения, остается практически незамеченным для зрителя.

Применение методов векторного анализа

В данном разделе придется углубиться в высшую математику, а именно, в тот ее раздел, который называется векторным анализом. Представляется возможным обойтись без громоздких формул и определений, поэтому от читателя не потребуются глубокой математической подготовки. Мы пойдем не от определения к сущности, как в учебнике, а в противоположном направлении – от сущности к определению. Такой подход не только избавит данную работу от излишнего математического формализма, но и позволит взглянуть на сам векторный анализ под несколько другим углом зрения, в свете последних достижений вычислительной техники.

Итак, как было отмечено выше, при использовании метода компенсации движения на основе блоков, применяемой в стандарте H.264, информация о перемещении хранится в виде векторов движения. Векторы хранятся в виде упорядоченных двоек {**перемещение по X, перемещение по Y**}. Но в геометрии это и есть способ задания вектора в пространстве – по его координатам. Каждому макроблоку, таким образом, можно поставить в соответствие вектор, обычный вектор из курса школьной геометрии. В результате фрейм, закодированный таким способом, будет выглядеть как матрица, каждый элемент которой характеризуется абсолютной величиной и направлением и может быть обозначен стрелкой.

Эта картина является не чем иным, как **векторным полем** – основным понятием векторного анализа. Отметим, однако, что наше векторное поле является не непрерывным, а дискретным. Кроме этого, оно является двумерным.

Для дальнейших рассуждений необходимо принять один факт: движение объекта на видеозаписи есть не что иное, как перемещение энергии видеосигнала из одной точки в другую. Эта энергия вполне реальная и осязаемая величина, она подчиняется закону сохранения и легко вычисляется. Однако для нас имеет значение не столько изменение энергии сигнала, сколько изменение его информационного содержания, ведь, в конце концов, основная функция сигнала – перенос информации, без этой функции он бесполезен. Объект на экране в каждый момент времени обладает информационным содержанием. В каждый последующий момент он с некоторой вероятностью

может оказаться в любом другом месте экрана. Следовательно, можно вычислить количество информации (по Шеннону), переносимое объектом в каждый момент времени.

Зададимся теперь вопросом: каково суммарное количество информации, переносимое данным макроблоком в единицу времени, в направлении горизонтальной оси? Очевидно, оно будет зависеть от длины вектора, ассоциированного с данным макроблоком, и его направления. В геометрии есть величина, учитывающая оба этих фактора, и называется она проекцией вектора на ось. **Алгебраическую сумму проекций всех векторов на горизонтальную ось назовем потоком векторного поля в горизонтальном направлении.** Можно показать, что эта величина эквивалентна классическому потоку поля: для нее выполняются все теоремы векторного анализа в дискретной форме. Но, как мы договорились выше, не будем перегружать изложение математическим формализмом.

Возьмем теперь наш поток векторного поля и «стянем» его в одну точку, т.е. в сэмпл (или пиксел) фрейма. Эта операция вполне «законна» и в математике называется предельным переходом. Только там она определена для непрерывной функции. В результате такого предельного перехода наш вектор исчезнет, а вместо него появится величина, обозначающая направление движения: сток (при положительном значении величины) либо исток (при ее отрицательном значении). Она называется **дивергенцией векторного поля**. Заметим, что это скалярная величина. Для нее также выполняются все теоремы классического векторного анализа. Если в точке нет ни стока, ни истока, дивергенция равна нулю. Наличие истока в точке означает, что при выбранных направлениях координатных осей пиксел «уйдет» из данной точки в следующем фрейме. Наоборот, наличие стока в точке означает, что пиксел «пришел» в данную точку. Нулевая дивергенция означает «неподвижность» пиксела.

Что же произойдет при удалении произвольного фрагмента видеозаписи? Очевидно, что векторы движения, расположенные в оставшихся P- и B-фреймах, будут указывать на совершенно некорректные макроблоки. **При этом дивергенция векторного поля фрейма в соответствующих точках будет испытывать локальные всплески.**

Вышеприведенное утверждение можно доказать математически. Однако мы снова пойдем простым путем логических рассуждений. При удалении фрагмента видеозаписи, изменится ли количество информации, переносимое ма-

кроблоками от фрейма к фрейму? Безусловно. Следовательно, изменится и поток векторного поля фрейма. Изменится и дивергенция векторного поля фрейма, причем произойдет это именно в точке «вырезания». Величина скачка будет зависеть от ошибки вектора движения макроблока, который с момента «вырезания» будет указывать в совершенно некорректном направлении.

Если представить себе закодированный фрейм из художественного фильма жанра «action», то картина, изображенная на нем, будет напоминать броуновское движение. Здесь локальные скачки дивергенции векторного поля при монтаже также будут иметь место, но их вес (вклад) в общую картину будет минимален, а для наблюдателя практически незаметен. Если же мы рассмотрим фрейм видеозаписи наружного наблюдения, то там картина будет напоминать равномерное движение жидкости в трубе. Там будут участки турбулентности (локальных всплесков скоростей), но в целом картина будет довольно однородной. Это является следствием различия потоков векторного поля в первом и втором случае. В случае записи камер наружного наблюдения удаление Р- или В-фрейма будет вызывать отчетливые локальные всплески дивергенции векторного поля фрейма.

В Управлении ГКСЭ по Витебской области была успешно проведена экспериментальная проверка метода измерения дивергенции векторных полей фреймов для исследования признаков монтажа видеозаписей стандарта H.264.

Результаты экспериментальной проверки

В работе [3] описывается метод улучшения качества кодирования и воспроизведения видеопотоков стандарта H.264. Авторы работы создали программную платформу (фреймворк) для системы матричных вычислений MATLAB, при помощи которой они проводят экспериментальное подтверждение своей концепции. Авторы также разработали модель некоего обобщенного видеофайла стандарта H.264. Этот файл не воспроизводится ни одним из известных видеокодеков, однако содержит «правильный» с точки зрения формата H.264 видеопоток. Обобщенный файл может быть воспроизведен средствами фреймворка,

однако основное его назначение – измерение и запись характеристик стандарта в ходе эксперимента. Это модель стандарта H.264 в системе MATLAB.

Данный фреймворк был доработан автором настоящей статьи таким образом, что для каждого Р-фрейма вычислялась дивергенция его векторного поля. Дивергенция вычислялась при помощи соответствующей функции пакета MATLAB 2010. Результаты сохранялись в реляционной СУБД формата SQLite. Вначале вычислялась дивергенция всех фреймов исходного файла, результаты сохранялись в базе данных. Затем из файла при помощи шестнадцатеричного редактора WinHex 15.4 удалялись произвольные фрагменты, и снова результаты вычисления дивергенции сохранялись в базе данных. Затем полученные данные изучались визуально. **Во всех случаях удаления фрагментов файлов имели место локальные всплески дивергенции векторных полей фреймов.**

Заключение и направления дальнейшей работы

Стандарт H.264 позволяет идентифицировать точки вставки или удаления фреймов (монтажа) видеопотока. Идентификация может осуществляться методами векторного анализа. Эксперимент, проведенный в Управлении ГКСЭ по Витебской области, подтвердил это. Однако проведенный эксперимент – это лишь proof-of-concept (доказательство концепции). Для создания программного обеспечения для идентификации признаков монтажа видеозаписей стандарта H.264 требуется решить еще несколько проблем. Вот некоторые из них:

- оценить изменение дивергенции векторных полей при использовании различных структур предсказаний H.264, например, при использовании структуры Low Delay;

- определить возможность исследования признаков монтажа при Intra-предсказании и т.д.

Программное обеспечение для таких исследований можно создать как «с нуля», так и на основе уже имеющегося. Например, можно использовать в качестве основы свободно распространяемый кодек с открытым исходным кодом Open H.264.

Список использованных источников

1. Iain E. Richardson. The H.264 Advanced Video Compression Standard. A Wiley and Sons, Ltd, 2010.
2. K.S. Thyagarajan. Still Image and Video Compression with MATLAB. A Wiley and Sons, Ltd, 2011.
3. Abdullah A. Muhit, Mark R. Pickering, Michael R. Frater, and John F. Arnold. Video Coding using Elastic Motion Model and Larger Blocks.

Дата поступления: 24.10.2014

Annotation

A principal opportunity of searching the edition features in H.264 video sequences by the vector analysis methods has been proved. The appropriate experiments have been performed, during those local differences of frames' vector fields are shown, in the case of fragment removing or addition. The proof-of-concept software has been written.

ЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА

ОБОБЩЕНИЕ ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОЙ ОХОТЕ

Дода И.Г.

канд. филол. наук

Шатерник И.Л.

Шалькевич И.А.

Заяц К.А.

*Государственное учреждение
«Научно-практический центр
Государственного комитета
судебных экспертиз
Республики Беларусь»*

Незаконная охота в соответствии с гл. 26 УК Республики Беларусь относится к категории преступлений против экологической безопасности и природной среды. Более широкое наименование правонарушения отражено в гл. 15 КоАП Республики Беларусь – против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования.

Проблема охраны природной среды, в том числе и животного мира от неправомерных посягательств – комплексная по своему характеру. Она включает биологический, социальный, юридический, экономический и хозяйственный аспекты. Очевидно, что эффективность борьбы с посягательствами на объекты животного мира во многом зависит от организации и качества расследования и судебного рассмотрения дел указанной категории. В связи с этим особое внимание должно уделяться выяснению фактических обстоятельств совершения и расследования таких правонарушений. Наиболее опасным их проявлением являются преступления против объектов животного мира – диких животных и (или) птиц. В настоящее время одной из наиболее квалифицированных форм комплексного использования специальных познаний в ходе расследования и судебного рассмотрения дел является проведение судебных экспертиз с использованием арсенала современных научно-технических средств.

Эффективность производства экспертизы, а также сроки ее производства во многом зависят от качества подготовленных для исследования материалов и объектов (вещественных доказательств), правильного определения экспертного задания, сформулированного в постановлении (определении) о назначении экспертизы в виде конкретных вопросов.

С целью обобщения экспертной практики по указанной категории дел было проведено изучение материалов наблюдательных производств по судебным экспертизам, назначенным и выполненным в государственном учреждении «Центр судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции Республики Беларусь»¹ за период с января 2011 г. по июнь 2013 г. Представляется, что рассмотрение вопросов, поставленных перед экспертами, анализ направляемых на экспертизу объектов и вещественных доказательств, рассмотрение ходатайств и запросов экспертов о предоставлении дополнительных материалов будут иметь практическое значение для совершенствования экспертного сопровождения дел о незаконной охоте.

¹ С 1 июля 2013 г. переподчинено и переименовано в государственное учреждение «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

Основой для обобщения стали наблюдательные производства по 250 экспертизам и исследованиям (83 – за 2011 г., 99 – за 2012 г., 68 – за 1 полугодие 2013 г.)².

Экспертизы назначались следователями соответствующих подразделений Следственного комитета Республики Беларусь и подразделений МВД Республики Беларусь (УИМ ООПП РОВД, УВД) по 85 уголовным

делам и 29 материалам проверки. Соответственно, в 2011 г. – по 29 уголовным делам и 10 материалам проверки, в 2012 г. – по 33 уголовным делам и 13 материалам проверки, в 1 полугодии 2013 г. – по 23 уголовным делам и 6 материалам проверки. Сведения о динамике назначения экспертиз и исследований по указанной категории дел представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Информация о назначенных и выполненных экспертизах по делам о незаконной охоте

Орган, назначивший экспертизу	Количество экспертиз			
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Итого
Минская обл.	37	47	29	113
МВД (РОВД, УВД)	37	7	2	46
СК (РО)	–	40	27	67
Могилевская обл.	28	9	3	40
МВД (РОВД, УВД)	28	2	–	30
СК (РО)	–	7	3	10
Гродненская обл.	7	8	8	23
МВД (РОВД, УВД)	7	–	2	9
СК (РО)	–	8	6	14
Брестская обл.	6	–	–	6
МВД (РОВД, УВД)	6	–	–	6
Гомельская обл.	2	23	23	48
МВД (РОВД)	2	1	1	4
СК (РО)	–	22	22	44
Витебская обл.	3	12	5	20
МВД (РОВД)	3	2	1	6
СК (РО)	–	10	4	14
Всего	83	99	68	250

Представленный материал свидетельствует, что основная доля судебных экспертиз назначалась по фактам браконьерства, за-

фиксированным в Минской (45,2 %), Гомельской (19,2 %) и Могилевской (16,0 %) областях.

² Данные архива государственного учреждения «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» за 2011 – 2013 гг.

Объекты незаконной охоты

Объектами незаконной охоты по материалам проверок и уголовным делам, по которым в указанный период назначались эксперти-

зы, явились охотничьи животные 6 биологических видов. Сведения об их видовом и количественном составе представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Сведения о видовом составе охотничьих животных, явившихся объектами незаконной охоты

Видовой состав объектов незаконной охоты	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Всего	%
Кабан дикий	23	15	13	51	36,7
Косуля европейская	15	10	11	36	25,9
Лось	13	12	9	34	24,5
Олень благородный	2	3	7	12	8,6
Зубр	–	4	–	4	2,9
Бурый медведь	–	2	–	2	1,4
Итого:	53	46	40	139	100

Виды назначаемых экспертиз

Анализ наблюдательных производств показывает, что по фактам браконьерства в рассма-

триваемый период назначались следующие виды судебных экспертиз и исследований, динамика которых представлена в таблице 3.

165

Таблица 3 – Виды судебных экспертиз, назначенные по делам о незаконной охоте

Вид экспертизы	Количество экспертиз				
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Итого	%
Геномная	49	38	28	115	46,0
Биологическая	26	28	22	76	30,4
Комплексная баллистическая – судебно-медицинская экспертиза (СМЭ) (для решения вопросов об огнестрельных повреждениях объектов биологической природы – шкур, туш диких животных)	–	13	5	18	7,2
Химические исследования* (* в рамках проведения 3 баллистических и 14 комплексных баллистических – СМЭ)	1	11	5	17	6,8
Баллистическая	2	9	3	14	5,6
Трасологическая (дактилоскопическая)	4	–	4	8	3,2
Экспертиза холодного оружия	1	–	1	2	0,8
Всего по годам:	83	99	68	250	100

Данные таблицы 3 свидетельствуют, что для установления обстоятельств совершения незаконной охоты могут быть назначены различные виды судебных экспертиз. Наиболее востребованными являются экспертизы 5 видов, которые охватывают 96% всех назначенных экспертиз: биологическая (30,4%), геномная (46,0%), баллистическая, в т.ч. комплексная баллистическая и судебно-медицинская (12,8%) и химическая (следов выстрела) (6,8 %) экспертизы. Вместе с тем, приоритетность (свыше 78%) в этом ряду экспертиз биологического профиля (биологических и геномных) указывает на то, что решение задач по идентификации биологических следов диких животных способно «дать информацию, позволяющую восполнить существенную часть недостающих сведений о материальной структуре конкретного преступления – незаконной охоте» [1, с. 116].

Из 250 назначенных и выполненных экспертиз и исследований первичными являлись 246, дополнительными (в рамках 2 наблюдательных производств в 2011 г. и в 2013 г.) – 4, комплексными – 154 экспертизы.

Объекты исследования

Принято считать, что объектами экспертизы являются закрепленные в материалах дела и предусмотренные процессуальным законодательством источники информации. В их числе главная роль принадлежит вещественным доказательствам, вещной обстановке места происшествия, образцам для сравнительного исследования [2, с. 8 – 9].

Изучение наблюдательных производств показало, что круг объектов, направляемых для производства экспертных исследований при расследовании фактов незаконной охоты, достаточно обширен. Это связано с тем, что объекты-носители следов посягательства на объекты животного мира, которые могут быть вещественными доказательствами, весьма разнообразны.

Вещественными доказательствами, характерными для дел указанной категории преступлений, являются:

- орудия и средства незаконной охоты (огнестрельное оружие и боеприпасы к нему, охотничьи ножи, самодельные устройства для охоты, транспортные средства и т.п.);
- следы транспортировки предмета незаконной охоты и следы, сопутствующие транспортным средствам (следы масел на почве, снегу, траве и т.п.);
- следы орудий разделки туш диких животных;

- туши диких животных с огнестрельными повреждениями, фрагменты биологических тканей и органов диких животных, костные останки, волосы и пучки шерсти, обнаруженные на месте отстрела или разделки туши;

- предметы, обнаруженные при осмотре места происшествия (случайно оброненные или брошенные предметы: сигаретные пачки, окурки, обрывки веревок, бумаги, пакеты, банки, бутылки и т.п.; стреляные гильзы, пули, отдельные компоненты патронов и др.);

- пятна крови, обнаруженные на предметах вещной обстановки места происшествия (на природных объектах), на орудиях разделки, на транспортных и иных средствах и предметах, использованных для перемещения туши, на предметах одежды и экипировки;

- следы человека (рук, ног), предметы одежды, обуви, личного обихода участников незаконной охоты на предмет выявления генотипа выделений человека и на предмет выявления пятен диких животных;

- следы хранения и переработки продукции незаконной охоты (мясопродукты и полуфабрикаты из мест хранения, обнаруженные, например, в жилищах подозреваемых).

Из всего массива направляемых на экспертизу объектов незаконной охоты систематизировано и выделено несколько групп объектов-носителей конкретной информации для экспертного исследования:

1) объекты биологической природы (фрагменты биологических тканей или органов диких животных, останки животных, волосы, мясопродукты, изъятые из мест хранения) – 42,2 % (836 ед.);

2) предметы, служащие орудиями охоты и разделки туши дикого животного – 13,2 % (261 ед.), в том числе огнестрельное оружие и боеприпасы (пули, дробь, гильзы, пыжи, капсюли) – 7,9 % (157 ед.);

3) элементы вещной обстановки места происшествия – 25,1 % (498 ед.), в т.ч. элементы природной среды на месте происшествия – 3,4 % (68 ед.);

4) одежда, обувь и предметы обихода участников незаконной охоты – 19,3 % (382 ед.);

5) копии протоколов осмотра места происшествия – 0,2 % (3 ед.)

Общее количество различных объектов-носителей информации по указанной категории дел, поступивших в распоряжение экспертов различных специальностей за указанный период, составило 1980 единиц (таблица 4). Детальная информация об объектах, исследованных при производстве различных видов экспертиз, приведена в таблице 5.

Таблица 4 – Обобщенная информация по объектам, поступившим для производства экспертных исследований

Вид экспертизы	Количество объектов				
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Всего	%
Геномная	325	365	272	958	48,4
Биологическая	189	335	294	818	41,3
Баллистическая	3	89	8	100	5
Комплексная баллистическая – СМЭ	–	47	6	53	2,7
Химические исследования* (* в рамках 3 баллистических и 14 компл. баллистических – СМЭ)	7	14	8	29	1,5
Трасологическая (дактилоскопическая)	11	–	8	19	1
Экспертиза холодного оружия	2	–	1	3	0,1
Итого	537	846	597	1980	100

Таблица 5 – Информация о вещественных доказательствах, поступивших в распоряжение экспертов

Представленные объекты (вещественные доказательства)	Виды проведенных экспертиз и исследований							Всего
	Баллистическая	Комплексная баллистическая – СМЭ	Химические исследования*	Трасологическая (дактилоскопическая)	Экспертиза холодного оружия	Биологическая	Геномная	
Орудия охоты и разделки туши животного	100	19	7	9	3	62	61	261
<i>Охотничьи ружья и боеприпасы</i>	90	17	6	8	–	12	9	142
<i>Выстрелянные снаряды и части патронов (пули, гильзы и т.п.)</i>	10	2	1	–	–	–	2	15
<i>Топор</i>	–	–	–	–	–	16	16	32
<i>Нож</i>	–	–	–	1	3	33	33	70
<i>Трос металлический</i>	–	–	–	–	–	1	1	2
Фрагменты биологических тканей или органов диких животных, костные останки; мясопродукты, изъятые в жилище	–	31	22	–	–	333	450	836
<i>Фрагменты шкуры дикого животного с повреждениями</i>	–	26	21	–	–	38	62	147
<i>Фрагменты туши (костно-мышечная и хрящевая ткани, внутренние органы, волосы)</i>	–	5	1	–	–	257	350	613
<i>Мясопродукты, изъятые в жилище (фарш, замороженное мясо, внутренности)</i>	–	–	–	–	–	38	38	76

Окончание таблицы 5

Элементы вещной обстановки места происшествия	–	–	–	8	–	233	257	498
<i>в т.ч. элементы природной среды с наслоениями бурого цвета (фрагменты деревьев, растений, почвы, камни)</i>	–	–	–	–	–	34	34	68
<i>смывы вещества бурого цвета, обнаруженного в ходе ОМП на марлевые тампоны (ватные палочки), соскобы вещества бурого цвета</i>	–	–	–	–	–	110	117	227
<i>предметы из а/м (коврики, куски линолеума, ткань, пленка, веревка буксировочная и т.п.)</i>	–	–	–	–	–	49	49	98
<i>предметы из жилища, хозпостройки, дач (лист бумаги, емкости, фрагмент наждачной бумаги с веществом бурого цвета и т.п.)</i>	–	–	–	–	–	28	34	62
<i>предметы, брошенные в лесу (окурки, пачки из-под сигарет, п/пакеты, рукавицы)</i>	–	–	–	8	–	12	23	43
Предметы обихода участников незаконной охоты с пятнами (охотничьи сумки, рюкзаки, мобильный телефон, фонарик)	–	–	–	2	–	57	57	116
Предметы одежды и обуви с пятнами	–	–	–	–	–	133	133	266
Копии протоколов ОМП с указанием локализации повреждений на теле животного	–	3	–	–	–	–	–	3
Итого	100	53	29	19	3	818	958	1980

Сведения, приведенные в таблице, показывают, что средневзвешенное количество объектов, поступивших для производства экспертных исследований, составляет 8 объектов на экспертизу. Однако следует отметить, что для биологической и геномной экспертиз среднее количество исследованных объектов существенно отличается и равно 25, а по отдельным экспертизам может достигать 140 – 200 единиц. Такая разница между количествами поступивших и исследованных объектов обусловлена тем, что при решении задач по установлению происхождения пятен крови на предметах одежды и обуви браконьера каждое пятно исследуется как отдельный объект.

Вопросы, поставленные на разрешение экспертиз при расследовании дел о незаконной охоте

Установление необходимых фактических обстоятельств дела для выявления причинно-

следственных связей с расследуемым событием осуществляется посредством решения конкретных экспертных задач.

Выбор вида экспертизы и, соответственно, перечень вопросов, которые ставятся на разрешение эксперту, напрямую зависит от обнаруженных и зафиксированных в материалах дела вещественных доказательств.

Анализ наблюдательных производств показал, что на разрешение экспертов по делам о браконьерстве ставились разнообразные вопросы. Их полный перечень по видам экспертиз содержится в таблицах 6 – 12.

Баллистическая экспертиза назначалась в целях установления вида, модели и калибра оружия и боеприпасов; определения состояния (исправности и пригодности) оружия и боеприпасов; отождествления конкретного оружия по стреляным пулям (картечи, дроби) и гильзам, представленным в качестве вещественных до-

казательств; исследования следов выстрела в оружии и на пораженных преградах.

Баллистическая экспертиза занимается решением как диагностических, так и идентификационных задач [3, с. 91 – 113]. Проведенный

анализ практики назначения баллистических экспертиз позволил выделить круг вопросов, которые ставились на разрешение экспертам при расследовании фактов незаконной охоты (таблица 6).

Таблица 6 – Вопросы, поставленные на разрешение экспертов-баллистов

Исследуемый объект (вещественные доказательства)	Вопросы
Охотничье оружие (охотничье оружие и патроны)	<ul style="list-style-type: none"> – Относится ли представленный предмет к огнестрельному оружию? – К какой системе, модели, марке относится данное огнестрельное оружие? – Каков его калибр? – Каким способом (промышленным, самодельным) изготовлено данное оружие? – Исправно ли оружие и пригодно ли оно для стрельбы? – Возможно ли производство выстрелов из данного оружия патронами определенного калибра и образца, изъятыми у подозреваемого (ых)? – Производился ли выстрел из представленного оружия после последней чистки?* <p>(*вопрос решался при проведении химических исследований)</p>
Патроны	<ul style="list-style-type: none"> – Являются ли представленные на исследование предметы боеприпасами? – К какому виду, типу, образцу относятся представленные патроны? – В каком оружии они могут быть использованы для стрельбы? – Промышленным или кустарным способом изготовлены данные патроны? – Пригодны ли данные патроны для стрельбы?
Части патронов (стреляные гильзы, пластиковый контейнер, пули, извлеченные из преграды)	<ul style="list-style-type: none"> – К патронам какого образца, калибра и назначения относится представленная к исследованию стреляная гильза? – Из оружия какого вида, модели стреляна данная гильза? – Имеются ли на гильзе, изъятой в ходе ОМП, следы от оружия, из которого она была выстрелена? Если да, то пригодны ли они для идентификации оружия, из которого она выстрелена? – Не выстрелена ли гильза из конкретного экземпляра охотничьего ружья, изъятого в ходе ОМП? – Чем является предмет (записанный как пластиковый контейнер), изъятый в ходе судебно-ветеринарного вскрытия туши дикого животного? – Является ли представленный на исследование пластиковый контейнер частью патрона? Если да, то частью патрона какого калибра, модели, образца? – Является ли металлический предмет, изъятый в ходе судебно-ветеринарного вскрытия туши дикого животного, пулей (картечью, дробью)? – Частью патрона какого калибра, модели, образца является пуля, обнаруженная при вскрытии туши (на месте происшествия)? – В оружии какой модели, калибра используются патроны, элементом которого является изъятая пуля? – Пригодны ли следы, отобразившиеся на пуле, для идентификации оружия, из которого она была выстрелена?

Анализом наблюдательных производств выявлено, что не всегда в постановлениях о назначении баллистической экспертизы следователями правильно формулируются вопро-

сы, которые необходимо разрешить эксперту. Ниже приведены варианты корректной (правильной) постановки вопросов перед экспертами-баллистами.

Некорректная редакция вопросов <i>(из постановлений о назначении экспертизы)</i>	Корректная формулировка вопросов
Является ли изъятое ружье оружием, если да, то каким?	<i>Относится ли данный предмет к огнестрельному оружию? К какой системе (модели) относится данное огнестрельное оружие? Каков его калибр?</i>
Производился ли из ружья выстрел (выстрелы) незадолго до его изъятия (указана конкретная дата)?	<i>Производился ли выстрел из представленного ружья после последней чистки?</i>
Является ли изъятый патрон боеприпасом, если да, то каким?	<i>К какому виду, типу, образцу относится изъятый патрон и в каком оружии он может быть использован для стрельбы?</i>
Является ли представленный на исследование пластиковый контейнер частью пули, картечи, дроби, если да, то какого номера?	<i>Является ли представленный на исследование пластиковый контейнер частью патрона? Если да, какого калибра?</i>
Какое оружие применялось для стрельбы, судя по виду стреляных гильз?	<i>Из оружия какого вида, модели стреляны данные гильзы?</i>
К какому образцу относится предоставленная к исследованию гильза?	<i>К патронам какого образца и назначения относится предоставленная к исследованию гильза? Каков калибр стреляной гильзы?</i>
К какому типу патронов относится пуля?	<i>Частью патрона какого калибра, модели, образца является пуля, обнаруженная на месте происшествия?</i>
В каком оружии используются патроны, элементом которого является пуля?	<i>В оружии какой модели, калибра используются патроны, элементом которого является изъятая пуля?</i>

Комплексные баллистические и судебно-медицинские экспертизы при расследовании дел о незаконной охоте назначаются с целью выяснения вопросов об

огнестрельных повреждениях объектов биологической природы и об обстоятельствах выстрела (дистанции и направлении выстрела).

Таблица 7 – Вопросы, поставленные на разрешение комплексной баллистической и судебно-медицинской экспертиз

Исследуемый объект (вещественные доказательства)	Вопросы
Фрагменты шкуры (костная и мышечная ткани, внутренние органы) дикого животного с повреждениями	<ul style="list-style-type: none"> – Является ли повреждение на представленном для исследования объекте (фрагменте шкуры) огнестрельным?* – Каким снарядом (пулей, дробью, картечью) могли быть образованы данные повреждения? – Каков состав металлов, входящих в состав огнестрельного повреждающего снаряда?* – Имеются ли на представленных фрагментах шкуры следы (продукты) выстрела?* – (*вопросы решаются при проведении химических исследований) – Выстрелом из оружия какого вида, образца (модели) и калибра образовано данное повреждение? – Какие из повреждений являются входными, какими выходными? – С какого расстояния был произведен выстрел? – Если повреждения не являются огнестрельными, то от чего они произошли и каков механизм их образования?
Фрагменты шкуры дикого животного с повреждениями и деформированный фрагмент металла, извлеченный из туши	<ul style="list-style-type: none"> – Могли ли повреждения на фрагментах шкуры образоваться в результате воздействия предоставленного на исследование металлического предмета, изъятого в ходе вскрытия туши дикого животного? – Имеются ли на металлическом предмете следы, пригодные для идентификации оружия, из которого он был выстрелен? – Если да, то в оружии какой модели, марки, калибра используются патроны, элементом которого является изъятая пуля?

171

Проблема полной дифференциации вопросов, разрешаемых государственными судебными медицинскими экспертами и экспертами-баллистами по делам рассматриваемой категории, не решена до настоящего времени.

Химические исследования (экспертиза металлов и сплавов) при расследовании фактов браконьерства проводились в рамках производства 3 баллистических и 14 комплексных баллистических и судебно-медицинских экспертиз. Данные исследования проводились в

целях обнаружения металлических частиц и следов металлизации на объектах, исследования качественного и количественного состава металлов и сплавов, содержащихся в следах выстрела. Объектами исследования являются следы металлизации на биологических объектах, протирки из каналов стволов оружия.

Наиболее распространенными вопросами, разрешаемыми химическими исследованиями при расследовании дел о незаконной охоте, являлись следующие (таблица 8).

Таблица 8 – Вопросы, разрешаемые при проведении химических исследований

Исследуемый объект (вещественные доказательства)	Вопросы
Охотничье оружие	– Производился ли выстрел из представленного оружия после последней чистки?
Фрагменты шкуры дикого животного с повреждениями	– Является ли повреждение на представленном для исследования объекте (фрагменте шкуры) огнестрельным? – Каков состав металлов, входящих в состав огнестрельного повреждающего снаряда? – Имеются ли на представленных фрагментах шкуры следы (продукты) выстрела? – Имеются ли на представленном объекте (фрагменте шкуры) следы металлизации?

Экспертиза холодного оружия назначается в целях установления принадлежности предмета к холодному оружию,

определения его принадлежности к определенному типу, виду, способу изготовления.

Таблица 9 – Вопросы, поставленные на разрешение экспертизы холодного оружия

Исследуемый объект (вещественные доказательства)	Вопросы
Нож	– Является ли представленный на исследование предмет (нож), изъятый в ходе ОМП, холодным оружием? – Если да, то к какому виду холодного оружия он относится? – Каким способом изготовлен представленный на исследование нож?

Трасологическая экспертиза решает задачи установления тождества объектов по их следам (отображениям) на местах происшествий – следам рук, ног (обуви), следам орудий и инструментов, следам транспортных средств; установления целого по частям.

Проведенный анализ практики назначения трасологической экспертизы по фактам незаконной охоты за указанный период показал, что в основном назначалась дактилоскопическая экспертиза, являющаяся подвидом указанной экспертизы.

Таблица 10 – Вопросы, поставленные на разрешение трасологической (дактилоскопической) экспертизы

Исследуемый объект (вещественные доказательства)	Вопросы
Оружие и патроны, оружейный фонарик	<ul style="list-style-type: none"> – Имеются ли на изъятых ружье и патроне пригодные для исследования следы пальцев рук? – Если да, то возможна ли их идентификация при предоставлении образцов?
Предметы обихода (мобильный телефон, пачка из-под сигарет, нож, пакеты)	<ul style="list-style-type: none"> – Имеются ли на представленных предметах (пачке сигарет, пакетах, мобильном телефоне, поверхности ножа и чехле) следы пальцев рук, если да, то пригодны ли они для идентификации личности? – Не принадлежат ли следы пальцев рук, выявленные на поверхности предмета (ножа, пачки из-под сигарет, ...), изъятого в ходе ОМП, гражданину А.?

Биологическая экспертиза является одной из наиболее распространенных при расследовании обстоятельств совершения незаконной охоты. Основной целью данного вида экспер-

тизы является установление природы исследуемых биологических объектов и отнесение их к определенным таксономическим группам (отряду, семейству, роду, виду) [3, с. 208 – 216].

Таблица 11 – Вопросы, поставленные на разрешение биологической экспертизы

Исследуемый объект (вещественные доказательства)	Вопросы
Орудия охоты (нож, топор и т.п.) с пятнами бурого цвета; смывы (соскобы) вещества бурого цвета с предметов-носителей	<ul style="list-style-type: none"> – Имеются ли на представленных объектах следы крови? – Является ли вещество бурого цвета, обнаруженное на ..., кровью? – Какова ее видовая принадлежность?
Фрагменты мышечных тканей или внутренних органов, фрагменты шкуры животных; фрагменты шерсти, волосы (нитевидные фрагменты)	<ul style="list-style-type: none"> – От какого вида животного происходят биологические фрагменты тканей, представленные на исследование? – Являются ли нитевидные фрагменты шерстью (волосами) животного? Если да, то какому виду животного они принадлежат? – Принадлежат ли обнаруженные при ОМП волосы человеку или животному? Если волосы принадлежат животному, то какому виду животного?
Одежда, обувь с пятнами, изъятые при ОМП	<ul style="list-style-type: none"> – Имеются ли на представленных объектах следы биологического происхождения (кровь, пот, слюна)? – Если имеются, то принадлежат ли они животному или человеку? – От какого вида животного происходят пятна крови или другие биологические фрагменты?

Геномная (генотипоскопическая) экспертиза при расследовании фактов браконьерства назначается с целью установления видовой принадлежности следов биологического происхождения животному (или человеку); установления происхождения биологических объектов и следов биологической природы от конкретной особи животного (или человека) или же исключения их принадлежности конкретной особи (или человеку); установления

половой принадлежности биологических следов и объектов; дифференциации биологических образцов диких и домашних животных, а также идентификации неопознанных останков животных [3, с. 217 – 230].

Анализ практики назначения геномных экспертиз показал, что при расследовании дел о незаконной охоте на разрешение геномной экспертизы могут быть поставлены следующие вопросы, представленные в таблице 12.

Таблица 12 – Вопросы, поставленные на разрешение геномной экспертизы

Исследуемый объект (вещественные доказательства)	Вопросы
Орудия охоты (нож, топор и т.п.) с пятнами бурого цвета; смывы (соскобы) вещества бурого цвета с предметов-носителей	<ul style="list-style-type: none"> – <i>Имеется ли в представленном объекте, изъятом в ходе ОМП..., генетический материал, пригодный для проведения идентификационного исследования? Происходит ли он от животного или человека?</i> – <i>Какова видовая принадлежность следов биологического происхождения (пятен крови), обнаруженных на представленных объектах, каков их генотип?</i> – <i>Происходят ли обнаруженные пятна бурого цвета от одной или разных особей животного?</i> – <i>Идентичен ли генотип пятна крови, обнаруженной при осмотре транспортного средства (орудия разделки и т.п.), с генотипом крови животного, обнаруженного при ОМП в лесном массиве?</i>
Фрагменты мышечных тканей или внутренних органов, фрагменты шкуры животных; фрагменты шерсти, волосы (нитевидные фрагменты)	<ul style="list-style-type: none"> – <i>От одной или разных особей животного происходят биологические объекты (фрагменты мышечных тканей, шкуры, волос)?</i> – <i>Какова половая принадлежность представленных биологических объектов?</i> – <i>От дикого кабана или домашней свиньи происходят фрагменты мышечной ткани (волосы)?</i> – <i>Подтверждается ли происхождение фрагментов мышечной ткани, обнаруженных во дворе дома ..., от животного, шкура (останки) которого обнаружены в лесном массиве при ОМП?</i>
Одежда и обувь, изъяты при ОМП; окурки сигарет	<ul style="list-style-type: none"> – <i>От дикого кабана или домашней свиньи происходят пятна крови на представленных объектах?</i> – <i>Имеются ли на изъятых в ходе ОМП и представленных объектах биологические следы человека (слюна, клетки эпителия, кровь), пригодные для идентификационного исследования? Каков их генотип?</i> – <i>Происходят ли выявленные биологические следы (слюна, клетки эпителия и т.п.) от конкретного субъекта ...?</i>

Установлено, что не всегда в постановлениях о назначении геномной экспертизы следователями правильно формулируются вопросы, которые необходимо разре-

шить эксперту. Ниже приведены варианты корректной постановки некоторых вопросов для разрешения геномной экспертизой.

Некорректная редакция вопросов <i>(из постановлений о назначении экспертизы)</i>	Корректная формулировка вопросов
<ul style="list-style-type: none"> – Являются ли представленные для исследования объекты мясом дикого животного и составляли ли они до разделения единое целое? – К какому виду, роду, семейству, отряду, подотряду, возрасту, полу животного относится мясо? 	<ul style="list-style-type: none"> – <i>От одного или разных особей животного происходят представленные на исследование объекты (фрагменты мяса)?</i> – <i>К какому виду, роду, семейству, подотряду, отряду, полу относится животное (животные), фрагменты мяса которого представлены на исследование?</i>
<ul style="list-style-type: none"> – Имеются ли на поверхности пачки из-под сигарет биологические следы, если да, то какой их генотип? – Имеются ли следы крови на пачке, если да, то какой их генотип? Происходит ли она от человека или животного? 	<ul style="list-style-type: none"> – <i>Имеются ли на поверхности пачки из-под сигарет биологические следы человека, пригодные для идентификационного исследования? Если да, то какой их генотип?</i> – <i>Имеются ли на поверхности пачки биологические следы животного, пригодные для идентификационного исследования? Если да, то какой их генотип и какому виду животного принадлежат биологические следы?</i>

Всего за анализируемый период на разрешение экспертов различных специальностей было поставлено в совокупности более 800 вопросов, 97 % из которых были решены полностью, 8 вопросов (0,9 %) – ре-

шены частично, 19 (2,1 %) – не решены по объективным причинам. Распределение вопросов относительно различных видов экспертиз в порядке убывания приведено в таблице 13.

Таблица 13 – Количество вопросов, поставленных на разрешение экспертов при расследовании дел о незаконной охоте

Вид экспертиз	Количество поставленных вопросов			
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Всего
Геномная	135	162	114	411 (46,5 %)
Биологическая	64	147	143	354 (40 %)
Комплексная баллистическая – СМЭ	–	48	15	63 (7,1 %)
Баллистическая	5	27	9	41 (4,6 %)
Трасологическая (дактилоскопическая)	6	–	5	11 (1,2 %)
Экспертиза холодного оружия	2	–	3	5 (0,6 %)
Итого	212	384	289	885 (100 %)

Наиболее часто нерешенными оказывались вопросы в отношении объектов, представленных на исследование биологической, геномной и комплексной баллистической и судебно-медицинской экспертиз.

Основными причинами, по которым не удавалось решить тот или иной вопрос, являются: 1) недостаточная информативность объектов (37 %), 2) недоброкачественность объектов, представленных на исследование (33 %), 3) вопрос вне компетенции эксперта (22 %). В единичных случаях нерешенными или частично решенными оставались вопросы по причине недостаточного количества исследуемого объекта.

Приведем примеры нерешаемости конкретного поставленного вопроса по причине «вопрос вне компетенции эксперта». Например, поставленный на разрешение геномной экспертизы вопрос в части *установления возраста животного по представленным фрагментам мяса* находится в компетенции специалистов в области ветеринарии, а также специалистов, занимающихся товарной экспертизой мяса и мясных продуктов. Вопрос *«Когда и по какой причине наступила смерть животного?»* на-

ходится в компетенции специалиста в области судебно-медицинской танатологии.

В отдельных случаях примером недоброкачественности представляемых на экспертизу объектов могут служить факты представления на биологическую, геномную и комплексную баллистическую и судебно-медицинскую экспертизу вещественных доказательств во влажном состоянии. Соответственно это приводило к разрушению и порче биологического материала на предметах-носителях. При этом объекты во влажном состоянии упаковывались в стеклянные банки с плотно закрытыми крышками или в полимерные спецпакеты.

Ходатайства и запросы

Обобщение изученных наблюдательных производств показало, что в большинстве случаев (59,3%) экспертами заявлялись ходатайства при производстве назначенной комплексной баллистической и судебно-медицинской экспертизы. В 40,7 % случаев ходатайства заявлялись по биологической и геномной экспертизам.

Перечень ходатайств и запросов, направляемых в адрес органа, назначившего экспертизу, приведен в таблице 14.

Таблица 14 – Ходатайства и запросы, направленные по экспертизам, назначенным по делам о незаконной охоте

№ п/п	Ходатайства и запросы / вид экспертизы	Количество
1.	<i>О необходимости включения в состав комиссии по производству экспертизы специалиста в области судебной медицины / (комплексная баллистическая-СМЭ)</i>	13 (48,2 %)
2.	<i>О предоставлении дополнительных материалов (копии протокола ОМП с указанием локализации повреждений на теле дикого животного/ (комплексная баллистическая-СМЭ); сведений из баз данных ДНК для оценки достоверности результатов экспертных исследований / (геномная)</i>	4 (14,8 %)
3.	<i>О разрешении на применение методов, способных привести к полному или частичному повреждению, изменению основных свойств и внешнего вида объектов исследования / (биологическая, геномная)</i>	4 (14,8 %)
4.	<i>Уведомление о продлении сроков проведения экспертизы / (биологическая, геномная)</i>	6 (22,2 %)
Всего		27 (100 %)

Экспертизы, по которым были заявлены ходатайства в указанный период, назначались следующими правоохранительными органами:

Органы, назначавшие экспертизы	Назначено экспертиз	Заявлено ходатайств	Доля ходатайств от числа назначенных экспертиз
СК	149	21	14,1 %
МВД	18	4	22,2 %
Всего	167	27	16,2 %

Краткие выводы

За период 2011 – 2013 гг. было назначено и проведено 250 экспертиз, связанных с расследованием дел о незаконной охоте. Анализ наблюдательных производств свидетельствует о высокой востребованности экспертиз биологического профиля: геномная и биологическая экспертизы составляют 76,4 % от общего числа назначенных экспертиз, охватывают 89,7 % объектов-носителей информации и 86,5 % поставленных на разрешение вопросов. Общее количество исследованных за указанный период различного рода вещественных доказательств, являющихся объектами-носителями информации по указанной категории дел, составило около 2000 единиц. На разрешение экспертов по делам о браконьерстве было поставлено 885 вопросов, 97 % из которых были полностью решены. Основными причинами, по которым не удавалось решить тот или иной вопрос в полном объеме, являлись: недостаточная информативность или недоброкачественность объектов, вопросы вне компетенции эксперта.

По результатам изучения экспертной практики выявлены и некоторые недостатки, связанные с назначением экспертиз и подготовкой материалов к их производству. Остановимся на отдельных из них:

1) У следователей при назначении экспертизы возникают проблемы с выбором конкретного вида назначаемой экспертизы. Иногда в постановлении о назначении экспертизы может быть просто указано «назначить

криминалистическую экспертизу». При этом вопросы, поставленные перед экспертом, могут входить как в круг задач, решаемых одним видом экспертизы, так и носить комплексный характер;

2) Не всегда в постановлении дается разрешение на проведение исследований, которые могут повлечь полное или частичное уничтожение объектов экспертизы либо изменение их внешнего вида или основных свойств. Это приводит к необходимости заявления ходатайства экспертом, ожидания ответа на него, что в свою очередь приводит к затягиванию сроков проведения экспертиз;

3) Эксперту может быть сформулировано задание, не входящее в предмет конкретного вида экспертизы и, соответственно, выходящее за пределы его компетенции;

4) При подготовке материалов для производства экспертиз по делам о незаконной охоте правоохранительными органами не всегда предпринимаются должные меры по обеспечению сохранности следов и предоставлению должных образцов сравнения, что неблагоприятно сказывается на результатах экспертизы.

Устранение отмеченных недостатков будет способствовать более качественному производству судебных экспертиз, что позволит не только сократить общий срок производства экспертиз, но и повысит полноту, объективность и общую результативность экспертных работ по делам о незаконной охоте, что, несомненно, благоприятно скажется на обоснованности и законности решений судов.

Список использованных источников

1. *Цыбовский, И.С.* Новые экспертные технологии для экспертного сопровождения уголовных и административных дел о незаконной охоте в Республике Беларусь / И.С. Цыбовский, С.А. Котова, А.В. Бородич // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судебных экспертиз Респ. Беларусь; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) и [др.]. – Минск: Право и экономика, 2013. – Вып. 2/34. – С. 112 – 117.
2. *Шляхов, А.Р.* Общие положения методики криминалистической экспертизы: учеб. пособие / А.Р. Шляхов. – М., 1961. – 118 с.
3. Подготовка и назначение судебных экспертиз (пособие для следователей, судей и экспертов) / А.С. Рубис [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2006. – 310 с.

Дата поступления: 16.09.2014

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СИНХРОННОГО ТЕРМОАНАЛИЗАТОРА В ЭКСПЕРТИЗЕ ВОЛОКНИСТЫХ МАТЕРИАЛОВ И ИЗДЕЛИЙ ИЗ НИХ

Ивашкевич А.А.

Управление физико-химических и взрывотехнических экспертиз главного управления специальных экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

Синхронный термоанализатор предназначен для проведения термогравиметрического и калориметрического исследования объектов (волокон, частиц полимеров, взрывчатых веществ, стекла, керамики и т.д.).

Синхронный термический анализ (СТА) сочетает методы дифференциальной сканирующей калориметрии (ДСК), термогравиметрического (ТГ) и дифференциального термогравиметрического (ДТГ) анализов в одном эксперименте. Достоинство синхронного термического анализа в том, что в одном образце с определенной массой за одно измерение регистрируются и ДСК (тепловые) и ТГ (изменение массы) эффекты.

СТА предоставляет информацию о температурах и теплотах фазовых переходов (плавления, кристаллизации, стеклования), термодинамике и кинетике химических реакций, химическом составе, чистоте, термической и окислительной стабильности различных материалов и т.д. Он широко используется для исследований химических соединений, полимерных и композитных материалов в различных отраслях науки и промышленности.

Кривая ДТГ (дифференциальная термовесовая) показывает скорость изменения массы вещества в зависимости от температуры. Кривая ТГ – изменение массы при повышении температуры.

ДСК основана на непрерывной регистрации разности теплового потока от образца и эталона или к образцу и эталону (изменения энтальпии) как функции температуры или времени при нагревании образцов в соответствии с определенной программой в заданной газовой атмосфере.

Целью данной работы является проведение предварительных исследований, позволяющих оценить возможность применения ДСК-ДТГ анализов в криминалистической экспертизе волокнистых материалов и изделий из них.

Исследования проводились на ДСК-ДТГ анализаторе NETZSCH STA 449 C Jupiter® (рисунок 1). Диапазон измерения от 30°C до 600°C с изменением температуры 5°C/мин и погрешностью +1°C. В приборе имеется циркуляционный термостат для термовесов и система принудительного охлаждения печи. Печь – платиновая (25 – 1500°C), подъемное устрой-

ство печи, набор сенсоров – ТГ, ТГ-ДСК, ТГ-ДТА, разрешение весов – 1 мкг, дрейф весов 5 мкг/ч (при идеальных условиях), точность измерения энтальпии (ДСК) – 2%, воспроизводимость базовой линии (ДСК) -0.5 мкВ. Масса исследованных образцов составляла: 1 – 15 мг.

Нагревание проводилось в атмосфере азота и смеси азота с кислородом, моделирующей состав обычного воздуха (далее – воздух).

Исследованию подвергались образцы полиэфирных, шерстяных, хлопковых волокон и смесь полиэфирных с вязкозными волокнами (Термограммы приведены на рисунках 2 – 9).

Рисунок 1 – NETZSCH STA 449 F3 Jupiter – прибор синхронного термического анализа

180

С помощью синхронного термоанализатора фирмы NETZSCH STA 449 C Jupiter® могут быть одновременно измерены изменения массы (ТГ) и калориметрические эффекты (ДСК) в образце. Встроенные электромагнитные компенсационные микровесы с верхней загрузкой отличаются высокоточным разрешением в диапазоне суб-мкг, а также стабильностью измерений и надежностью. Максимальный вес образца может составлять 5 г. При синхронном термическом анализе (СТА) образец исследуется в условиях программированного изменения температуры. Собственно измеряемыми величинами являются изменение массы, абсолютная температура образца и разница температур, возникающая между образцом и эталоном. Измерения проводятся синхронно на одном и том же образце в одних и тех же условиях. При соответствующей калибровке могут быть измерены тепловые потоки к образцу и обратно. Это позволяет измерить такие калориметрические эффекты, как энтальпия, температура фазовых переходов или удельная теплоемкость образца.

Примечание: на приведенных далее рисунках цифрой 1 обозначены кривые ТГ,

цифрой 2 – кривые ДСК, цифрой 3 – кривые ДТГ.

При сравнении кривых синхронного термоанализа полиэфирных волокон (рисунки 2 – 3), полученных в атмосфере азота и воздуха, установлено следующее. На кривых ТГ четко различимы участки наибольшей потери массы. Причем в атмосфере азота этот участок уже (375°C – 470°C), чем в токе воздуха (370°C – 530°C). Первая кривая потери массы (рисунок 2) имеет сложный двухступенчатый характер.

Кривые ДСК значительно различаются друг от друга. На начальном этапе кривая свидетельствует о незначительном выделении энергии за счет стеклования полимера, затем в районе 260°C следует поглощение энергии, так как в данной точке происходит плавление полимера. Затем в атмосфере воздуха на кривой ДСК наблюдаются два пика (в районе 400°C и 510°C), указывающих на выделение теплоты. В атмосфере азота на кривой ДСК наблюдается один широкий пик при 470°C. Данные пики обусловлены разложением полимера в разных атмосферах. Кривая ДТГ характеризуется одним пиком в атмосфере азота (430°C) и тремя пиками (415°C, 425°C, 510°C) в атмосфере воздуха.

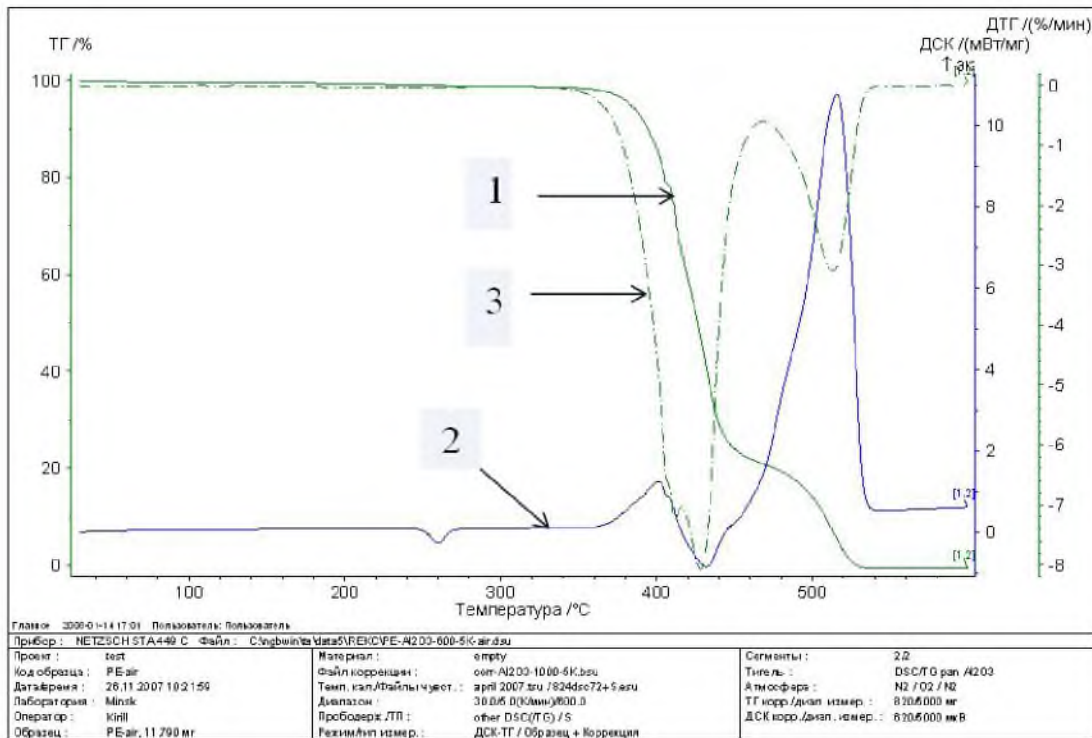

Рисунок 2 – Термограммы полиэфирных волокон в атмосфере воздуха

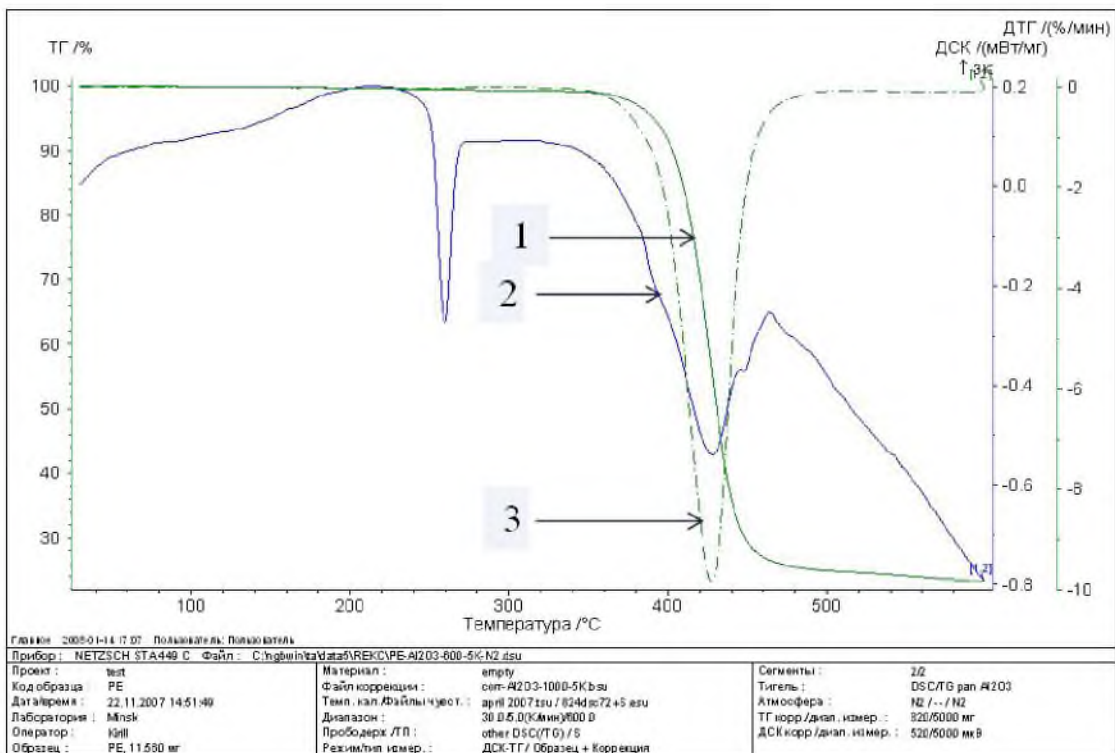

Рисунок 3 – Термограммы полиэфирных волокон в атмосфере азота

При сравнении кривых синхронного термоанализа шерстяных волокон (рисунки 4, 5), полученных в атмосфере азота и воздуха, установлено, что кривые ТГ имеют двухступенчатый характер. На первом этапе, в области до 100°C, происходит потеря массы за счет потери влаги и сопровождается поглощением энергии. Далее при температуре 220°C – 600°C происходит основная потеря веса. Причем в атмосфере азота основная потеря массы происходит до 400°C, а в атмосфере воздуха кривая имеет более плавный характер.

Кривые ДСК значительно различаются друг от друга. На начальном этапе на кривых наблюдается незначительное поглощение энергии за счет потери влаги. Затем на кривой, полученной в атмосфере воздуха, идет ступенчатый рост выделения энергии с максимумом при 470°C. В атмосфере азота в области 230°C происходит незначительное поглощение энергии, а районе 315°C и 340°C максимальное выделение энергии, связанное с термическим разложением шерсти и основной потерей массы.

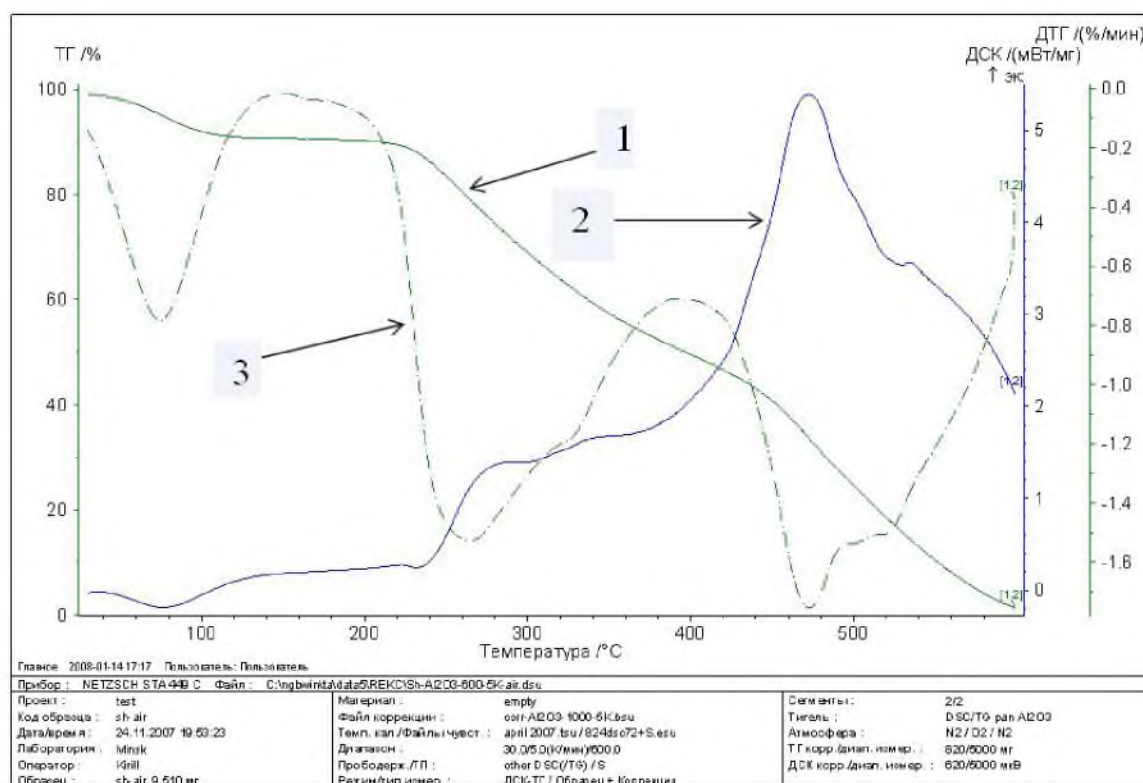

Рисунок 4 – Термограммы шерстяных волокон в атмосфере воздуха

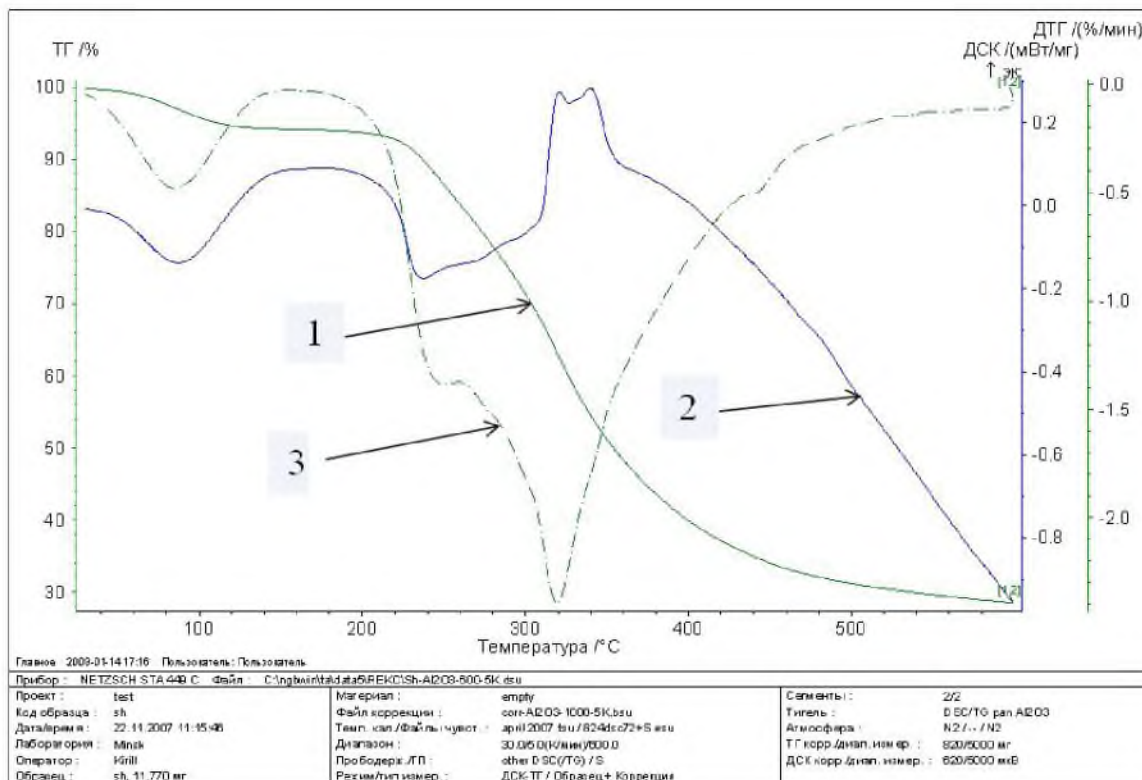

Рисунок 5 – Термограммы шерстяных волокон в атмосфере азота

При сравнении кривых синхронного термоанализа хлопковых волокон (рисунки 6, 7), полученных в атмосфере азота и воздуха, установлено, что кривые ТГ имеют значительные различия. На первом этапе, в области до 100°C, снижается вес за счет потери влаги, причем процесс сопровождается поглощением энергии. Далее в атмосфере воздуха, при температуре 300°C – 330°C, происходит потеря массы на величину порядка 60%. В дальнейшем масса образца уменьшается на участке от 330°C до 510°C. В атмосфере азота основная потеря массы наблюдается в пределах от

300°C до 360°C (около 70%), и далее равномерно до 600°C.

Кривые ДСК также значительно различаются друг от друга. На начальном этапе на кривых наблюдается незначительное поглощение энергии за счет потери влаги. Затем на кривой, полученной в атмосфере воздуха, происходит ступенчатый рост выделения энергии с максимумами при 350°C и 490°C. В атмосфере азота при 310°C энергия поглощается, а в области от 360°C до 430°C максимально выделяется энергия, связанная с термическим разложением и основной потерей массы.

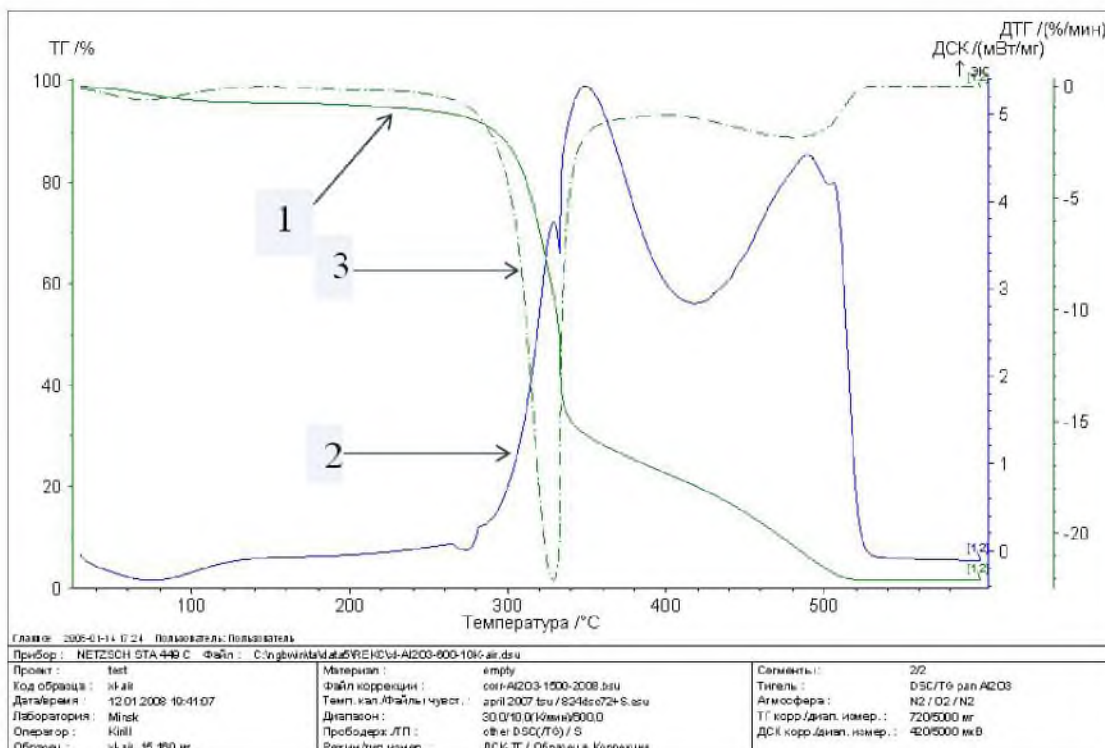

Рисунок 6 – Термограммы хлопковых волокон в атмосфере воздуха

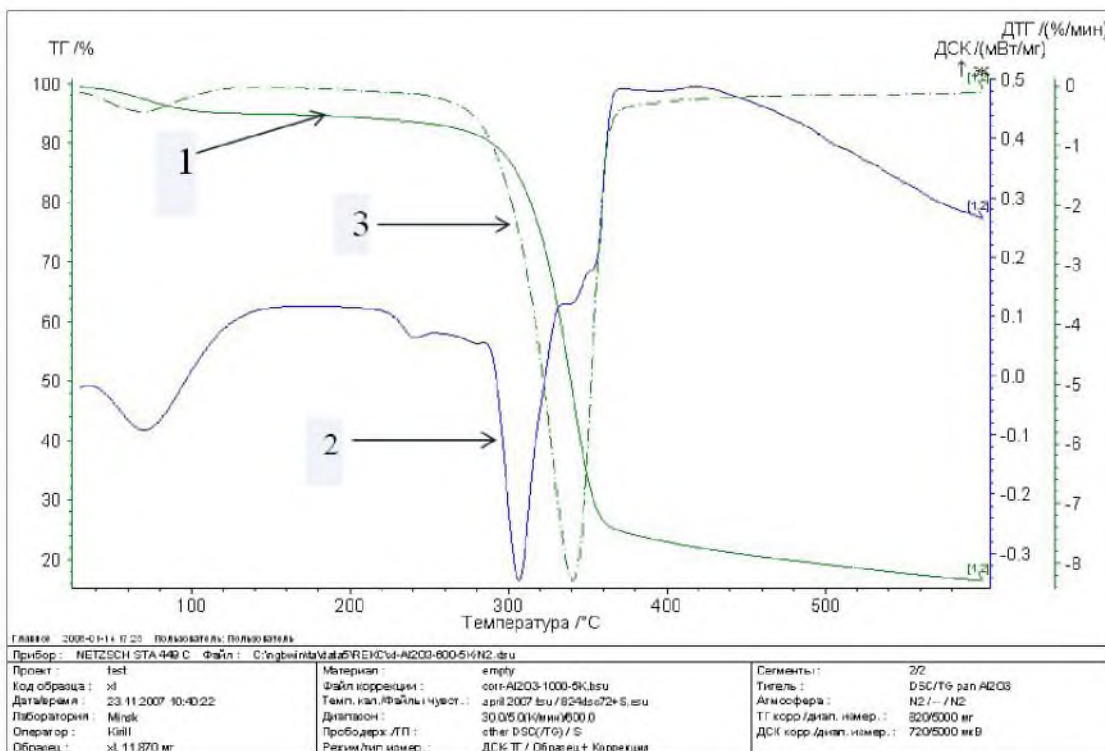

Рисунок 7 – Термограммы хлопковых волокон в атмосфере азота

При изучении кривых синхронного термоанализа смеси полиэфирных и вискозных волокон (рисунки 8, 9), полученных в атмосфере азота и воздуха, и при их сравнении с кривыми, полученными для полиэфирных и хлопковых волокон (хлопковые и вискозные волокна практически не отличаются по природе полимера – целлюлоза), установлено следующее. Кривые ТГ указанной смеси коррелируют с кривыми полиэфирных и хлопковых волокон. В атмосфере воздуха кривая ТГ имеет три ступени (одна в температур-

ных интервалах, характерных для вискозы (хлопка), две – характерны для полиэфира), в атмосфере азота – две ступени (по одной в интервалах, характерных для вискозных (хлопковых) и полиэфирных волокон). Также кривые ДСК соответствуют кривым ДСК, полученным для хлопковых и полиэфирных волокон. Однако, следует отметить, что кривые ДСК могут незначительно смещаться за счет взаимодействия между волокнами разной природы в процессе термического разложения.

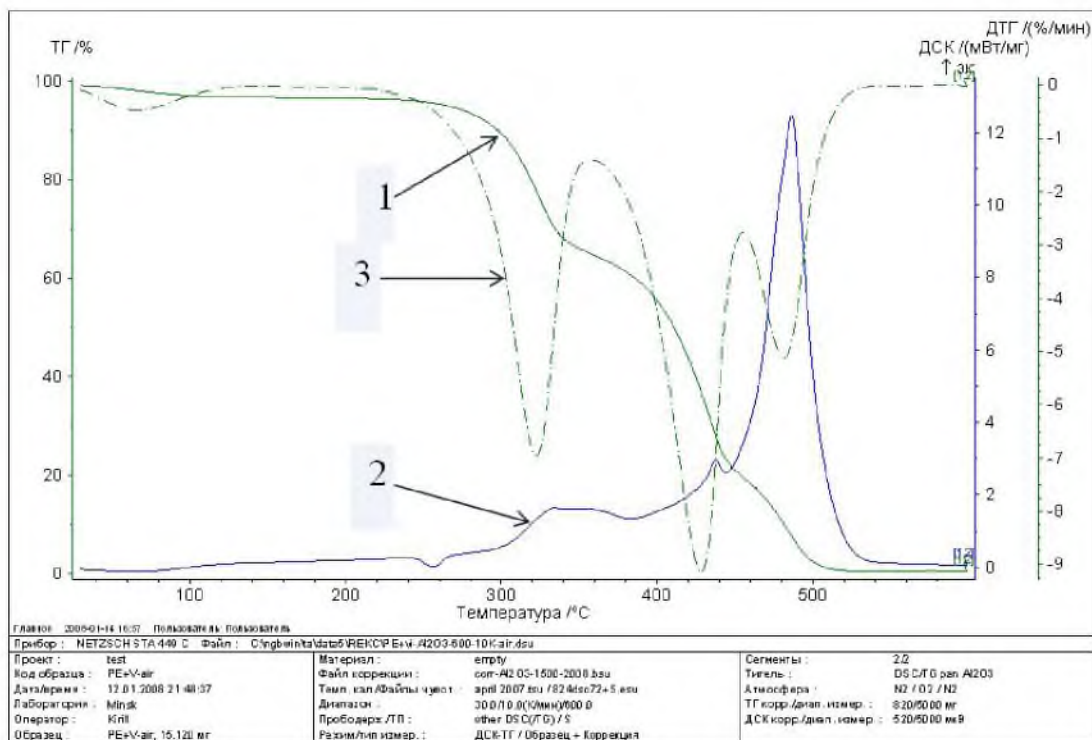

Рисунок 8 – Термограммы смеси полиэфирных и вискозных волокон в атмосфере воздуха

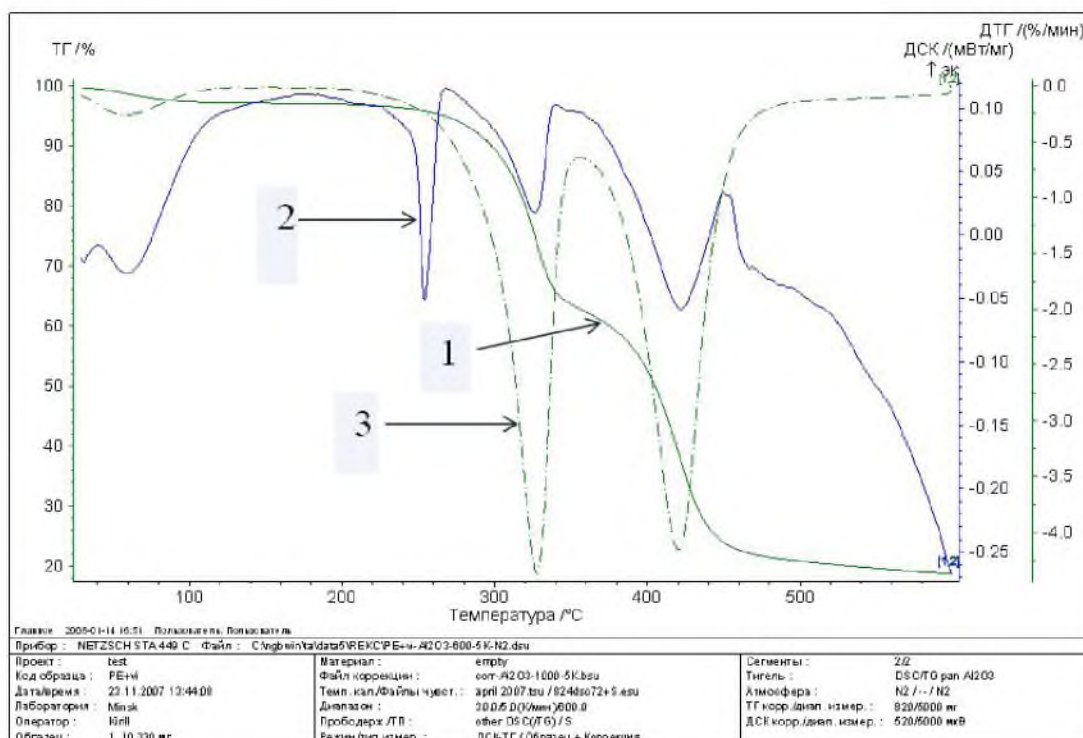

Рисунок 9 – Термограммы смеси полиэфирных и вискозных волокон в атмосфере азота

Как видно из полученных данных (таблица), термическое разложение волокон значительно различается в активной (воздух) и инертной (азот) атмосферах. Волокна разной природы имеют характерные особенности термического разложения (температурные диапа-

зоны, форма кривой, теплоемкость), связанные непосредственно с видом волокнообразующего полимера и природой волокна. Компоненты смесок волокон могут оказывать взаимное влияние на характер термического разложения волокон, входящих в состав смеси.

Таблица – Результаты синхронного термического анализа

Вид волокон	Интервал основной потери массы в токе воздуха	Интервал основной потери массы в токе азота	Интервал наибольшего выделения теплоты в токе воздуха	Интервал наибольшего выделения теплоты в токе азота	Точки наибольшей скорости изменения массы в токе воздуха	Точки наибольшей скорости изменения массы в токе азота
полиэфирные	370°C-530°C	375°C-470°C	370°C-430°C 450°C-520°C	430°C-580°C	415°C 425°C 510°C	430°C
шерстяные	220°C-600°C	220°C-400°C	280°C-600°C	250°C-580°C	270°C 470°C	230°C 320°C
хлопковые	330°C-510°C	300°C-360°C	290°C-510°C	310°C-600°C	330°C 480°C	340°C
смесь полиэфирных и вискозных	280°C-340°C 390°C-500°C	260°C-340°C 380°C-460°C	300°C-380°C 300°C-510°C	250°C-320°C 330°C-420°C 430°C-560°C	320°C 430°C 480°C	330°C 420°C

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что синхронный термический анализ можно использовать для определения природы остатков сожженных текстильных изделий (путем дожига сохранившихся фрагментов) и для определения процентного содержания волокон различной природы в текстильных материалах.

Для этого целесообразно использовать следующие данные:

- термогравиметрическую кривую (ТГ);
- величину теплоемкости, рассчитанную для фаз плавления и разложения волокнистых материалов.

В дальнейшем для разработки методики необходимо проведение исследований распространенных в текстильных изделиях волокон и их смесок в разных процентных и компонентных вариантах, а также изучение влияния компонентов друг на друга.

Список использованных источников

1. Павлова, С.-С.А. Термический анализ органических и высокомолекулярных соединений (Методы аналитической химии) / С.-С.А. Павлова, И.В. Журавлева, Ю.И. Толчинский. – М.: Химия, 1983. – 120 с.
2. Тагер, А.А. Физико-химия полимеров / А.А. Тагер. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.: Науч. мир, 2007. – 576 с.
3. Уэндланд, У. Термические методы анализа / У. Уэндланд; Пер. с англ. – М.: Мир, 1978. – 527 с.
4. Шестак, Я. Теория термического анализа: Физико-химические свойства твердых неорганических веществ / Я. Шестак; Пер. с англ. – М.: Мир, 1987. – 456 с.
5. Руководство по эксплуатации термоанализатора STA NetschJupiter 449С. – Режим доступа: <http://www.netsch-thermal-analysis.com>. – Дата доступа: 01.10.2014.

Дата поступления: 27.10.2014

ЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА

АВТОМОБИЛЬ И ДОРОГА: ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ

Батыршин Т.Ф.

*Центральный институт
судебной экспертизы
(г. Астана)*

*Центр судебной экспертизы
Министерства юстиции
Республики Казахстан*

Автомобиль – источник повышенной опасности. Ежедневное использование автомобильного транспорта требует контроля и регулирующих воздействий. Это единственный вид транспорта, который ежедневно перемещается по дорогам и улицам городов республики.

Данная специфика связана с наличием у пользователей, как частных, так и государства, от одной до множества транспортных единиц. Использование автотранспорта при отклонении от норм и требований Правил дорожного движения, как видно из повседневной жизни и информационных источников, может привести к причинению ущерба как материального плана, так и вреда здоровью и жизни населения и гостей Республики Казахстан. В связи с этим, имеется тенденция и необходимость организации объединений автоперевозчиков и создания служб безопасности дорожного движения в них, и, тем более, воссоздания таковых на действующих автотранспортных предприятиях, если они были упразднены в процессе реорганизации транспортной отрасли страны.

Одной из наиболее часто поднимаемых проблем является факт использования транспортных средств, предназначенных для эксплуатации с левосторонней организацией движения.

В Республике Казахстан принята правосторонняя организация дорожного движения [1], что закреплено Законом Республики Казахстан «О безопасности дорожного движения». В соответствии с этим государством приняты требования к конструкции и техническому состоянию транспорта, в частности, следующими стандартами: ГОСТ 3544-75 «Фары дальнего и ближнего света автомобилей (углы регулировки фар)» и ГОСТ 28070-89 «Автомобили легковые и грузовые, автобусы. Обзорность с места водителя. Общие технические требования. Методы испытаний». Очевидно, что автомобили с правым расположением руля не соответствуют требованиям данных ГОСТов. Если фары можно легко и относительно недорого заменить, то обеспечить обзорность с места водителя для правостороннего движения при правом расположении руля технически ничем, кроме перестановки руля, невозможно. Как следствие, политизированная проблема правостороннего транспорта практически исчерпывалась бы при своевременных и квалифицированных действиях органов стандартизации и метрологии. Всего лишь необходимо соблюдение действующего в республике законодательства. Учитывая отсутствие надлежащего контроля государственных органов, имеющих отношение к формированию государственной политики на автомобильном транспорте, законодательство страны перевело ситуацию с праворульными автомобилями в разряд политических проблем [2].

Похожая ситуация складывается и с большегрузными автомобилями грузоподъемностью 15 и более тонн. Большая грузоподъемность автомобилей обеспечивается повышенными осевыми нагрузками. В то же время автомобильные дороги имеют определенные осевые нагрузки, причем дороги, построенные в советское время, рассчитаны на осевые нагрузки в 6 тонн. Только с началом реализации республиканских программ развития автодорожной отрасли начали строить дороги с расчетными нагрузками в 10 тонн, а в последние годы на международных коридорах появились дороги с 13-тонными нагрузками.

С целью снятия физических барьеров на пути международных автомобильных перевозчиков постановлением Правительства Республики Казахстан определены допустимые осевые нагрузки автотранспортных средств в 10 тонн для одиночной оси. То есть, с этого периода автомобильные дороги страны эксплуатируются за пределами своих расчетных нагрузок [2]. Следует отметить, что данное решение Правительства вполне справедливое и дало толчок дальнейшему развитию самого эффективного и высокодоходного сектора автомобильных перевозок – международных. Автомобили КамАЗ 6520 превышают допустимую нагрузку на 4 тонны. Китайские автомобили HOWO грузоподъемностью 25 тонн превышают допустимую более чем на 4 тонны. Видя бездействие наших контролирующих органов и органов, формирующих государственную политику, китайская сторона начала поставлять на наш рынок автомобили еще большей грузоподъемности. Разрушающее воздействие на дорожное покрытие от этих автомобилей особенно существенно в весенний период.

Для экономики страны преждевременное разрушение дорожного покрытия (1 км дороги стоит около 1 млн. долл. США) это, соответственно, новые непредвиденные затраты и постоянная максимальная загруженность дорожно-строительных мощностей. Основными потребителями услуг таких автомобилей являются дорожно-строительная и строительная отрасли. С одной стороны, дорожные строители, пользуясь услугами подобных автомобилей, снижают затраты на транспортную составляющую, с другой – преждевременным разрушением дорожного покрытия обеспечивают себя дополнительным фронтом работ. Примеры рядом: въезды в Астану с карагандинской и рождественской трасс, или проспект Сары-Арка-Туран на левобережье, некоторые перекрестки, где периодически образуются складки и провалы. Таким образом, создаются

условия для дальнейшего развития дорожно-строительной отрасли.

Что же получают от этого законопослушные автомобильные перевозчики? Одни из них становятся неконкурентоспособными и, как следствие, сокращение рабочих мест. У других перевозчиков снижается скорость доставки грузов, увеличивается расход топлива, шин, запасных частей и, таким образом, растет себестоимость перевозки, а далее кумулятивный эффект для всей экономики страны.

Изложенное констатирует, что в вопросах – дорога для автомобиля или автомобиль для дороги – единая государственная политика не прослеживается. Предприниматель, пользуясь услугами автотранспортных средств, превышающих допустимые для наших дорог весовые параметры, решает свои экономические проблемы за счет более низкой себестоимости перевозок. Дорожники всегда будут обеспечены объемами дорожно-строительных работ. Сеть АЗС и автосервиса будут иметь дополнительные доходы за счет повышенного расхода топлива и потребностей в дополнительных ремонтах. Перечисленное можно отнести к плюсам.

Что же в минусе? Увеличение расходной части бюджета на дорожно-строительные работы. Снижение скорости доставки товаров, соответственно экономические потери для их потребителей. Повышение себестоимости перевозок для законопослушных перевозчиков, сопровождаемое снижением прибыли и ограничением возможностей развития. Для всех автомобилистов повышение расхода топлива, и соответственно вредных выбросов в атмосферу. И наконец, полное игнорирование законодательства страны.

Что перевешивает, никто не оценивал. Поскольку такие автомобили успешно эксплуатируются и их количество растет, очевидно, что владельцев этих автомобилей не штрафуют.

Не лучшее положение и с дорожной разметкой в городах республики и особенно в Астане. Дорожная разметка, которая должна дисциплинировать водителей и способствовать повышению культуры вождения, не выполняет своей роли [3]. Полосы движения, в которые помещается по два автомобиля, пешеходные переходы «зебры» в никуда или на газон, разметка на перекрестках, которую по техническим характеристикам автомобилей (радиус поворота) невозможно соблюсти, отсутствие мест разворота на проспектах. Все это в комплексе с низким уровнем обучения водителей выработало стиль вождения в условиях отсутствия разметки, что еще хуже чем само отсутствие разметки.

При принятии любого решения по автомобильному транспорту необходимо помнить, что автомобиль – это источник повышенной опасности. В ДТП ежегодно гибнет более 3 тысяч человек и более 17 тысяч получают увечья, что в разы больше, чем на всех других видах транспорта, вместе взятых за весь период со дня обретения суверенитета Казахстаном. Это национальная трагедия. Гибель в течение года более 3 тысяч человек – статистика для государства и трагедия для отдельной семьи, коллектива предприятия, друзей. То есть, не так остро воспринимается обществом.

Таким образом, ежегодно десятки миллиардов бюджетных тенге расходуются на реконструкцию автомобильных дорог, что необходимо и совершенно справедливо. В то же время ширина дорожного полотна не учитывает состав транспортного потока. Решение социальных проблем малообеспеченных слоев населения, сельских жителей и пенсионеров путем снижения транспортного налога на автомобили с большими сроками эксплуатации привело к тому, что в составе транспортного потока большая доля автомобилей с разницей в возрасте более 20 лет. То есть, в потоке движутся автомобили со скоростными и динамическими характеристиками, обуславливающими частые обгоны. Обгон при сегодняшней ширине дорожного полотна сопровождается неизбежным выездом на полосу встречного движения, что повышает вероятность совершения ДТП, особенно в зимний период.

Устаревшие автомобили также являются основными источниками загрязнения окружающей среды. Более того, очередная реформа по проведению технического осмотра и передачи его в конкурентную среду может повлечь за собой необходимость в специальной подготовке персонала не только операторов-диагностов, но и специалистов с криминалистическим образованием для анализа наличия или выявления изменения номерных деталей и документов транспортных средств. Подготовку с последней указанной специализацией имели сотрудники дорожной полиции, задействованные в данной работе, в силу набора операторов-диагностов привлекаемый персонал может не обеспечить эту функцию. Одним из значимых факторов источника повышенной опасности автотранспорта является его изношенность. Это обуславливает необходимость ужесточения контроля и надзора за техническим состоянием автотранспортных средств, медико-психологическим состоянием водителей и их подготовкой, а также лицензированием, что в настоящее время, как видно из приведенного анализа требований ГОСТов и фактического

состояния эксплуатации дорог и автотранспорта, далеко от концепции безопасности.

К сожалению, только ряд крупных ДТП с большим количеством погибших и пострадавших обратило внимание госорганов на некоторые проблемные вопросы автомобильного транспорта.

Пересечение интересов в части строительства дорог, эксплуатации транспорта, поддержания и исключения из эксплуатации неисправного транспорта, несоответствующего требованиям, транспорта, легализованного с использованием криминальных подходов, анализа причин и обстоятельств происшествий на дорогах происходит в Центре судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан. И, как следствие, усматривается целесообразность, поскольку имеется необходимость использования специальных знаний множества сфер, применения научных подходов в анализе возникающих проблем, включения сотрудников Центра в комиссию при обсуждении и принятии ГОСТов и других нормативных документов. Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости создания в структуре Центра научно-исследовательских групп либо института для разработки и улучшения имеющихся методов исследований, создания новых видов исследований и направлений, потребность в наличии которых существует со стороны потребителей услуг – правоохранительных органов, судов и граждан Республики Казахстан. В качестве примера можно привести целесообразность разработки автодорожной экспертизы, поскольку в эксплуатацию дорог и автомобильного транспорта в повседневной жизни вовлечена большая часть населения в качестве пешеходов, водителей либо пассажиров. Все являются потребителями торговой сети, грузы в которую доставляются автомобильным транспортом. А следовательно, вопросы автотранспорта и осуществляемых им перевозок, особенно пассажиров, подлежат тщательному анализу для поиска приемлемых решений.

При этом, необходимо отметить, что в республике очень многое делается в решении вопросов безопасности дорожного движения, как в дорожном строительстве, так и по линии дорожной полиции, включая сбор и анализ параметров происшествий, проведение осмотров, экспериментов и других следственных действий. К сожалению, эффект от этих действий, вполне правильных и обоснованных, минимальный. Основная причина неэффективности: отсутствие анализа причинно-следственных связей ДТП и принятых решений по проблемным вопросам, разрешаемым экспертами

Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан. Данные обстоятельства также указывают и на отсутствие анализа в органах дорожной полиции и предварительного следствия заключений экспертизы и использования полученных результатов для профилактических мероприятий, широкое распространение которых ушло с ротацией подготовленных кадров данных структур. Это

требует повышения уровня образования и подготовки сотрудников силовых структур [4] и госорганов Республики Казахстан в соответствии с принятыми концепциями, поскольку вопросы обеспечения безопасности дорожного движения комплексные и их трудно, а практически невозможно, отделить от других вопросов автотранспортной деятельности и общества в целом.

Список использованных источников

1. *Балгабаев, Н.Н.* Правила дорожного движения Республики Казахстан: комментарий / Н.Н. Балгабаев. – Алматы: Норма-К, 2010. – 379 с.
2. *Маханов, Ш.К.* О государственной политике на автомобильном транспорте.
3. *Маханов, Ш.К.* Автомобильный транспорт – новые вызовы времени / Ш.К. Маханов // Магистраль. – Казахстан. – 2008. – № 3.
4. *Расследование дорожно-транспортных происшествий* / Под общ. ред. В.А. Федорова, Б.Я. Гаврилова. – М.: Экзамен, 2003. – 464 с.

Дата поступления: 20.10.2014

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

5

ЧУРКИН А.А.

7

Генезис и развитие отечественного уголовного законодательства в сфере обеспечения ядерной и радиационной безопасности*

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

13

ШВЕД А.И.

15

Актуальные тенденции развития стадии возбуждения уголовного дела*

РЫБАК С.В.

21

САМКО А.В.

Генезис научно-правовых взглядов на институт частного обвинения в отечественном уголовном процессе*

ТУКАЛО А.Н.

27

ТОЛОЧКО А.Н.

Анализ взглядов на соотношение «результатов» и «материалов» оперативно-розыскной деятельности при их использовании в доказывании*

БОРДЮГОВ Л.Г.

33

Вопросы применения и использования специальных знаний в уголовном процессе Украины*

КРИМИНАЛИСТИКА

39

СЕДНЕВ В.В.

41

Криминалистическая характеристика преступления: эволюционная эпистемология и диалектическая логика понятия*

БАННИКОВ А.М.

48

КОЛЯДА А.А.

РЕВИНСКИЙ В.В.

Базовые принципы антропометрической параметризации лиц*

ЕЛЁТНОВ В.И.

54

Ретроспективный анализ словесного портрета в криминалистике*

ЛАППО Е.А.

61

Критерии оценки поражающей способности огнестрельного оружия и патронов (боеприпасов) к нему*

ПЕТРУСЕВИЧ М.Г.

69

Орудия и средства, используемые при подготовке и совершении массовых беспорядков*

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

73

БОЧАРОВА О.С.

75

РЫБАЛКО Е.Я.

Технико-криминалистическое исследование пластиковых документов. Методические и организационные аспекты*

РОПОТ Р.М.

80

Установление давности нанесения оттисков печатей и штампов как одна из проблем технико-криминалистического исследования документов*

ВОДОЛАЗОВ А.В.

84

МИХАЙЛЕНКО Г.В.

Методы выявления и фиксации потожировых следов рук на коже человека (трупа): современное состояние и перспективы разработки*

СВЕТЛИЧНАЯ Т.А. СТАНКЕВИЧ А.А. ШУМАК Г.А.	90	<i>Теоретические предпосылки и практическая необходимость выделения судебной экономико-аналитической экспертизы в системе судебных экономических экспертиз*</i>
ТАЛЪЯНЧУК И.С.	97	<i>Возможности судебной экономической экспертизы в решении вопросов, связанных с соблюдением земельного законодательства*</i>
ЧЕРЕПОВИЧ А.В.	102	<i>Значение кодифицированной языковой нормы при решении идентификационных задач криминалистической экспертизы звукозаписей*</i>
ШАЛЬКЕВИЧ И.А.	108	<i>Некоторые вопросы проведения судебных экспертиз по делам о незаконной охоте*</i>
КОВГАН Ж.И.	114	<i>Судебная экспертиза: целесообразность использования слова «судебная»*</i>
КРИНЧИК Т.Ю.	121	<i>Психические и поведенческие расстройства вследствие употребления психоактивных веществ у потерпевших: судебно-психиатрическая оценка, практика производства судебно-психиатрических экспертиз*</i>
СЕМЕНОВ В.Н.	127	<i>Психологические предикторы совершения ненасильственных и насильственных преступлений у лиц с диссоциальным расстройством личности*</i>
АРТЮШКЕВИЧ В.С.	131	<i>Травма как фактор риска для здоровья и жизни спортсменов</i>
СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА АВТОМАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	137	
ВОДОЛАЗОВ А.В. ЗАВГОРОДНЕВ С.М. ЛЫСЯННЫЙ Ю.Ю. СИВЕРСКИЙ Ф.А. РЕВИНСКИЙ В.В.	139	<i>АРМ «Эксперт-Дактилоскопист» – примеры решения идентификационных задач*</i>
ЗАВГОРОДНЕВ С.М. КОЛЯДА А.А. РЕВИНСКИЙ В.В.	144	<i>Некоторые аспекты построения весовой функции с учетом топологического окружения совпавших точек на дактилоскопических изображениях</i>
КОЗЛОВ В.Л. РУБИС А.С. РОПОТ Р.М.	149	<i>Применение алгоритма корреляционной обработки цифровых изображений для оптимизации процесса сравнения оттисков печатей и штампов*</i>
ШАНДРИКОВ В.В.	156	<i>Исследование признаков монтажа видеозаписей стандарта H.264 с применением методов векторного анализа*</i>

ЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА	161	
ДОДА И.Г. ШАТЕРНИК И.Л. ШАЛЬКЕВИЧ И.А. ЗЯЯЦ К.А.	163	<i>Обобщение экспертной практики по делам о незаконной охоте</i>
ИВАШКЕВИЧ А.А.	179	<i>Оценка возможности применения синхронного термоанализатора в экспертизе волокнистых материалов и изделий из них</i>
БАТЫРШИН Т.Ф.	188	<i>Автомобиль и дорога: вопросы безопасности движения</i>

К сведению авторов

В редакцию статьи представляются на бумажном и электронном (файлу присвоить фамилию автора) носителях.

К статьям прилагаются сведения об авторе (авторах): Ф.И.О. (полностью), место работы, должность, ученая степень и звание, контактный телефон, e-mail и подпись.

Рукописи статей, учитываемых в качестве **научных публикаций по теме диссертационных исследований**, публикуются в рубрике «Научные публикации». Они представляются, как правило, в объеме не менее 14 000 печ. знаков, включая пробелы между словами, что соответствует 8 страницам текста через 2 интервала, но не более 30 000 печ. знаков (в этот объем входят текст, таблицы, рисунки, список источников). Научные статьи должны содержать следующие элементы: аннотацию на русском и английском языках (до 10 строк), введение, основную часть, заключение с четко сформулированными выводами, список использованных источников (ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте), дату поступления в редакцию. Научные публикации по теме диссертационных исследований пользуются правом первоочередного опубликования в сборнике.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, диаграммы, графики и другие графические файлы) необходимо представлять в электронном виде отдельными файлами, в следующих форматах (без сжатия!): JPEG; PDF; TIFF; EPS.

Статьи иного характера представляются в текстовом редакторе Microsoft Word, формат бумаги А4, шрифт Times New Roman, кегль 11, объем – до 15 страниц через 2 интервала.

Авторы несут ответственность: за подбор и точность приведенных фактов, цифр, цитат, правовых сведений, имен и иной информации; за содержание в материалах данных, не подлежащих открытой публикации; за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями. Авторы также гарантируют отсутствие в рукописи нецитированных заимствований из Интернета и других источников.

Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование поступающих рукописей статей и оставляет за собой право выбора материалов для опубликования, без письменного объяснения причины отклонения. Редакция предоставляет возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

Редакция также может опубликовать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения авторов.

Плата за опубликование научных статей редакцией не взимается.

Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / Государственное учреждение «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь». – Минск: Право и экономика, 2014. – Вып. 2/36. – 195 с.

Научное издание

**Вопросы криминологии,
криминалистики и судебной экспертизы
Сборник научных трудов
Выпуск 2/36**

Редактор

Т.К. Грекова

Верстка и дизайн

Г.С. Кондратенко

Адрес редакции:

220073

г. Минск ул. Кальварийская, 43

Тел./факс:

308 61 09

Интернет-адрес:

<http://sudexpertiza.by>

e-mail:

sudexpertiza@telegraf.by

Требования к иллюстрациям в рукописях

Уважаемые авторы!

Иллюстрации (рисунки, фотографии, диаграммы, графики и другие графические файлы) необходимо представлять в электронном виде отдельными файлами, в следующих форматах (без сжатия!): JPEG; PDF; TIFF; EPS; PSD (предпочтителен для сложных изображений в слоях, с текстом, таких как обложки).

Растровые изображения должны быть отсканированы с разрешением не менее 300 dpi для полутоновых изображений (фотографии, газетные вырезки, книжные иллюстрации) и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами). Повышение разрешения после сканирования программными средствами недопустимо.

Рисунки, сделанные в CorelDraw, желательно представлять в 2 вариантах: родной (.cdr) и экспортированный.

Качество иллюстраций и их корректировка (удаление объектов, замена фона, изменение четкости изображения и др.) обсуждается до осуществления процесса верстки оригинал-макета (во время представления рукописи).

Если Вы не уверены в качестве отсканированного или изготовленного изображения, лучше представить оригинал.